

НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС БЕСТСЕЛЛЕР

ДУБЛИН

— РОМАН —

ЭДВАРД РЕЗЕРФОРД

От автора
романов-бестселлеров

«ПАРИЖ» и «ЛОНДОН»

The Big Book

Эдвард Резерфорд

Дублин

«Азбука-Аттикус»

2006

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Резерфорд Э.

Дублин / Э. Резерфорд — «Азбука-Аттикус», 2006 — (The Big Book)

ISBN 978-5-389-13931-2

Дублин – столица Ирландии, Изумрудного острова, где живут свободолюбивые ирландцы. Эдвард Резерфорд оживляет ирландскую историю, рассказывая о семьях на протяжении нескольких поколений. Это и братья, вынужденные выбирать между преданностью древней вере и безопасностью семьи, и женщина, чья страсть к харизматичному ирландскому вождю угрожает ее надежному браку с процветающим торговцем, и молодой ученый, чья тайная симпатия к бунтовщикам подвергается испытанию, и мужчины, которые рискуют своей жизнью и счастьем детей в трагическом стремлении к свободе, а еще те, кто полон решимости уничтожить бунтовщиков раз и навсегда. Через истории людей из всех слоев общества – протестантов и католиков, богатых и бедных, предателей и героев – Резерфорд рисует главные этапы четырехсотлетнего пути Ирландии к независимости во всей ее драматичности, трагичности и славе... Это роман для всех тех, кто побывал в Ирландии и полюбил эту страну. Эта книга для всех тех, кому еще предстоит там побывать. Впервые на русском языке!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-13931-2

© Резерфорд Э., 2006
© Азбука-Аттикус, 2006

Содержание

Введение	9
Колонизация	13
Святой источник	85
Кромвель	123
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Эдвард Резерфорд Дублин

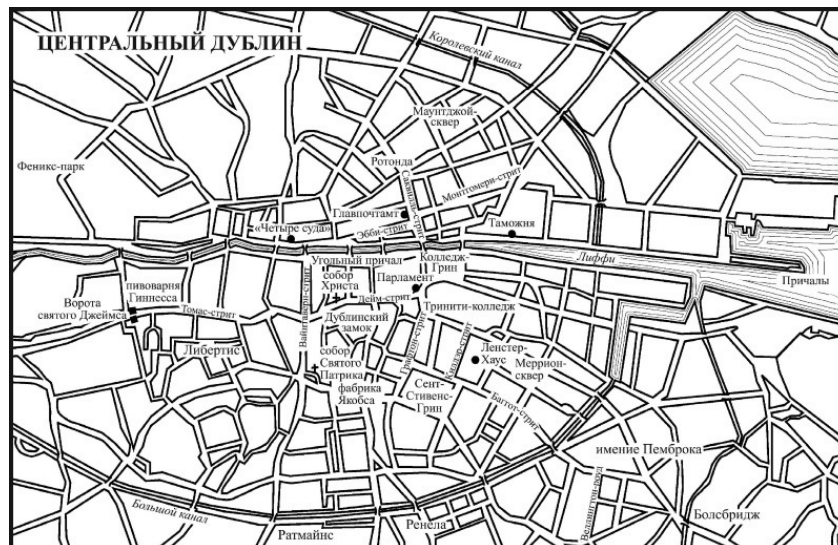
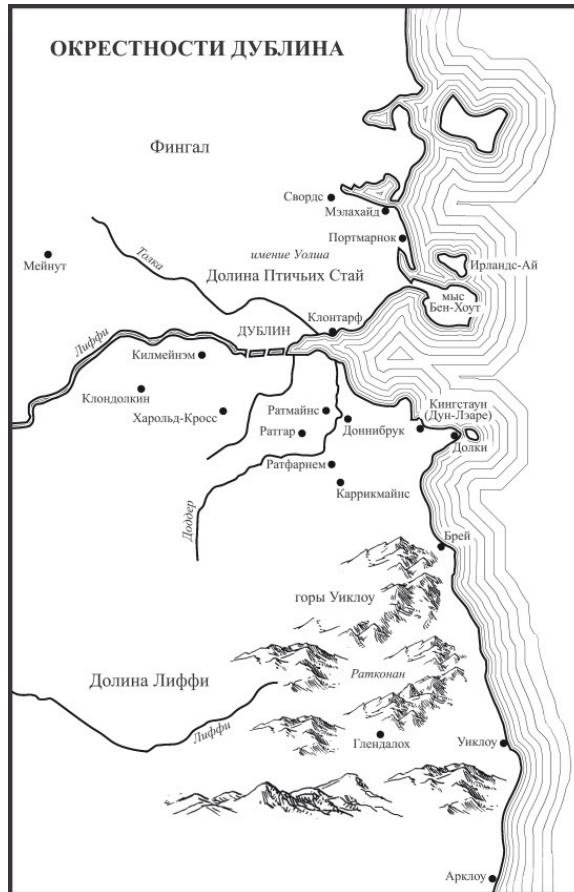
*Посвящается памяти Маргарет Мэри Мотли де Реневилль,
урожденной Шеридан*

Edward Rutherford
THE REBELS OF IRELAND
Copyright © 2006 by Edward Rutherford
All rights reserved

Перевод с английского Татьяны Голубевой

Оформление обложки Ильи Кучмы

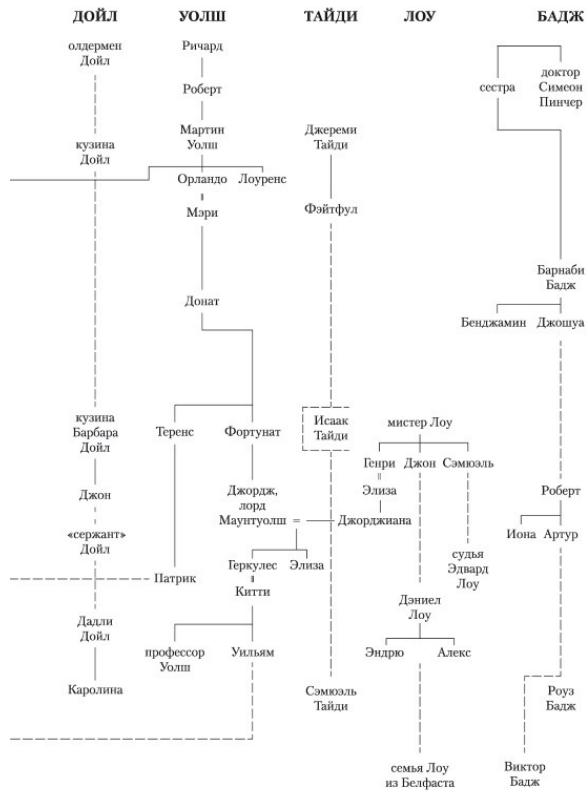
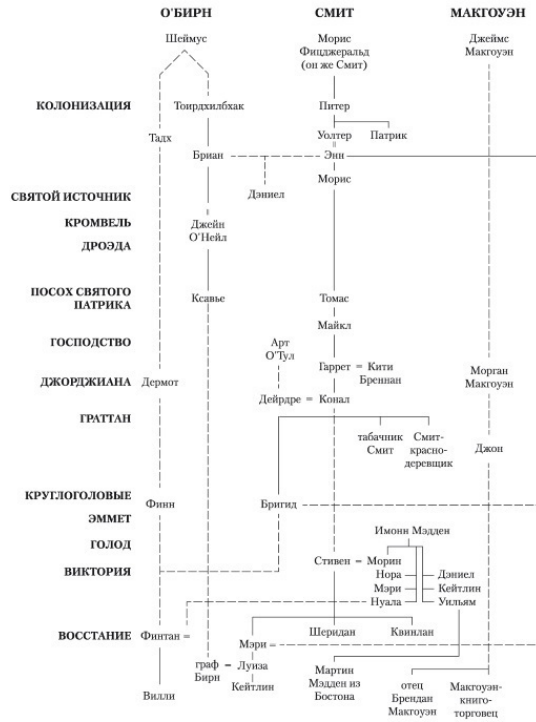

Карты выполнены Юлией Каташинской

© Т. Голубева, перевод, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017

Издательство АЗБУКА®

Родословные

Введение

В книге «Ирландия» прослежена судьба шести выдуманных ирландских семей.

О'Бирны, ведущие свой род от союза Конала, наследника верховного короля Ирландии, и Дейрдре, дочери местного вождя во времена святого Патрика.

Макгоуэны, мастера и торговцы еще докельтских времен.

Харольды и Дойлы, две семьи викингов, ставших фермерами и торговцами.

Уолши, по происхождению фламандские рыцари, осевшие в Уэльсе; в Ирландию они переехали во времена англо-норманнского вторжения в XII веке, которое возглавил Стронгбоу.

Тайди, мастера и мелкие чиновники, приехали в средневековую Ирландию в поисках удачи.

«Ирландия» – первая книга изумительной саги об Изумрудном острове Эдварда Резерфорда – охватывает одиннадцать веков ирландской истории, излагая ее через приключения и судьбы нескольких семей, о чьей дальнейшей жизни говорится в этом романе.

Рассказ начинается в 430 году с волнующей и трагической истории Конала, племянника верховного короля в Таре, и его страстной любви к прекрасной Дейрдре. Когда верховный король решил взять Дейрдре второй женой, влюбленные сбежали. Несколько счастливых лет они провели в укрытии, но пришла неизбежная расплата. Конал освобождает Дейрдре от ее обязательств перед верховным королем, однако ценой собственной жизни: он соглашается пожертвовать собой в древнем ритуале друидов, чтобы спасти свою любовь и землю от страданий. Здесь языческая Ирландия предстает во всей своей мифической славе: земля воинов и экстаических праздников, страна, в которой распри кланов сдерживает хитрость верховного короля, а друиды определяют судьбы людей.

Двадцать лет спустя Дейрдре живет со своим сыном Морной в маленьком поселении Дуб-Линн. Морна удивительно похож на своего отца Конала. Однажды к ним приезжает небольшая группа всадников во главе с седым мужчиной, и в нем Дейрдре узнает друида, руководившего принесением Конала в жертву. Но друид изменился: теперь он стал последователем Патрика, человека, который проповедует странную новую веру. Эта вера признает только одного Бога и отвергает человеческие жертвы. Через образ святого Патрика Резерфорд показывает, как гений и человечность этого проповедника превратили Ирландию в часть христианского мира.

Окончательный перелом в кельтской Ирландии происходит в IX веке, когда на остров вторглись викинги. Они появились на наводящих ужас кораблях и прославились как грабители монастырей. Но многие из этих завоевателей предпочли остаться в Ирландии, поселиться на плодородных землях и в процветающих портах. Они и дали окончательное имя этой стране: кельтское название острова Эриу совсем иначе звучало на языке захватчиков, так возникло скандинавское название – Ире-ленд. Викинги также переименовали Дуб-Линн в Дифлин, который в дальнейшем стал богатейшим портом Ирландии. Слияние скандинавской и кельтской культуры показано на истории Харольда и Килинн. Харольд – кораблестроитель в Дифлине, он поклоняется древним скандинавским богам, и среди его предков – храбрейшие норвежские воины. Килинн – прекрасная и одухотворенная наследница Конала – даже подумать не может о том, чтобы выйти замуж за нехристианина.

Харольд и Килинн живут в те времена, когда идет спор за престол верховного короля Ирландии. В 999 году великий король Бриан Бору начинает военную кампанию за объединение Ирландии под своей властью. В романе он получает преданного последователя в лице Харольда. Но не все готовы подчиниться власти Бриана: многие ирландцы выступают против него. А Килинн так просто ненавидит короля.

Через четырнадцать лет после того, как Бриан Бору обретает власть, Харольд и Килинн, оба недавно овдовевшие, начинают испытывать нежные чувства друг к другу, но Килинн, узнав о том, что Харольд верен королю Бриану, расстается с ним. Во время исторической битвы при Клонтарфе Бриан Бору одерживает убедительную победу, благодаря которой прекратились дальнейшие набеги викингов, но для Ирландии эта победа стала пирровой, поскольку обошлась слишком дорого, к тому же в этом сражении убивают Бриана Бору. В последовавший затем мирный период норвежец Харольд и кельтка Килинн, забыв о противоречиях, поженились и прожили счастливую жизнь.

В 1167 году, через век после Нормандского завоевания Англии, король Генрих II Плантагенет из Анжу во Франции стал готовить почву для присоединения Ирландии к Англии. Генрих позволил одному своему вельможе – умному и расчетливому Стронгбоу – устроить в Ирландии английское поселение. Изображая этот бурный период, Резерфорд вводит в повествование молодого наемника, чьи фламандские предки осели в Уэльсе. Парень по имени Питер Фицдэвид приплывает в Ирландию вместе с войсками Стронгбоу в надежде разбогатеть.

В Дублине Питер знакомится с семьей потомков Килинн. Глава этой семьи – женатый священник, имеющий детей, что было в порядке вещей в Ирландской церкви. Питер заинтересовался красивой дочерью Конна – Фионнулой. Она ничуть не против того, чтобы завести короткий роман с воспитанным английским солдатом. Их свидания прекращаются, после того как Стронгбоу просит Питера использовать девушку в качестве шпионки, и Фионнула невольно снабжает Питера сведениями, которые приводят к унижительному поражению верховного короля. И это был один из многих ударов, заготовленных для ирландцев сильным новым хозяином.

В 1171 году король Генрих лично прибывает в Ирландию во главе армии в четыре с половиной тысячи солдат, чтобы напомнить Стронгбоу: вне зависимости от его успешной захватнической политики он должен всегда подчиняться королю. Одержанные Генрихом победы в Ирландии вызывают восторг папы римского, и он посылает королю Генриху письмо, в котором хвалит за военное торжество над ирландцами. Папа дает понять ирландским церковнослужителям, что Рим их не поддерживает. В последующие годы король вознаграждает завоевателей Ирландии собственностью, отобранной им у ирландцев. Наконец и Питер Фицдэвид получает свое: в награду за два десятилетия преданной службы короне ему даруют поместье, которым сотни лет владела семья Фионнулы. Фионнула присутствует при передаче поместья и требует, чтобы Питер позволил ее брату и дальше жить на земле, веками принадлежавшей ее семье. Питера ничуть не трогают переживания женщины, но он разрешает ее брату остаться только при условии своевременной оплаты аренды. Фионнула, уже вышедшая замуж за одного из О'Бирнов, предупреждает Фицдэвида, что однажды ее дети могут спуститься с гор и вернуть себе землю, которая принадлежит им по праву.

К 1370 году англичане в окрестностях Дублина живут в постоянных стычках с ирландцами из внутренних районов острова. Резерфорд показывает это на примере пусть и крошечной, но расположенной в стратегически важном месте деревушки Долки. Неподалеку дублинский юстициар, главный представитель английского короля, отдает семье Джона Уолша древний замок Каррикмайнс, чтобы создать еще одно английское укрепление, способное противостоять сопротивлению ирландцев. Распространяется слух, что О'Бирн задумал налет на Каррикмайнс. Предостережение достигает ушей юстициара, и он созывает совет. В него входят Уолш и Дойл из Дублина, который стал успешным виноторговцем. Дойл предлагает устроить О'Бирну ловушку: тайком отправить в Каррикмайнс все отряды солдат, включая и тот единственный эскадрон, что расквартирован в Долки. На самом же деле Дойл готовится провести одну незаконную операцию, и ему необходимо убрать войска из деревушки. И пока возле Каррикмайнса ирландцы изображают нападение, Долки остается без присмотра. И в это время Дойл, потомок датских пиратов, провозит огромное количество контрабандных товаров; под

покровом ночи он вместе с жителями Долки разгружает целых три корабля, тем самым избежав уплаты больших таможенных пошлин.

XV век в Англии отмечен войной Алой и Белой розы, кровавой враждой между двумя ветвями королевского дома Плантагенетов. Хотя кульминация наступила в 1485 году, когда было нанесено смертельное поражение Ричарду III и победа досталась Генриху Тюдору, англо-ирландские распри продолжались. Ирландцы короновали юного претендента на английский престол – мальчика, который якобы был графом Уориком, – и попытались свергнуть Генриха. Но результатом стало лишь еще большее подчинение Ирландии, и теперь остров делится на тех, кто живет в Пейле – прилегающих к Дублину районах, населенных в основном англичанами, – и тех, кто живет за пределами Пейла, то есть остальной ирландский мир. И перед нами предстает жизнь четырех семей в XVI веке: Тайди, Уолш, Дойл и О'Бирн.

Для тех, кто живет в Пейле, важно выглядеть по-английски. И эти правила живо описаны на примере невесты Генри Тайди, Сесили. Ее арестовывают лишь за то, что она надевает шарф, цвет которого говорит о родстве Сесили с ирландцами. Генри надеется вскоре получить право участия в выборах, став свободным гражданином Дублина. Олдермен Дойл помогает уладить дело, но предупреждает Генри, что тот должен быть осторожен. Если узнают, что его невеста – ирландка, это может все погубить. И вот такой вроде бы незначительный эпизод ярко показывает, как разделяется дублинское общество в последующие десятилетия.

Этот неустойчивый политический климат ощущается и во владениях Уолша. По своим адвокатским делам Уильям Уолш вынужден поехать на юг Ирландии. Свою жену Маргарет он просит никому не говорить об этом. И хотя его дело вполне законно, шпионы короля Генриха VIII, против которого постоянно строят заговоры, могут подумать, что Уолш отправляется в сердце Манстера с куда более зловещими целями. Однако Маргарет выдает тайну Джоан Дойл, жене члена городского совета. Уильяму в дальнейшем отказывают в возможности стать членом парламента, а муж Джоан, олдермен Дойл, получает там место. Маргарет ненавидит Джоан, и у нее вроде есть причины: когда-то давно Дойлы приобрели земли, принадлежавшие семье Маргарет.

Но всерьез меняет ирландскую историю то, что Генрих VIII решает аннулировать брак с женой, испанкой Екатериной Арагонской. Папа римский обещал дать разрешение на развод, однако в это время племянник Екатерины становится императором Священной Римской империи. И папа не осмеливается оскорбить монарха Габсбурга ради короля Тюдора. Генрих VIII порывает с Римом, и в Англии – а также в Ирландии – начинается Реформация.

Разрыв короля с папой обостряет разногласия между Генри и Сесили Тайди. В праздник Тела и Крови Христовых Сесили во всеуслышание заявляет, что новая королева – еретичка, а потом добавляет еще, что король будет гореть в аду. Генри Тайди в ужасе, и к тому же судьбе было угодно, чтобы Сесили высказалась перед человеком, который вскоре поднимет ирландцев против короля. Это лорд Томас Фицджеральд, влиятельный член аристократического мира, прозванный Шелковым Томасом, поскольку носил одежду из очень дорогого шелка.

Вскоре после праздника Тела и Крови Христовых Шелковый Томас отказывается от своих клятв верности английскому королю и объявляет себя новым защитником Ирландии. Как и многие его соотечественники, мечтающие о возрождении гэльской Ирландии, Шон О'Бирн взволнован таким поворотом событий и даже является к Уолшам, требуя, чтобы Уильям поклялся в верности Шелковому Томасу.

Сесили Тайди тоже заражается этой лихорадкой и обращается к Томасу из окна башни: она выкрикивает обещания, которые разносятся по улице. Ее публичная клятва верности Фицджеральдам ужасает мужа Сесили. Тайди понимает: Сесили уничтожила все шансы на повышение его статуса в гильдии.

Дойлы продолжают противостоять Фицджеральдам в пользу Батлеров, сторонников Тюдора.

Обеспокоенный возможными в близкое время сражениями олдермен Дойл решает отправить Джоан в Долки, относительно безопасное место. Но он не знает, что Маргарет также строит планы – планы мести: она подговаривает Шона О'Бирна похитить Джоан на пути в Долки и потребовать за нее выкуп, который будет разделен поровну между Маргарет и О'Бирном. Однако все идет не так, как задумывали похитители: Джоан невредимой добирается до места, а один из сыновей Шона погибает. Уильям Уолш, узнав о попытке похищения Джоан, рассказывает жене о невероятной щедрости Джоан, которая предложила ему деньги в долг, чтобы он справился со сложными финансовыми обстоятельствами. Маргарет пристыжена. Теперь она ясно видит, что неправильно истолковала все поступки Джоан, что презирала женщину, чьи намерения всегда были только добрыми.

А вот для О'Бирнов все обернулось куда хуже. Шон и Ева воспитывали приемного сына по имени Морис, родившегося в знатной семье Фицджеральд. Когда Морис уже стал юношей, леди Фицджеральд заявила, что настоящим отцом Мориса является Шон О'Бирн; именно поэтому мальчика отдали Шону на воспитание. Видя ярость и унижение Евы, Морис сбегает в Дублин. Там, в самом сердце английского Пейла, живет друг их семьи, и он советует Морису стереть все следы ирландского происхождения. Таким образом Морис Фицджеральд, чья родословная включает принцев О'Бирн, благородных Уолшей, храброго Конала и множество поколений вождей, становится Морисом Смитом.

Теперь уже ясно, что романтический бунт Шелкового Томаса не получает поддержки с континента, от Испании. Генрих VIII отправляет на остров целую армию, и в 1536 году ирландский парламент принимает новый закон, отрекаясь от папы римского и выражая преданность королю Тюдору. Семьдесят пять человек из тех, что действовали заодно с Шелковым Томасом, приговорены к казни. Падение Фицджеральдов – это знак бесповоротного поражения всей Ирландии.

Роман завершается сценой, в которой Сесили Тайди в ужасе наблюдает за костром, что горит перед кафедральным собором Христа. Публично сжигаются иконы в попытке очистить ирландскую веру, и это возвещает новые битвы для каждой души на острове, поскольку религия и политика начинают смешиваться, образуя гремучую смесь. Резерфорд рисует зловещую завершающую сцену, в которой святые реликвии предаются огню, а Бачал Изу – украшенный драгоценностями реликварий, в котором хранился посох святого Патрика, одна из самых почитаемых святынь Ирландии, – исчезает навеки. Это незабываемый момент, и именно теперь наследники принцев превращаются в бунтовщиков.

В «Дублине» описывается история этих семей, но появляются и новые семьи: Смит, Пинчер, Бадж, Лоу, Мэдден и другие.

Колонизация

1597 год

Доктор Симеон Пинчер знал об Ирландии все.

Доктор Симеон Пинчер был высоким, худым, лысеющим человеком, хотя ему и шел всего третий десяток, с болезненной внешностью и суровыми черными глазами проповедника. Он был человеком образованным, ученым, членом колледжа Эммануэль в Кембриджском университете. Однако, когда ему предложили место в новом Тринити-колледже в Дублине, он устремился туда с такой живостью, что его новые наниматели были заметно удивлены.

«Я немедленно приеду, – написал он, – чтобы потрудиться во славу Господа».

С таким заявлением вряд ли кто-нибудь решился бы спорить.

Но он отправился туда не только из миссионерского рвения. Еще до своего переезда в Ирландию доктор Пинчер обстоятельно ознакомился с вопросом. Он, например, узнал, что жители острова, или коренные ирландцы, как их теперь называли в Англии, были хуже животных и что им, как католикам, нельзя доверять.

В Ирландию доктор Пинчер прибыл с твердым убеждением: коренные ирландцы – это низшие существа и сам Господь намеренно пометил их – вместе со многими другими, конечно, – еще в начале времен и предназначил им вечно гореть в адском пламени. Ведь доктор Пинчер был последователем Кальвина.

Чтобы понять, как именно доктор Пинчер толкует учение великого протестантского реформатора, достаточно было послушать одну из его проповедей. Несмотря на молодость, он уже считался отличным проповедником, и его восхваляли за понятность и простоту слов.

– Логика нашего Господа, – мог сказать доктор Пинчер, – как и Его любовь, безупречна. А поскольку мы обладаем способностью рассуждать, которую в Своей бесконечной доброте даровал нам Господь, мы можем понять Его цель. – И, наклонившись немного вперед, чтобы помочь слушателям сосредоточиться, доктор Пинчер мог пояснить: – Подумайте. Невозможно отрицать то, что Бог – источник всяческого знания, для Него все века – это один лишь миг, а потому Он должен в Своей бесконечной мудрости знать все: прошлое, настоящее и будущее. Следовательно, и в данный момент Он знает, кто спасется в Судный день, а кто будет отправлен в глубины ада. Он установил порядок всех вещей с самого начала. И по-другому быть не может. И хотя в Своем милосердии Он оставляет нас в неведении относительно нашей судьбы, некоторые уже избраны для рая, а другие приговорены к аду. Божественная логика непогрешима, и все верующие должны трепетать перед ней. Тех, кто отмечен, кто будет спасен, мы называем избранными. Все остальные прокляты и погибнут. И потому, – доктор Пинчер смотрел на слушателей устрашающим взглядом, – вы можете спросить себя: «Кто же я?»

Мрачную логику доктрины Жана Кальвина о предопределении трудно было опровергнуть. В том, что сам Кальвин, глубоко религиозный человек, руководствовался наилучшими намерениями, никто бы не усомнился. Его последователи стремились жить по всем правилам, быть честными, усердно трудиться и проявлять милосердие. Но некоторые критики этой доктрины считали, что идеи Кальвина рискованны: они могли привести к излишней суровости. Перебравшись из Франции в Швейцарию, Кальвин создал свою Церковь в Женеве. Правила в его общине были намного строже, чем у протестантов-лютеран, и он верил, что государство должно принудить верующих к строгости законом. Соблюдая собственную строжайшую мораль и донося властям на соседей за любое нарушение Божьих законов, эти люди не только

рассчитывали получить место в раю, но и доказывали себе и миру, что они-то и есть те самые предсказанные избранные, которым назначено было прийти сюда.

Вскоре кальвинистские общины появились и в других частях Европы. Шотландские пресвитерианцы были известны строгой приверженностью доктринам предопределенности, Английская церковь и ее сестра Ирландская церковь также прониклись духом кальвинизма. «Только набожные принадлежат Церкви» – так заявляли в их общинах.

Могли ли в общине оказаться те, кто на самом деле вовсе не был избран для рая? Вполне могли оказаться, допускали кальвинисты. Признаком этого являлось любое отступление от строгой морали. И все равно, как заявил доктор Пинчер в одной из своих наилучших проповедей, оставалось немало сомнений.

– Ни один человек не ведает своей судьбы. Мы подобны людям, бредущим через замерзшую реку, глупо не думая о том, что лед в любое время может треснуть, расколоться, бросить нас в ледяные воды, под которыми, скрытые глубоко, горят яростные костры ада. А потому не надувайтесь гордостью, следуя законам Священного Писания, а помните, что все мы жалкие грешники и должны быть смиренными. Потому что это есть Божественная ловушка, и избежать ее невозможно. Все предсказано, и ум Бога, будучи совершенен, не изменится. – А затем, оглядев несчастную паству, доктор Пинчер обычно восклицал: – Но даже если все предопределено, если вы обречены, умоляю – не падайте духом! Потому что, как бы ни труден был путь, нам велено всегда надеяться!

Могла ли быть надежда у тех, кто не принадлежал к кальвинистским общинам? Возможно. Никому из людей не ведомы Божественные помышления. Но все-таки это казалось сомнительным. В особенности для католиков будущее выглядело весьма печально. Разве они не признают верховенства папистов, разве не поклоняются святым как идолам, то есть делают то, что в особенности запрещено Священным Писанием? Разве у них не было возможности отказаться от своих ошибок? По мнению доктора Пинчера, все последователи папы римского уверенно идут навстречу гибели, а коренные ирландцы, чей дурной характер хорошо известен, скорее всего, уже находятся в лапах дьявола.

Можно ли их спасти, если они обратятся к истинной вере? Можно ли таким образом исцелить их? Нет. Их грехи, полагал доктор Пинчер, – явный знак того, что все они изначально осуждены на ад. Они, как языческие духи, что были заразой тех мест, принадлежали подземному миру. И именно такие мысли поддерживали твердое решение доктора Пинчера, когда он пересекал море, направляясь в Дублин.

А что он думал о собственной судьбе? Был ли Симеон Пинчер уверен, в самой глубине души, что он действительно один из избранных? Он надеялся, что это так. И если в его собственной жизни присутствовали какие-то грехи, пусть совершённые по неосторожности, могли они служить знаком того, что его натура развращена? Доктор даже думать об этом не хотел. Конечно, к греху было склонно множество людей. Но те, кто раскаивался, могли действительно спастись. А значит, если он сам и грешил, то раскаивался в том с полной искренностью. А его повседневное поведение, его ревностное служение Богу доказывало, как надеялся и верил доктор, что он и в самом деле не последний среди тех, кого избрал Господь.

День, когда Симеон Пинчер прибыл в Дублин, был тихим, дул лишь легкий ветерок. Его корабль бросил якорь в устье реки Лиффи. Лодочник перевез доктора на Деревянную набережную.

Не успел доктор Пинчер ступить на ирландскую землю, представленную старым причалом, как произошло странное событие и мир перевернулся вверх ногами.

Через некоторое время доктор обнаружил, что лежит вниз лицом, слышит ужасный грохот и неожиданно получает сильный удар в живот. Доктор с трудом повернулся, посмотрел

вверх, моргая, и увидел человека, судя по одежде джентльмена, который отряхивал с себя пыль и с беспокойством глядел на доктора.

– Вы не пострадали?

– Не думаю, – ответил Пинчер. – А что случилось?

– Взрыв.

Незнакомец показал назад, и Пинчер, развернувшись, увидел, что посреди причалов, где он заметил высокое здание с подъемным устройством по соседству, теперь торчит каменный пень, а дома на противоположной стороне улицы превратились в почерневшие развалины.

Пинчер с благодарностью принял протянутую руку незнакомца и поднялся. Нога у него болела.

– Вы только что приехали?

– Да. В первый раз.

– Тогда идемте, сэр. Кстати, меня зовут Мартин Уолш. Тут рядом есть гостиница. Позвольте мне проводить вас туда.

Оставив Пинчера в гостинице, любезный джентльмен ушел, чтобы осмотреть разрушения. Вернулся он примерно через час.

– Странное дело. Несчастный случай, без сомнения, – сообщил он и объяснил, что, похоже, искра, выбитая лошадиной подковой из камня мостовой, попала в бочонок с порохом, который переносил в пороховой склад большой грузоподъемный кран. – Вся нижняя часть Вайнтаверн-стриг разрушена. Даже здание собора Христа, расположенного выше по склону, дрогнуло. – Уолш сухо улыбнулся. – Я слышал о чужаках, приносящих плохую погоду, сэр, но взрыв – это что-то новенькое. Надеюсь, вы не собираетесь и дальше причинять вред ирландцам.

Вполне добродушная шутка, и Пинчер прекрасно это понял. Но сам он не слишком умел шутить.

– Нет, – ответил он с мрачным удовлетворением, – если они не паписты.

– А-а... – Джентльмен грустно улыбнулся. – В Дублине их много, сэр.

Но только после того, как этот добрый самаритянин проводил его в Тринити-колледж и сдал на руки привратнику, доктор Пинчер обнаружил, что и сам мистер Уолш принадлежит римской вере. Это был неловкий момент, отрицать невозможно. Но разве могло Пинчеру прийти в голову, что этот добрый незнакомец, явно англичанин, явно джентльмен, окажется папистом? И, как и предупреждал его Уолш, он действительно с ужасом узнал, что многие благородные жители Дублина, даже самые высокопоставленные, тоже паписты.

Но это открытие всего лишь показало, понял доктор Пинчер, как много нужно здесь сделать.

1607 год

Вечер летнего дня. Мартин Уолш стоял с тремя своими детьми на мысе Бен-Хоут и смотрел через море. Его осторожный юридический ум был занят тщательными расчетами.

Мартин всегда был вдумчивым – староватым для своих лет, часто говорили о нем. Его мать умерла, когда мальчику было три года, отец, Роберт Уолш, – годом позже. Его вырастили дед, старый Ричард, и бабушка, и Мартин, привыкнув постоянно находиться в обществе пожилых людей, бессознательно перенял многие их взгляды и отношение к миру, в том числе и осторожность.

Уолш нежно посмотрел на дочь, пятнадцатилетнюю Энн. Он с трудом верил, что уже должен принять насчет нее решение. Уолш сжал письмо в кармане штанов и снова задался вопросом, как задавался уже много часов: стоит ли рассказывать ей об этом?

Вообще-то, замужество дочери – частное дело семьи. Но оно таковым не было. Не в эти времена. Уолшу очень хотелось, чтобы его жена была жива. Она бы знала, как с этим спра-

виться. Молодой Смит мог обладать хорошим характером, а мог и плохим. Уолш надеялся на лучшее. Но тут было нужно и кое-что еще. Принципы, естественно. И сила, без сомнения. А также не поддающееся определению и имеющее первостепенное значение качество – талант к выживанию.

Ведь для людей вроде самого Мартина – для преданных старых англичан – жизнь в Ирландии никогда не была еще более опасной.

Прошло четыре с половиной столетия с тех пор, как король Англии Генрих Плантагенет вторгся в Ирландию и, заняв место древнего ирландского верховного короля, силой вынудил вождей ирландских кланов формально признать его своим владыкой. Конечно, по другую сторону Пейла, области вокруг Дублина, вожди все равно оставались вождями, и вельможи Плантагенета, вроде Фицджеральдов, которые вскоре уже перестали слишком отличаться от ирландцев, правили островом на старый лад. Но семьдесят лет назад король Генрих VIII сверг Фицджеральдов и ясно дал понять, раз и навсегда, что Англия намерена напрямую управлять западным островом. Он даже принял на себя титул короля Ирландии.

Несколько лет спустя больной английский монарх Генрих VIII, сменивший шесть жен, умер. Около шести лет правил его сын Эдуард, слабенький мальчик, еще пять лет престол занимала его дочь Мария. А потом корону надела Елизавета, королева-девственница, и уже почти полвека она оставалась на английском троне. И эти монархи пытались управлять Ирландией, и все они находили это весьма нелегким делом.

На остров присылали лордов-наместников, и одним из них доставало мудрости, а другим – нет. Это почти всегда были английские аристократы со звучными именами или титулами: Сент-Леджер, Сассекс, Сидни, Эссекс, Грей. И они всегда сталкивались с одними и теми же традиционными ирландскими проблемами: старинные английские семьи – Фицджеральды и Батлеры – продолжали завидовать друг другу; ирландские вожди не выносили королевского надзора: в Ульстере могущественные О'Нейлы до сих пор не забыли, что когда-то были верховными королями Ирландии. И все – да, все, включая преданных английских сквайров вроде Уолшей, – были только рады отправлять посланников к монарху, чтобы подорвать авторитет и власть лорда-наместника, если его решения им не нравились. Ведь наместники являлись сюда, чтобы превратить Ирландию во вторую Англию, а вовсе не для выгоды ирландцев. Вместе с ними явилась толпа искателей фортуны, так называемые новые англичане, жаждавшие получить землю. Некоторые из этих жуликов даже пытались утверждать, что происходят от давно забытых поселенцев Плантагенета и что у них есть право на ирландскую собственность.

И стоило ли удивляться, когда английские лорды-наместники обнаруживали, что Ирландия сопротивляется переменам, или новым налогам, или английским авантюристам, пытавшимся украсть землю? За время детства Мартина Уолша постоянно возникали бунты, особенно на юге, где Фицджеральды в Манстере ощущали угрозу. При этом многие не просто подозревали, а были уверены в том, что английские официальные лица намеренно пытаются возбудить беспорядки.

– Если они сумеют подтолкнуть нас к серьезному бунту, – приходили к выводу некоторые ирландские землевладельцы, – то сразу конфискуют наши поместья и наложат на них лапу. Вот что они задумали.

Но только в конце долгого правления Елизаветы было поднято настоящее восстание.

Из всех ирландских провинций Ульстер имел репутацию наиболее необузданного и самого отсталого. Ульстерские вожди наблюдали за продвижением английских порядков в других провинциях с отвращением и все нарастающим беспокойством. Самый крупный из них, О'Нейл, получивший образование в Англии и носивший английский титул графа Тиронского, обычно умудрялся поддерживать там мир. Но в конце концов именно Тирон и возглавил восстание.

Чего он хотел? Править всей Ирландией, как его далекие предки? Возможно. Или просто желал так напугать англичан, чтобы они предоставили ему владеть Ульстером как своей собственностью? Тоже возможно. Но он, как и Шелковый Томас за шестьдесят лет до него, воззвал к истинным католикам, в противоположность еретикам-англичанам, и отправил послание католическому королю Испании, прося войска. И на этот раз отряды католиков – четыре с половиной тысячи солдат – действительно прибыли. Граф Тирон и сам был опытным воином. Он разбил первые английские силы, посланные против него в Ульстер, в битве при Йеллоу-Форде, и люди поспешили к нему со всего острова. Это было всего десять лет назад, и никто в Дублине не знал, что может произойти, но затем Монтджой, жестокий и опытный английский военачальник, разбил Тирона и его испанских союзников в Манстере. И после этого Тирон уже ничего не мог поделать. В тот самый момент, когда старая королева Елизавета лежала в Лондоне на смертном ложе, граф Тиронский, последний из вождей Ирландии, капитулировал. Но англичане оказались на удивление снисходительны к нему: они позволили графу сохранить часть древних земель О'Нейлов.

На трон Англии взошел новый король – Яков, один из кузенов Елизаветы. Игра Тирона была закончена, и он это понимал. Но стало ли в Ирландии безопаснее?

Уолш смотрел на море. Справа от него раскинулся широкий Дублинский залив, уходивший к южному мысу и порту Долки. Слева – странный маленький островок с расщелиной в утесе – Ирландс-Ай, так теперь иногда называли этот островок люди. А по другую сторону залива, на севере, поднимались голубовато-серые горы Ульстера. Если он вообще собирался заговаривать на эту тему, решил Уолш, то теперь самое время.

Характер Мартина Уолша можно было угадать по его внешности. На мягких кожаных башмаках виднелось несколько пятен высохшей грязи и пыль, поскольку, доехав верхом до основания мыса, мимо замка его друга лорда Хоута, Мартин предпочел подняться на вершину пешком. Но его тщательно вычищенные утром штаны и дублет оставались все такими же чистыми. Поскольку день был теплым, Уолш скакал без плаща и даже без шляпы, и его волосы, пока еще каштановые, свободно падали на плечи, однако в небольшой остроконечной бородке уже пробивалась седина. Осторожный, чистоплотный, спокойный, негорделивый... семейный человек. И единственной посторонней вещью, которую мог бы заметить новый знакомец, был серебряный крестик, висевший на груди Мартина.

Письмо доставили Уолшу этим утром. Прочитав его и переварив содержание, Уолш мог прийти только к одному выводу: автор письма очень спешил, узнав, что Лоуренс и Энн собираются уехать.

– Я получил письмо от Питера Смита, – тихо сказал он. – Насчет его сына Патрика. Ты его знаешь?

Сыновья промолчали, хотя Лоуренс внимательно посмотрел на Энн, а потом вопросительно – на отца.

– Я с ним встречалась раз или два, отец, – ответила девушка. – Когда была с мамой в Дублине.

– Ты с ним разговаривала?

– Немножко.

– И что ты о нем думаешь... о его характере, я имею в виду?

– Что он честный и благочестивый.

– Он тебе понравился?

– Пожалуй, да.

Мартин Уолш немного подумал. Он не слишком близко знал ту семью. Смит – уважаемый дублинский торговец и католик. В этом Мартин не сомневался. А что еще? Смит жил в Дублине, лет двадцать назад он ссудил деньги одному землевладельцу к югу от города под

залог имения. После этого, как то было в обычае у ирландцев, он мог пользоваться имением как своим до полной выплаты долга. На взгляд Уолша, Смит по меньшей мере наполовину был джентльменом. И в нем явно чувствовался аристократ. Вот только насчет происхождения этой семьи не было полной ясности, и Уолшу это не нравилось. Питер отвергал слухи о том, что его отец Морис – урожденный Фицджеральд. Макгоуэн утверждал, что на самом деле он был сыном О'Бирна из Ратконана в горах Уиклоу. Думайте как хотите. Однако в любом случае происхождение у него благородное. Но правда состояла в том, что Уолш практически не знал семью Смит. Он слышал, что у них несколько детей, но разузнать подробнее ему не удалось. Нужно действовать активнее. А вот его родственнику Дойлу наверняка все известно.

Что до письма Питера Смита, то тут все было понятно. После нескольких милых комплиментов в адрес дочери Уолша и ее репутации он спрашивал, не могли бы они обсудить возможность, только возможность, обручения этой драгоценности с его сыном, пораженным красотой девушки и ее чудесным характером.

– В письме говорится об обручении. Выглядит странным, что он готов просить твоей руки после столь краткого знакомства, – заметил Уолш.

Конечно, принцы могли жениться, всего лишь выслушав доклад посла и имея миниатюрный портрет невесты, но сквайры в окрестностях Дублина обычно знакомились семьями, прежде чем обвенчаться.

– Мне бы хотелось узнать его получше, отец, если он серьезно мной интересуется.

– Конечно, дитя мое. – Уолш кивнул и снова повернулся к морю.

Поэтому он не заметил взгляда Орландо, брошенного на сестру, и ее ответного предостерегающего взгляда.

Орландо был взволнован. И доволен собой. Потому что он догадался.

Впервые это произошло прошлым летом, когда Энн приехала домой из Франции. Они вместе отправились на прогулку и примерно в миле от дома встретили молодого человека. Энн и этот юноша как будто узнали друг друга, но незнакомца Орландо не представила. Они немного прошли вместе к каким-то деревьям, и там, найдя большой упавший ствол, Энн и этот человек сели поговорить, а Орландо тем временем изучал лесок. По какой-то причине Энн взяла с него обещание никому не говорить о той встрече; и Орландо весьма гордился тем, что старшая сестра так ему доверяет.

И хотя Орландо был на шесть лет моложе Энн, она играла большую роль в его жизни. Старший брат Лоуренс, которого Орландо считал героем, всегда был добр к нему, но брат учился за границей с тех пор, как Орландо вообще помнил себя, и потому дома появлялся лишь от случая к случаю. Еще два года назад Энн училась у отца Бенедикта, и уроки проходили в комнате, которую они называли классной, рядом с залом. И именно Энн, еще до того, как пришла очередь Орландо брать уроки у отца Бенедикта, научила его буквам, и именно она летними вечерами читала ему, а ее каштановые волосы падали в сторону, когда она склоняла голову, и Орландо прислонялся к ее плечу и, слушая, вдыхал нежный запах этих волос. Или же она рассказывала ему истории о разных глупых людях, и Орландо хохотал. Энн была прекрасной старшей сестрой.

Потом отец отослал ее в Бордо, в какую-то французскую семью.

– Я не хочу, чтобы моя дочь выросла как какая-нибудь провинциальная англичанка, – сказал он.

После первого года пребывания во Франции Энн вернулась довольно серьезной, но осталась приветливой и иногда взрывалась весельем. И раз уж она велела ему хранить тайну, Орландо скорее умер бы, чем выдал сестру.

В последующие недели они несколько раз отправлялись в поездки верхом на встречу с тем молодым человеком. Дважды они встречались на длинной полосе песчаного берега напро-

тив маленького островка с расколотым утесом, и Энн вместе с юношей скакала вдоль берега, пока Орландо играл в дюнах. Каждый раз Энн просила брата хранить секрет, а родителям говорила:

– Возьму Орландо покататься по берегу.

Умнее ничего и не придумать было.

Когда этим летом Энн приехала домой, встречи возобновились. И еще Орландо получал от сестры письма, которые доставлял молодому человеку, ждавшему в ближнем лесу. Но Орландо до сих пор не знал имени юноши или характера этих встреч. А если время от времени он осмеливался спросить, ответы сестры лишь смущали его.

– Он передает мне письма для одной девушки в церковной школе во Франции. И рассказывает о ней. Вот и все.

– А он собирается ее увидеть?

– Когда-нибудь, полагаю.

– А он собирается на ней жениться?

– Это секрет.

– А как ее зовут? А его как зовут? А почему он передает письма через тебя? А почему нам нельзя узнать больше?

– Все это секреты. Ты слишком молод, чтобы понять. А если будешь приставать с вопросами, глупый мальчик, я больше не стану брать тебя с собой.

Орландо не слишком понимал, что все это значит, но вовсе не хотел, чтобы его оставляли дома, и потому спрашивать перестал. Но накануне утром Энн отвела его в сторонку и заставила пообещать никогда и никому не рассказывать о том, что он видел. И он поклялся своей жизнью, что будет молчать. Но конечно, гадал, почему это так.

И вот теперь он понял. Тот молодой человек, должно быть, и был сыном Питера Смита. И он ухаживал за Энн. И никто об этом не знал, кроме Орландо. Глаза мальчика сияли, когда он думал о своем участии в таком приключении. И если по какой-то причине Энн чувствовала, что должна обманывать отца, так об этом Орландо не думал ни секунды.

Лоуренс откашлялся. Выглядел он серьезным. Если между Мартином Уолшем и его старшим сыном и существовали какие-то разногласия, то оба старались скрыть это от Энн и Орландо, в особенности после смерти их матери. И Лоуренс уважительно дал понять отцу, что хотел бы поговорить с ним наедине.

– А мы уверены, какую веру исповедует та семья? – осторожно спросил он, поскольку они затрагивали опасную тему.

Если Реформация, как серия землетрясений, проложила глубокие трещины по всей Европе, то в Ирландии поначалу трясло едва заметно. Король Генрих закрыл несколько монастырей и раздал их земли. Потом были разные грубые святотатственные действия, вроде сожжения святых реликвий в Дублине и утраты посоха святого Патрика. Но правление Эдуарда, короля-мальчика, во время которого и произошла протестантская революция в Англии, оказалось таким коротким, что у протестантов не нашлось времени для каких-то серьезных действий за морем, в Ирландии, а потом королева Мария вернула отцовское королевство Риму. В Англии ее звали Марией Кровавой, но ее стоило и пожалеть. Гордая, царственная, она видела, как отвергли и унизили ее мать. Не стоило удивляться тому, что она была яростно предана своему католическому наследию. И осознавала ли она вообще отвращение своих английских подданных, ценивших островную независимость, когда выходила замуж за кузена, Филиппа II Испанского? Но, оставшись бездетной, брошенная Филиппом, Мария вскоре умерла, а англичане велели ее испанскому муженьку больше к ним не соваться. Однако в Ирландии правление Марии оказалось достаточно спокойным. Монастырские земли, розданные Генрихом, не вернулись, правда, Церкви: ирландские джентльмены-католики не были

настолько набожными, чтобы отказаться от того, что упало им в руки. Но в духовном плане правление Марии было возвращением к нормальной жизни.

И только во время долгого правления Елизаветы в Ирландии вновь начались религиозные проблемы. Но за это вряд ли можно было винить саму королеву.

Лозунгом королевы Бесс всегда был компромисс. Решено было, что должна существовать Общенациональная церковь, иначе возник бы беспорядок. Но Английская церковь, как представляла ее себе Елизавета, выглядела весьма умной смесью, которая, как все надеялись, удовлетворит и умеренных католиков, и протестантов. Послание королевы к подданным было предельно ясным: «Если внешне вы будете подчиняться правилам, верьте в душе во что хотите».

Но история была против Елизаветы. Вся Европа уже разделялась на вооруженные религиозные лагеря. Католики были полны решимости сражаться с еретиками-протестантами. Король Филипп Испанский, потерпев неудачу со своей кузиной Марией, предложил даже руку Елизавете, чтобы сохранить Англию для своего рода и для католицизма. Но подданные Елизаветы уже приняли протестантство, а некоторые даже стали пуританами, и когда в 1572 году французская королевская семья организовала массовую резню протестантов в ночь святого Варфоломея, когда были убиты тысячи ни в чем не повинных женщин и детей, католикам в Англии досталось не на шутку. Но самый сильный удар по надеждам Елизаветы на компромисс нанес сам Рим.

– Папа римский отлучил королеву от Церкви.

С этой новостью однажды явился домой дед Мартина Уолша Ричард.

Это было одно из событий раннего детства, которые Мартин запомнил.

– Ох, как бы мне хотелось, – не раз и не два повторял потом дед, – чтобы он этого не делал!

Католики больше не обязаны были хранить верность королеве. И вскоре государственный совет, боясь, что католики могут оказаться предателями, начал их преследование. Прибывших с континента священников арестовали как шпионов и мятежников. Кого-то из них казнили. А когда Филипп Испанский наконец отправил свою могучую Армаду за море, чтобы завоевать остров еретиков, – и мог бы преуспеть, если бы сильный шторм не разбросал его галеоны вдоль побережья, – большинство англичан пришли к самому простому выводу: католики – это враги.

Кроме, пожалуй, Ирландии.

– Во времена моего отца, – вспоминала иногда королева Елизавета, – иезуиты явились к О'Нейлам, чтобы защитить какого-то изменника, так О'Нейлы просто прогнали их.

А когда невезучие галеоны испанской Армады были выброшены на берег, граф Тирон безжалостно перерезал всю их команду просто для того, чтобы показать английской королеве: коренным ирландским лордам можно доверять. В Англии поняли: католическая вера как таковая вовсе не обязательно приводит ирландских вождей к конфликтам с короной. Что до старинных семей англичан, гордых своей преданностью, то почти все джентри и большинство торговцев были по-тихому католиками, и королева вместе с государственным советом пыталась найти равновесие.

Если Ричард Уолш не желал отвергать Рим ради Церкви Елизаветы – Церкви Ирландии, если ей угодно, – то он все же мог сказать с кривой улыбкой: «Они так старательно следуют правильному внешнему виду, что почти начинаешь задумываться, а католики ли они вообще?» Тот, кто не посещал службы, должен был платить штраф, но эти штрафы не всегда удавалось получить. Даже католических священников, если они не доставляли хлопот, оставляли в покое. Но куда более серьезным и более оскорбительным было то, что католикам запрещалось занимать официальные должности.

– Но они же не могут на самом деле применять это правило, – любил напомнить Ричард. – Чаще всего единственный местный джентльмен, который годится для службы в магистрате, как раз католик!

И на это правило обычно не обращали внимания. При всех этих обстоятельствах люди вроде Ричарда Уолша могли сохранять двойственную преданность.

Но годы шли, и становилось все хуже. Явились новые англичане и стали занимать место под солнцем. Мало-помалу старых английских католиков вытеснили с официальных должностей. Законы против их веры ужесточились.

– С нами обращаются как с чужаками в нашей собственной стране! – начали жаловаться старые англичане.

После смерти королевы Елизаветы трон перешел к ее кузену Якову Стюарту, шотландскому королю. Его энергичная мать, королева Мария Шотландская, была католичкой, и ее заговоры против еретички королевы Елизаветы в конце концов стоили Марии головы. Но ее сын Яков был приведен к протестантству шотландскими лордами. Однако, возможно, новый король проявил бы больше симпатии к преданным сквайрам-католикам в Ирландии. Имелись намеки на то, что он на это способен. До прошлого года.

5 ноября 1605 года. Эта дата потрясла всю Англию. Группа заговорщиков-католиков во главе с Гаем Фоксом попыталась взорвать здания парламента, палаты лордов, палаты общин и самого короля Якова, но об этом узнали многочисленные королевские шпионы. И в последующие века этот возмутительный исторический эпизод превратился в популярный стишок:

Запомните на века
события пятого ноября.
Порох, измена и сговор.
Ведь нет причин забывать,
как мог бунт колыхать¹.

И после этого у английских пуритан и английского парламента не осталось никакого доверия к католикам.

И в каком положении оказались Уолши? В трудном. А возможно, могли однажды оказаться и в опасности. Так это понимал Мартин Уолш. И в таком случае какой ему нужен зять? Католик, конечно же. Уолш совершенно не желал иметь внуков-протестантов. Ему нужен был человек вроде него самого: преданный, но умный и воспитанный. Человек, который не позволит, чтобы сердце управляло головой. Готовый к компромиссу. Был ли молодой Смит таким человеком? Уолш не знал.

И только теперь он заметил, что все это время старший сын внимательно смотрел на него. Мартин улыбнулся:

– Не бойся, Лоуренс, я хорошенько все разужнаю, можешь быть уверен.

Но Лоуренс не улыбнулся в ответ. И Мартину даже показалось, что взгляд его сына был подозрительным и холодным. Наконец Лоуренс заговорил.

А Мартин, слушая его, слегка морщился и грустно глядел на Лоуренса. Отцу нелегко презирать собственного сына.

Лоуренсу очень хотелось промолчать. Ему было ненавистно огорчать доброго отца. Если бы только между ними не пролегла эта ужасная пропасть лжи, хотя Лоуренс все равно не знал, что с ней делать. Пропасть разверзлась из-за его образования.

Мартин купил чудесное имение в Фингале, на краю древней Долины Птичьих Стай, в самом сердце старого английского Пейла. Хотя его друг лорд Хоут присоединился к елизаветинской Церкви Ирландии, большинство местных джентри, вроде соседей Толботов из Мэла-хайда, были католиками и нанимали католических наставников для обучения своих детей. Ведь

¹ Перевод с англ. Уинтера Фоллса. – *Здесь и далее примеч. перев.*

самые серьезные компромиссы всегда встроены глубоко в систему. Деньги для содержания дома, например, доставлялись из поместья, которое жена Ричарда, урожденная Дойл, купила по дешевке, когда были разорены монастыри. Их родственники Дойлы – явно ради мирской выгоды – присоединились к Ирландской протестантской церкви десять лет назад. Лоуренсу это было противно, однако его отец, оставаясь добрым католиком, воспринял все философски и сохранил прекрасные отношения с протестантской родней. Вот только когда дело дошло до образования, подобный компромисс стал невозможен.

– Англичане не просто протестанты. Они превращаются в пуритан, – заявил Мартин. – Ты не можешь там учиться.

Но разве у них был выбор? В Ирландии всегда не хватало собственных университетов, но в недавнее время появилось новое учебное заведение – Тринити-колледж, его основали в Дублине, чтобы восполнить такую недостачу. Однако вскоре стало ясно, что Тринити-колледж предназначен в основном для новых английских протестантов, а потому католики, естественно, держались от него в стороне. И в таком случае оставались лишь семинарии и колледжи в континентальной Европе. И как многие другие джентльмены вроде него, Мартин Уолш отправил сына на континент – в Испанию, в Саламанку. И там, слава Богу, думал Лоуренс, он увидел совсем другой мир.

Когда могущественная Католическая церковь была вынуждена столкнуться с протестантской Реформацией, кое-кто воспринял это с яростью, но чаще храбрые и благочестивые католики смотрели на все иначе.

– Протестанты правы, – соглашались они, – когда говорят, что в Католической церкви слишком много продажности и суеверий. Но это не причина, чтобы разрушать тысячелетнюю духовную традицию. Мы должны очистить и обновить Святую церковь, и тогда вера воссияет новым ярким светом. И это священное пламя нужно будет защищать. Мы должны подготовиться к борьбе с врагами за нашу Церковь.

В результате родилось движение, известное как Контрреформация. Католическая вера – чистая, неиспорченная, простая, но сильная – намеревалась сопротивляться. Лучшие мужчины и женщины были готовы к битве. И где же Церковь могла найти рекрутов для этой великой цели? Конечно же там, где обучались лучшие молодые люди. В семинариях и церковных школах.

Лоуренс любил Саламанку. Он жил в Ирландском колледже и посещал университет, где был интересный и разнообразный курс обучения.

А в начале третьего года его пригласил к себе проректор и спокойно поинтересовался, чувствует ли Лоуренс в себе призыв к религиозной жизни.

– Мы с вашими преподавателями сошлись на том, что вам следует продолжать учебу и серьезно заняться богословием. Вообще-то, мы думаем, что у вас есть все необходимые качества для того, чтобы стать иезуитом.

Вступить в орден иезуитов – это была воистину великая честь. Члены этого ордена, основанного всего семьдесят лет назад Игнатием Лойолой, сразу стали элитой Церкви. Учителя, миссионеры, руководители... Их задача состояла не в том, чтобы удалиться от мира, а наоборот, взаимодействовать с ним. И если Контрреформация собирала армию солдат Христовых, то иезуиты были ее авангардом. Для этого требовалось все: ум, сильный характер, мирские умения. И Лоуренсу казалось, что с тех самых пор, как его семья впервые обрела силу веры в Ирландии четыре столетия назад, все готовило его к этой роли.

– Возможно, – сказал ему проректор, – наше предназначение – разжечь в Ирландии еще более яркое и чистое пламя, чем то, что горело там всегда.

И Лоуренса более чем удивило то, что отец не обрадовался этой новости.

– Я надеялся, у тебя будут сыновья, – пожаловался он.

И хотя Лоуренс вполне его понял, тем не менее такой подход показался ему недостойным.

– Ты все такой же милый, – грустно заметил как-то его отец, – но я чувствую, между нами что-то встало.

– Не знаю, о чем ты, – с искренним удивлением ответил Лоуренс.

– Эти вспышки в твоих глазах. Ты больше не один из нас. Ты мог бы быть французом или испанцем.

– Мы все принадлежим к Вселенской церкви, – напомнил ему Лоуренс.

– Да, знаю... – Мартин Уолш невесело улыбнулся. – Но отцу трудно быть судимым собственным сыном.

Отчасти такая жалоба была справедливой. Этого Лоуренс отрицать не мог. Но подобная проблема возникла не только в его семье. Лоуренс знал и других молодых людей, которые, вернувшись из семинарий, обнаруживали, что в беззаботной вере их родных недостает серьезности и точности. Он понимал своего отца и сочувствовал ему, но изменить ничего не мог.

Вот почему история со Смитом и сестрой, как казалось Лоуренсу, была потенциально очень серьезной. Какое влияние может оказать такой союз на его семью? Лоуренс пытался припомнить что-нибудь, что он слышал о тех людях. Вроде бы там было двое сыновей. И один не сумел закончить обучение.

Но куда более важным был вопрос их веры. Крепки ли они в своих убеждениях? Склонны ли они к уступкам? Если бы только Лоуренс чувствовал уверенность в твердости отца в этом вопросе, но уверенности Лоуренс не ощущал.

Но даже и в таком случае было немного бестактно с его стороны сказать теперь отцу:

– Надеюсь, нам не грозит вероятность того, что этот Смит станет еретиком, как твой кузен Дойл.

Едва произнеся это, Лоуренс понял, что следовало выразиться как-то иначе. Его слова прозвучали почти как обвинение, как будто Дойл и Мартин были настолько близки, что Мартин каким-то образом нес за него ответственность и ничего не предпринял. Лоуренс увидел, как отец поморщился.

– Я уже говорил тебе, Лоуренс, что ничего подобного нет. Возвращайтесь в Испанию, сэръ, и посвятите себя учебе.

И уж совсем непростительным было то, что в момент гнева Лоуренс сказал:

– А ты можешь быть уверен, отец, что я добьюсь расследования.

Он произнес эти слова тихо, чтобы их не услышали Орландо и Энн. Однако смысл слов был предельно ясен: отцу более нельзя доверять. И отцовский авторитет Мартина пошатнулся.

О чем они там говорят? Энн прислушивалась, но не могла разобрать. Выглядели оба сердитыми. Может, узнали, что она их обманывала? Но Энн не хотела никакого обмана. Совсем не хотела. Просто она влюбилась. Но и этого она тоже не хотела. А потом вдруг стало слишком поздно.

Когда Энн впервые встретила Патрика, ее мать была жива. Два года назад. Они поехали на праздник на равнине Керраг. Сюда со всех концов страны съехались и англичане, и ирландцы. Энн немного послушала волынки, пока родители смотрели лошадиные бега, а потом решила прогуляться по большой лужайке и тут заметила неподалеку молодых людей из Уиклоу, которые затеяли игру в хёрлинг. И хотя это была ирландская игра, несколько юношей из Дублина составили свою команду. Игра была жаркой, и парни из Уиклоу легко выигрывали, однако перед самым концом двое дублинцев дерзко прорвались вперед, и младший из них сравнял счет. Через мгновение игра закончилась, и Энн собралась уже уйти, как увидела, что те двое юношей из Дублина идут в ее сторону. Сама не понимая, что делает, Энн подождала, пока они не подойдут ближе. Оба широко улыбались, как мальчишки.

– Вам понравилось? – спросил с вежливой улыбкой тот, что был постарше, с темными волосами и правильными чертами лица. – Я Уолтер Смит, а это мой брат Патрик. Как видите,

мы свою битву не выиграли. – Уолтер рассмеялся и внимательно посмотрел на Энн, но она этого не заметила, поскольку ее взгляд остановился на Патрике.

Он был выше брата. Худощавый и крепкий. И в его манерах было нечто мягкое. Лицо овальное, на подбородке двухдневная щетина. Судя по всему, борода у него росла очень быстро. Каштановые волосы коротко подстрижены и надо лбом начали редеть. Карие глаза смотрели спокойно, и смотрели они на Энн.

– Ты видела, как я играл?

– Видела. – Энн засмеялась.

Он доволен собой, подумала она.

– К концу я постарался, – добавил Патрик.

– Да они просто нам позволили, – улыбнулся его брат. – Из жалости.

– Ну нет! – Младший казался разочарованным. – Не слушай ты этого парня! – Ласковые карие глаза теперь смотрели прямо в глаза Энн, и девушка, к собственному удивлению, почувствовала, что розовеет. – Как тебя зовут? – спросил он.

Энн вовсе не знала, стоит ли ей ожидать новой встречи с Патриком Смитом или его братом. И потому через несколько дней она испытала легкое волнение, когда, приехав с матерью в Дублин, заметила его рядом с собором Христа. Патрик тут же подошел, вежливо представился ее матери и немножко поболтал с ними – достаточно, чтобы выяснить: по четвергам она обычно ездит в Мэлахайд повидаться с жившим там старым священником. И на следующей неделе он ждал у дороги на Мэлахайд и скакал рядом с Энн примерно с милю.

Вскоре после этого Энн уехала во Францию, а в том же году ее мать умерла. Через несколько дней после того, как пришла эта весть, Энн получила письмо от Патрика. Он выражал соболезнования и сообщал, что думает о ней. В течение следующих долгих месяцев, когда Энн чувствовала себя невероятно одинокой, она довольно часто думала о Патрике. И хотя она любила своего брата и знала, что отец бесконечно любит ее, ничто не могло заполнить болезненную пустоту в ее жизни – там, где прежде всегда ощущалась любовь матери.

Патрик встретил Энн через несколько дней после ее возвращения. И Энн придумала, что нужно брать с собой Орландо. В конце концов, девушка вроде нее просто не могла исчезать куда-то день за днем, ничего не объясняя. Что же до прогулок наедине с молодым человеком, да еще и без дозволения отца, – такое было просто невыносимо. Поэтому Энн нашла отговорку.

Ей это не нравилось. Она была обычной девушкой, но девушкой серьезной. И следовала истинной вере своих предков. Она любила своих родных и доверяла им. И каждый вечер молилась за душу матери и просила Деву Марию вступить за нее. Энн было противно обманывать отца: она знала, что это грех. И если бы ее мать по-прежнему была с ними, Энн непременно рассказала бы ей о Патрике Смите, но отец – это совсем другое дело. И все равно ей хотелось его совета. Она бы и попросила о нем, но кое-что удерживало ее. Страх. Страх, что отец запретит ей впредь видеться со Смитом.

А она в нем нуждалась. Когда они вдвоем гуляли по тропинкам, Энн чувствовала себя легко и радостно, как ни с кем другим. Когда Патрик подходил ближе, Энн иногда почти дрожала. Когда его мягкие карие глаза заглядывали в ее глаза, ей казалось, что они сливаются воедино. Волнение этих встреч и растущее чувство того, что ее любят, заполняло пустоту, оставшуюся после смерти матери. И к тому лету Энн уже думала, что ей не прожить без Смита.

Но что бы сказал отец, если бы узнал? Конечно, он бы вмешался. А уж ее брат Лоуренс... Энн даже думать не хотела о том, что мог бы сказать он. Нет, если родные узнают о ее встречах с Патриком Смитом, всему придет конец.

А неделю назад Патрик просил ее выйти за него замуж. Они оба понимали, что все нужно устроить очень осторожно, должным образом. Его отец должен встретиться с ее отцом. Две семьи должны оценить друг друга, им ведь предстояло породниться. И знал или нет отец Пат-

рика об ухаживаниях его сына, все равно молодые люди сошлись на том, что Мартина Уолша ни во что посвящать не следует.

– Я просто не осмелюсь теперь признаться ему, – сказала Энн. – Отец решит, что мы его обманывали, и это причинит ему боль, а возможно, и настроит против нас.

Один ужасный момент Энн боялась, что может проболтаться Орlando, но мальчик помнил свое обещание и помалкивал. Энн решила еще раз поговорить с ним – очень твердо, – перед тем, как уедет утром.

Если им повезет, то к тому времени, когда она окончательно вернется из Франции, они с Патриком будут помолвлены. А ее дорогой отец будет думать, что это он все устроил.

Мартин Уолш отвернулся от Лоуренса и задумчиво посмотрел на Энн. Она уже стала красивой молодой женщиной и так напоминала ему дорогую жену. Но все равно она была еще девочкой. Невинной. Которую нужно защищать. Ладно, он поговорит со своим кузеном Дойлом о семье Смита. Но в одном Уолш был уверен: счастье Энн он поставит превыше всего. Это должно быть его целью.

За спиной Энн через пролив виднелся маленький островок с расколотым утесом, и он, казалось, купается в гаснущем оранжевом пламени. А далеко на северо-западе вырисовывался холм Тара. Солнце, ставшее кроваво-красным, опускалось за него. Мартин снова развернулся, чтобы посмотреть на юг, через Дублинский залив. Темнело. На дальней стороне залива тьма накрывала и маленький район Долки. А еще дальше к югу, где в вечернем свете можно было видеть вулканические конусы, береговая линия сливалась с угрюмым серым морем.

Компания спустилась с вершины Бен-Хоута и поскакала на запад, через древнюю Долину Птичьих Стай, к дому. Солнце уже спряталось за Тарой, но небо над головами было еще светлым, из-за горизонта на севере разливалось сияние, позволявшее видеть все вокруг.

До дома им оставалось совсем немного, когда в полумиле впереди они увидели двоих всадников, ехавших по дороге с севера, к Дублину. Бесформенная тень позади, ведшая за собой вычную лошадь, была, без сомнения, слугой, однако мужчина впереди производил сильное впечатление. Даже на таком расстоянии, даже в меркнувшем свете его высокое худое тело, слегка наклонившееся вперед, походило на палку или, поскольку мужчина слегка раскачивался, на некое одинокое черное перо, чертившее на пейзаже чернильную линию.

Орlando, поглощенный странным зрелищем, не слышал, как выругался его отец, и не заметил, что его просят остановиться, пока не ощутил на руке ладонь Лоуренса.

– А кто это? – спросил мальчик.

– Человек, с которым тебе не захотелось бы встречаться, – очень тихо произнес отец.

– Протестант. – По тону Лоуренса было понятно, что он мог сказать и проще: «Сам дьявол».

Все молча наблюдали за тем, как похожая на жердь фигура пересекает пустую равнину, явно не замечая присутствия зрителей.

– Это доктор Пинчер, – наконец сказал Уолш.

Именно тем утром доктор Пинчер обогнул могильный холм на склоне над рекой Бойн. Как и все те, кто ходил этой дорогой, он смотрел вниз, туда, где величаво скользили лебеди, и отмечал спокойствие и тишину этого места. Как и другие, он глядел на огромные, поросшие травой могильные холмы, которые высились, словно молчаливые гиганты вдоль узкой гряды, а в его мозгу шевелилась мысль: что это за дьявольщина и как все это здесь очутилось? Если бы кто-нибудь смог ему объяснить – однако никто этого не делал, – что древние насыпи некогда были гробницами, сооруженными в соответствии с точными астрономическими расчетами, доктор Пинчер был бы изумлен. А если бы кто-нибудь из ирландцев рассказал ему, что под этими курганами скрываются светлые залы легендарного народа Туата де Данаан, народа

великих воинов и мастеровых, который правил этой землей еще до того, как сюда пришли кельты, доктор Пинчер только бы презрительно фыркнул. Доктор не говорил по-ирландски, да и легенды ирландцев его не интересовали. Но перед самым большим курганом он заметил россыпи белого кварца. Пинчер подумал, возможно, они могут представлять какую-то ценность.

В то утро доктор Пинчер пересек Бойн ниже по течению от древних захоронений и поехал дальше на юг. Несколько дней доктор провел в Ульстере, и это было интересно. Очень интересно. И потому весь день он был занят размышлениями и ни слова не сказал слуге. Доктор Пинчер даже не остановился, чтобы перекусить.

Он уже десять лет прожил в Ирландии, и его мнение об ирландцах ничуть не изменилось. Король Яков дал верное определение: он называл коренных ирландцев-католиков дикими животными.

Кто-нибудь мог бы подумать, что такое мнение кажется странным, если учесть, что мать короля, королева Мария Шотландская, была преданной католичкой и что правители Шотландии ведут свое происхождение от ирландских племен. Но поскольку новый монарх Стюарт был помазанником Божьим, да еще и ученым, то верность его суждений не подвергалась сомнению. К тому же постоянные попытки ирландцев уклоняться от британских правил лишь доказывали, что они не способны сами управлять своей страной.

В Долине Птичьих Стай доктор Пинчер заметил Уолшей, но не обратил на них внимания.

Что бы он ни думал об ирландцах, положение преподавателя в новом учебном заведении приносило Пинчеру некоторое удовлетворение. Тринити-колледж был решительно протестантским, и Пинчер был там не единственным, кто проповедовал доктрину кальвинизма. Так что вряд ли стоило удивляться тому, что католики избегали Тринити, а правительственные служащие и прочие вновь прибывшие из Англии с энтузиазмом его поддерживали. Пинчер с успехом читал лекции по классическим языкам, философии и теологии и вскоре добился того, что его пригласили читать проповеди в кафедральном соборе Христа, где он завоевал у слушателей хорошую репутацию. Деньги, получаемые им за преподавание и проповеди, позволяли доктору жить весьма неплохо.

В особенности потому, что он не был женат. Вообще-то, он подумывал об этом и время от времени встречался с молодыми женщинами, которым казался привлекательным, но все они обязательно говорили или делали что-то такое, что подсказывало Пинчеру: они его недостойны. Поэтому он так и не женился. И все же у него была семья. Его сестра после чересчур долгого девичества наконец вышла замуж за почтенного человека по фамилии Бадж. И около полугода назад доктор получил письмо, в котором сообщалось, что сестра родила сына. Мальчика назвали Барнаби. Барнаби Бадж. Это было солидное, благочестиво звучащее имя. И до тех пор пока он сам не женился и не обзавелся детьми, Пинчер считал этого малыша своим наследником.

«Я намерен кое-что сделать для него» – так Пинчер написал сестре. И хотя писал он это, руководствуясь естественной семейной привязанностью, все же у него были и дальнейшие планы. Потому что, по правде говоря, с течением времени его сестра стала иногда проявлять недостаток уважения к брату. Но это была только его собственная вина. Пинчер не мог этого отрицать. Он ведь помнил некоторые моменты своей юности и глупую историю, которая заставила его поспешно уехать из Кембриджа. Увы, сестра знала обо всем. А Пинчеру эти воспоминания даже причиняли боль. Но его выдающаяся карьера в Дублине давно перекрыла прошлое. Репутация доктора была надежной. Он много работал, и он ее заслужил. Долгие годы он трудился ради спасения. Был осторожен и благоразумен. Но все равно до сих пор не имел ошутимого доказательства своего положения: собственности. И лучше всего – земли. Но теперь, похоже, все это было рядом.

Ульстер. Божья награда.

В тот день, скача на юг, доктор Пинчер несколько раз вспоминал Двадцать второй псалом и находил его весьма подходящим к случаю. «Господь – Пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться». Видит Бог, он всегда был преданным слугой. И должен теперь верить, что Бог его вознаградит. «Ты приготовил предо мною трапезу в виду врагов моих... чаша моя преисполнена...» Да, избранную паству следует кормить, даже устраивать для нее пиры на глазах ирландцев. «Он покоит меня на злачных пажитях...» Ах, именно это он и видел всю неделю. Зеленые пастбища Ульстера. Вознаграждение Божье. Очень скоро сеятель бросит семя на благодатную почву.

Один благочестивый человек рассказал доктору о ферме в Ульстере. Арендатор собирався отказаться от нее через год или около того, и, скорее всего, ту ферму можно будет купить за хорошую цену. Земля там прекрасная. Если доктор побеспокоится прямо сейчас, то сможет получить обещание, что ему предложат ту землю в первую очередь.

Вот Пинчер и поехал в Ульстер и пришел от него в восторг. Конечно, там все одичало, но земля была плодородной. В особенности доктор был рад обнаружить расположенные вдоль побережья общины шотландцев, настоящих кальвинистов вроде него самого. Они уже переместились через море и основали собственные небольшие фермы и рыбацкие деревушки. Что до собственности, о которой шла речь, то Пинчер осмотрел ее и поговорил с кем надо. Местечко, если он пожелает, может перейти к нему. Но куда более вдохновляющей для благочестивого человека была мысль о том, что вокруг живут добрые люди.

Подумать только, говорил себе Пинчер, ведь эту землю можно распахать, заселить...

Колонизация. На самом деле процесс колонизации начала католическая королева Мария Тюдор. И хотя ирландцы были католиками, она им не доверяла и потому пожаловала английским джентльменам земли в южной части Ленстера, где были основаны два поселения с военными гарнизонами для защиты тех мест. Попытались создать и другие колонии, в особенности в Манстере, где после большого бунта в период правления королевы Елизаветы отдельные участки земли правительство взяло под свой контроль в надежде, что поселенцы смогут научить ирландцев, как должны жить настоящие английские йомены. Но успеха там не добились, и все равно королевский совет не терял надежды. Что касается Пинчера, то ему казалось, что колонии – это блестящая возможность исполнять Божью волю. Разве не то же самое происходило в новых колониях – Виргинии и прочих – в Новом Свете? Вооруженные общины благочестивых пилигримов посреди туземных язычников, которые в свое время будут либо обращены, либо вытеснены в дикие места, а то и истреблены.

Колонизация проводилась достаточно просто. Огромную площадь следовало разделить на участки разных размеров. Англичане или шотландцы, готовые вложить деньги, – их называли предпринимателями – могли рискнуть и получить земельный надел, перевезти туда крепких арендаторов из Англии: йоменов, мастеровых и прочих, конечно же убежденных протестантов, – и потом наслаждаться постоянным доходом. Таким образом они стали бы владельцами идеальных общин. А скромные вкладчики вроде самого доктора могли не упустить блестящей возможности приобрести землю в аренду, а потом сдать ее в субаренду за приличные деньги.

В общем, не приходилось удивляться тому, что сердце доктора переполнялось радостью, когда он обдумывал идею: огромная часть Ульстера избавлена от папистов...

Могло ли это осуществиться? Кто знает? В свое время – да, верил Пинчер. А пока он мог начать, если все пойдет хорошо, с небольшого участка земли.

Поэтому он пребывал в отличном расположении духа, когда, добравшись до Долины Птичьих Стай, заметил католиков Уолшей, но не позволил этой картине испортить ему настроение.

После той их неловкой первой встречи Пинчер лишь изредка видел адвоката-католика. Он подозревал, что Мартин Уолш его недолюбливает, хотя Уолш был слишком джентльменом, чтобы как-то это показать. А вот к сыну Уолша, иезуиту, Пинчер испытывал ненависть и отвра-

щение. О других двух детях Уолша он ничего не знал. Но в общем доктор Пинчер не проявлял особой враждебности к семьям вроде Уолшей. В конце концов, невозможно было отрицать тот факт, что Уолш – настоящий джентльмен, хотя и папист. И до тех пор пока он предан английской короне, а Мартин Уолш был ей действительно предан, не было нужды лишать их права владения, как каких-нибудь простых ирландцев. Пинчер на самом деле не был уверен в том, какой должна быть судьба людей вроде Уолша. Конечно, их следовало понемногу лишать власти. С некоторыми, вроде иезуита Лоуренса, обращаться следовало со всей строгостью. Другие постепенно исчезнут сами собой. Такова была основная мысль Пинчера.

И вдруг его осенила счастливая мысль. К тому времени, когда его племянник Барнаби Бадж достигнет зрелого возраста, останется ли младший сын Уолша по-прежнему папистом, наслаждающимся плодами имения Уолшей? Нет, так Пинчер не думал. Он даже решил с полной уверенностью, что к тому времени с такими, как Уолш, будет полностью покончено.

В самом начале августа Уолш сообщил Орландо:

– Ты скоро познакомишься с молодым Смитом. С человеком, за которого выйдет замуж твоя сестра.

Орландо знал, что отец занимается этим делом с тех самых пор, как Энн и Лоуренс уехали на континент. До этого были долгие разговоры с кузеном Дойлом, с некоторыми священниками из Дублина, встречи с самими Сmithами. И после каждой такой поездки Уолш возвращался домой погруженный в мысли, но своими размышлениями ни с кем не делился. И поэтому, когда Орландо услышал, что в субботу днем молодой человек приедет к ним и останется у них на ночь, а потом утром пойдет вместе с ними на мессу, мальчик был чрезвычайно взволнован и переполнен радостью за сестру.

– Думаю, он тебе понравится, – благодушно сказал ему отец.

– Ох, я уверен! – ответил Орландо.

И как же старательно он готовился к встрече! И не забывал о данном сестре обещании. Никто не должен узнать о тайных встречах возлюбленных. Ни словом, ни жестом он не должен выдать себя. При встрече с молодым Смитом следовало вести себя так, словно он видит его впервые в жизни. Снова и снова Орландо повторял это в уме. Он обдумал каждую из глупых ошибок, какие мог бы совершить, и был готов к любой из них. Когда приблизился важный день, Орландо, встревоженный и взволнованный, был уверен в себе. Он их не выдаст.

Утро Орландо провел с одним из рабочих на ферме. Он как раз помогал разгружать телегу торфа, привезенного с болота на севере, когда увидел вдали всадника, скакавшего к их дому. Отец был внутри, и на мгновение Орландо подумал, не следует ли ему побежать навстречу молодому Сmithу, дать ему знать, что он честно хранит их тайну. Но после краткого колебания решил, что это может вызвать подозрения и что лучше пусть все идет так, как он и задумывал. Поэтому он просто развернулся и пошел в дом, где нашел отца и сообщил, что к ним едет какой-то незнакомец.

А потому именно его отец вышел навстречу молодому человеку и позвал конюха, чтобы тот занялся конем, а Орландо, изображая смущение, держался в тени в прихожей.

С того места, где он стоял, Орландо казалось, что он смотрит сквозь туннель, поскольку за открытой дверью ярко светило солнце. Орландо слышал голоса снаружи, видел тени, мелькнувшие перед входом, а потом появились две фигуры. Впереди шел отец, и он загородил солнечный свет. Вот они вошли и направились к Орландо. Настал его черед.

– Ну, – услышал он голос отца, – вот мой сын.

И тут, моргая на солнечный свет, что опять лился сквозь дверь за их спинами, Орландо с ужасом и явным недоумением уставился в лицо молодого Смита.

Потому что это был вовсе не молодой Смит. Это был кто-то совсем другой.

Затяга принадлежала Дойлу. Когда Мартин Уолш приехал к нему, чтобы поговорить о письме Питера Смита, Дойл ответил без колебаний:

– У Смитов отличная репутация, кузен Мартин. Их отец – достойный человек, и вполне состоятельный. И добрый католик, если желаешь знать, хотя кто-нибудь другой, наверное, сможет рассказать тебе больше. И у него двое сыновей. Который из них сватается к твоей дочери?

– Его зовут Патрик.

– А-а... – Дойл покачал головой. – Это вряд ли. Тебе нужен Уолтер, старший. Он не обручен пока, насколько я знаю.

– А что ты имеешь против Патрика?

Дойл протяжно вздохнул, выпустив воздух сквозь зубы:

– Ничего преступного, кузен. Никаких дурных поступков. Ну, младший сын, конечно. Но его характер... – Дойл помолчал. – Его отправили в семинарию, видишь ли. Но он так и не закончил обучение. Он вообще ничего не заканчивает. Не хватает настойчивости, упорства. Слабость, я бы сказал, которую он прикрывает галантными манерами.

– Галантен?

– О да! – Торговец усмехнулся, изображая некую пародию на изысканный стиль. – Он буквально образец совершенства во всех умениях аристократов. Он прекрасно ездит верхом, стреляет из лука, бегает как олень. Пишет стихи, поет и танцует. Говорят, женщины буквально тают под его взглядом.

– Понятно, – мрачно пробормотал Мартин.

– Они предлагают Патрика, кузен, но тебе нужен Уолтер. Он умен и работоспособен, и он очень приятный парень. Смит же будет лишь рад породниться с семьей Уолш, так что можешь выставлять свои условия.

Дойл рассказал Мартину еще очень много полезного, и когда Уолш наконец расстался с ним, последние слова Дойла продолжали звучать в его ушах: «Помни, кузен Уолш, не позволяй им подсунуть тебе Патрика».

Мартин Уолш навестил Смита и попросил познакомить его с обоими сыновьями. И ему стало понятно, что оценка Дойла была абсолютно правильной. Патрик, решил Уолш, честолюбив, но льстив и вкрадчив. Уолтер, хотя и был вежливым, не прилагал особых усилий к тому, чтобы произвести впечатление, и явно был нужным Уолшу человеком. Когда Уолш сказал Смицу, что предпочел бы Уолтера, на лице торговца на мгновение возникло выражение беспокойства.

– Но девушка и Патрик так нравятся друг другу, – возразил он. – Они как два голубка.

– Она его почти не знает, – твердо возразил Уолш.

– А-а... – Смит как-то странно посмотрел на Уолша, но тут же взял себя в руки. – Тут нужно подумать, – сказал он.

Переговоры продолжались две недели, и Уолш все больше убеждался в том, что его кузен Дойл ни в чем не ошибся и что Смит скорее пожертвует старшим, лучшим сыном, чем потеряет возможность породниться с Уолшами. Мартин несколько раз беседовал с молодым Уолтером и нашел его превосходным во всех отношениях. И в конце концов помолвка была устроена к всеобщему удовлетворению... или так думал Уолш.

Орландо просто не знал, что сказать или что подумать. Весь этот день и весь следующий он почти не разговаривал. В доме во время трапезы Орландо, сидя на трехногом табурете, тараторил на Уолтера Смита как идиот. К счастью, отец принял это за детскую застенчивость и не обратил внимания. А Орландо все гадал: знает ли Энн об этом? Должен ли он сказать ей, а если должен, то как это сделать? Вечером в воскресенье, когда Уолтер Смит уехал, Орландо подошел к Мартину:

– Отец, я хотел бы написать сестре.

– Письмо сестре? Рад это слышать, – благодушно откликнулся Уолш. – Можешь добавить несколько слов к письму, которое я уже пишу.

Орландо думал вовсе не об этом, однако ничего не мог поделать. И потому под аккуратными строками письма, написанного отцом, последовало сообщение детской рукой Орландо:

Отец говорит, что я должен радоваться за тебя, потому что ты просватана за Уолтера Смита. Он, похоже, прекрасный джентльмен, но я никогда не видел его раньше.

Орландо постарался потратить как можно больше чернил на последние слова, чтобы они выглядели ярче. Отец посмотрел на каракули сына, коротко высказался о его дурном почерке, но больше ничего не добавил.

После этого Орландо оставалось только ждать. Он по-прежнему брал уроки у старого священника. В доме царила тишина.

Внезапный приезд Энн десять дней спустя застал всех врасплох. Получив письмо от отца и Орландо, девушка в тот же самый день покинула Бордо, ни у кого не спросив разрешения и никого не поставив в известность. Отдав в залог золотое распятие и цепочку, подаренные ей отцом, Энн раздобыла денег на дорогу и добралась до побережья, где нашла корабль, отправлявшийся в Дублин. Ее отец не знал, то ли ему восхищаться храбростью дочери, то ли гневаться на ее непослушание.

А она сказала ему, что любит Патрика. Мартин был потрясен ее страстными речами и даже написал Лоуренсу, прося совета. Еще сильнее Мартин расстроился из-за того, что даже не подозревал о том, что его дочь испытывает такие сильные чувства к молодому человеку, но и гнев, и боль из-за обмана дочери утонули в ее слезах.

– Я думал только о твоём счастье, дитя! – заверил ее Уолш.

И тем не менее, как бы ни страдала в этот момент девушка, Уолш понимал: на самом деле его решение было верным. Энн могла быть влюблена в Патрика, но в перспективе он не дал бы ей счастья. А Уолтер мог это сделать. И Уолш мягко и горячо пытался объяснить это дочери.

– Бывают случаи, Энн, когда нельзя допускать, чтобы чувства взяли верх над разумом, – убеждал он ее, но Энн просто не слушала. – По крайней мере, познакомься с Уолтером, узнай его поближе, – предложил Уолш.

Но она хотела видеть только Патрика, ее истинную любовь, и несчастный Мартин Уолш, желая как никогда сильно, чтобы его милая супруга была сейчас жива, просто не знал, позволять ей это или нет. Прошла неделя. Энн залила слезами весь дом. Они несколько раз разговаривали, но без результата. Уолш гадал, не лучше ли будет отправить дочь обратно в церковную школу. И прикидывал, не следует ли пригласить в гости Уолтера Смита, чтобы Энн сама увидела, какой он хороший человек, но боялся, что Энн решительно отвергнет юношу и тот больше сам не захочет иметь с ней дело. Передумал ли он сам насчет Патрика? Уолш знал: это было бы ошибкой. Однако страдания дочери доставляли ему сильную боль. На вторую неделю Энн выглядела такой бледной и апатичной, что Уолш готов был послать за доктором.

А потом приехал Лоуренс.

Он примчался чрезвычайно быстро. Мартин, к собственному удивлению, обрадовался приезду старшего сына. Лоуренс сразу заметил, что сестру следовало бы выпороть, однако, видя изумление отца, больше к этой теме не возвращался. И все-таки приезд Лоуренса стал как будто благословением.

Лоуренс был тих и очень спокоен. С сестрой он держался мягко, ни в чем ее не упрекал и лишь каждый день спрашивал, могут ли они помолиться вместе. Он дружески обращался с юным Орландо, раз-другой взял его на прогулку, и они даже вместе поохотились на кроликов.

Для Орландо приезд Энн стал облегчением. Несколько часов он провел с ней наедине и поведал все, что узнал об Уолтере Смите.

– Я никому не сказал о ваших встречах, – заверил он сестру.

– Знаю. И я не стану никому говорить, как ты нам помогал. Хотя теперь, – она покачала головой, – это вряд ли имеет значение.

Орландо знал о разговоре сестры с отцом, видел ее слезы, но в последовавшие после приезда Энн дни она ничем с братом не делилась. Ясно было, что Энн не хочет обсуждать с ним свои проблемы. Но как-то днем Энн позвала его и тихо сказала:

– Послушай, братишка, ты мог бы кое-что сделать.

На следующее утро Орландо уехал на прогулку один. В тот день уроков у него не было, а отец был слишком занят, чтобы это заметить. Орландо гнал своего пони по дороге через Долину Птичьих Стай и к середине утра уже подъезжал к Дублину. Перебравшись через Лиффи по старому мосту, Орландо въехал в городские ворота и направился к Вайнтаверн-стрит, где стоял дом Смитов. У входа на задний двор он нашел какого-то юного слугу и спросил, дома ли Патрик Смит. Патрик оказался дома, и Орландо попросил передать, что его ждет снаружи один друг. Через несколько минут молодой человек вышел.

Когда Орландо увидел его, то чуть не вскрикнул от радости. Патрик Смит выглядел точно так же, как Орландо помнил, он ничуть не изменился. Красивый, улыбчивый, с мягкими карими глазами, в которых отразилось удовольствие при виде Орландо.

– Ты наверняка уже слышал, Орландо, что твою сестру обручили не со мной, а с моим братом, – негромко сказал он.

– Она приехала. Дома сейчас.

– Она здесь? – Патрик явно был сильно удивлен. – Пойдем-ка прогуляемся к заливу. Расскажешь мне обо всем.

И Орландо рассказал ему о слезах сестры и ее спорах с отцом.

– Она хочет выйти за тебя! – выпалил Орландо. Трудно было сказать, поразила Патрика эта весть или доставила радость. – Она хочет тебя повидать, но отец ей не разрешает. Так что тебе следует встретиться с ней тайно.

– Ясно. Но ты должен понять, Орландо, что и мне отец запретил видеть твою сестру.

Орландо уставился на него:

– Но ты ведь найдешь способ? – Мальчик просто представить себе не мог, что этот красивый молодой герой позволит такой мелочи встать на своем пути. – Ты ведь хочешь ее увидеть?

– Ох, хочу! Не сомневайся.

– Тогда я могу сказать ей, что ты приедешь? – И Орландо объяснил, как нужно организовать встречу.

– Но мне ведь придется уехать без ведома отца. Или брата. – Патрик немного помолчал, глядя на залив. – Так что я приеду, как только смогу ускользнуть. Возможно, завтра. Или через день-другой. Очень скоро.

– Я буду ждать тебя там, – кивнул Орландо.

И он ждал. Место было выбрано с умом: заброшенная часовня, в которую редко кто-нибудь заходил, стояла на самом краю владений Уолша. И ждать должен был именно Орландо, а не Энн, поскольку ее отсутствие могло возбудить подозрения. А когда приехал бы Патрик, Орландо должен был поспешить в дом, расположенный не так уж далеко, и привести Энн, а потом остаться на страже.

На следующий день Орландо прождал три часа, до сумерек. Пошел дождь, но мальчик все равно ждал и вернулся домой промокшим. На третий день погода была отличной, однако Патрик Смит не появился. И на четвертый день тоже.

– Почему он не едет? – рыдала Энн. – Разве ему все равно?

– Приедет. Он же сказал, – возражал Орландо. И ждал и на пятый день тоже. – Наверное, мне лучше опять съездить в Дублин, – решил он тем вечером.

– Нет, он не приедет, – тихо ответила ему сестра. – Не надо больше ждать.

И вскоре после этого Орландо снова услышал ее рыдания. Но хотя Энн стала совсем грустной и вялой, Орландо еще несколько дней ждал у часовни. А потом приехал Лоуренс, перевернув привычный ход вещей, однако Патрик Смит так и не появился и никак не дал о себе знать.

В первый день после приезда Лоуренс взял Орландо на прогулку, и мальчик волновался, желая вернуться поскорее и побежать к назначенному месту встречи, но Лоуренс задержал его надолго. И задал Орландо несколько вопросов.

Это были вроде обычные вопросы, об уроках и прочем, чтобы успокоить мальчика. Но в какой-то момент Лоуренс сказал:

– Я беспокоюсь за Энн. Мне больно видеть, как она горюет. Как думаешь, ей действительно так уж нужен этот Патрик?

– Думаю, да, – ответил Орландо.

– А Уолтер Смит... О нем что ты думаешь?

Орландо постарался дать о молодом человеке наилучший отзыв, исходя из впечатлений от его первого визита.

– Он вполне хороший человек, – признал Орландо, и Лоуренс одобрительно кивнул:

– А можно его сравнивать с Патриком, а?

– Ох, ну... – Орландо чуть было не начал говорить, но тут заметил ловушку и мысленно обругал старшего брата. – Не могу сказать. Энн говорит, Патрик выше ростом.

– А сам ты его не видел?

Темные глаза Лоуренса буквально пронзали Орландо насквозь. Он словно видел все постыдные тайны его ума.

– Энн с ним познакомилась, когда была с мамой, а меня там не было, – ответил Орландо, встряхнув головой.

Умный ответ, и даже правдивый.

– Хм... – пробурчал Лоуренс.

Он не стал возвращаться к этой теме. А вскоре после разговора уехал в Дублин на целый день. На следующее утро Орландо подслушал его разговор с отцом.

– Скажешь ей сам? – довольно раздраженным тоном спросил отец.

– Это лишь к лучшему, уверяю тебя, – ответил Лоуренс. – Я постараюсь быть помягче.

Похоже, так и было.

– Я сидела на скамье перед домом, просто сидела на солнышке, – рассказала позднее Энн младшему брату. – А он подошел и сел рядом. Он был таким милым. И заговорил о любви.

– Лоуренс – о любви?

– Да. Похоже, он был когда-то влюблен. Ты только подумай! – Энн улыбнулась, потом нахмурилась. – Уверена, он говорил правду.

– Он на твоей стороне, против отца?

– Ох нет! Он говорил о Патрике. Сказал, что первая любовь всегда сильна, но мы не можем узнать человека по-настоящему, понять, вправду ли он нам подходит, если не знаем его достаточно долго. А я спросила: «Тогда как можно найти счастье, если обручают людей, которые друг друга почти не знают?»

– Наверное, он не ответил.

– Ответил. «Их родители могут судить более здраво, чем сами молодые... ну или надеются на это». Вот что он сказал. А потом засмеялся. Я так удивилась! «Тут нет речи о семейном состоянии, – добавил он. – Они ведь братья, в конце-то концов. Это вопрос характера. Сейчас ты влюблена в Патрика, но пройдут годы, и я тебе обещаю... – он так горячо на меня

посмотрел! – обещаю, что именно Уолтер будет хорошим мужем и ты станешь куда счастливее, чем можешь вообразить». Вот так.

– А ты что ответила?

– Я спросила, станет ли отец принуждать меня к браку с Уолтером. А он воскликнул: «Нет! Нет! Не станет. Сама его спроси. Он хочет, чтобы ты до весны вернулась во Францию. А когда приедешь домой, познакомишься с Уолтером, узнаешь его. Но если он тебе не понравится, я хочу сказать, если ты будешь думать, что не сможешь полюбить его и уважать, тогда помолвку расторгнут».

– И больше он ничего не сказал?

– Сказал. Я все молчала и молчала, тогда он взял меня за руку, улыбнулся и сказал: «Помни, Энн, эту поговорку, в ней много мудрости: „Голова управляет сердцем – легче жить. Сердце управляет головой – лучше умереть“».

– И все?

– Нет. Кое-что еще. Я не должна больше видеть Патрика.

– Он тебе запретил?! – воскликнул Орландо. – Если хочешь, я поеду в Дублин и привезу его!

– Нет, ты не понял. – Энн поморщилась. – Он уехал. Его нет в Дублине. Уплыл на корабле.

– Куда?

– Кто знает? В Англию, во Францию, в Испанию... да хоть в Америку. Его отослали из дому, и он не вернется, пока я не выйду замуж за кого-нибудь...

– Это Питер Смит устроил? Не мог же сам Патрик...

– Нет. Неужели не понимаешь? Это Лоуренс. Он за моей спиной обо всем договорился. О, надо было мне догадаться! Я его ненавижу! – внезапно закричала Энн.

А потом разрыдалась.

Но три дня спустя Энн вполне спокойно уехала с Лоуренсом, чтобы вернуться во Францию. В конце концов, она все равно ничего не могла изменить.

После отъезда Энн и Лоуренс дом вернулся к обычной жизни в великой тишине Фингала. Орландо возобновил занятия. Мартин Уолш ездил в Дублин один-два раза в неделю. По воскресеньям они отправлялись к замку Мэлахайд, где священник служил мессу или проводил службу в старом каменном здании. Сентябрь выдался теплым. Погода стояла прекрасная. Мартин Уолш, наслаждаясь покоем своего имения, несколько дней вообще не ездил в Дублин, но вот однажды днем, вернувшись с прогулки, Орландо увидел, что к ним скачет кузен Дойл. Крупный мужчина быстро спешился и дружески кивнул Орландо:

– Отец дома? А! Вон он! – продолжил он, когда Мартин Уолш появился в дверях. – У меня новости, кузен... Или ты уже знаешь их?

– Я ничего не знаю.

Уолш посмотрел на Орландо и вопросительно глянул на Дойла.

– Мальчику можно слышать. Скоро вообще все узнают. Это новости из Ульстера. – Дойл коротко вздохнул. – Граф Тиронский ушел.

– Умер?

– Нет. Сел на корабль и уплыл. И с ним О’Доннелл, граф Тирконель, и еще кое-кто. Эти графы смылись, кузен Уолш, повернулись спиной к Ирландии, и они не вернуться.

Уолш уставился на Дойла. Мгновение-другое он просто молчал. Потом в недоумении встряхнул головой и задал простой вопрос:

– Почему?

Граф Тиронский. Орландо, конечно, никогда его не видел, но в его воображении граф всегда присутствовал – высокий, темноволосый, героический, почти подобный богам, последний великий принц древней Ирландии, наследник верховного короля О’Нейла, живший в Уль-

стере. Орландо даже думал, что Тирон может еще однажды вернуться и выгнать из Дублина королевских чиновников, а потом, без сомнения, он бы вернул себе трон предков в королевской Таре. Хотя Орландо был из старых англичан, в его глазах древняя сила Ирландии выглядела куда более волнующей и пугающей. Что до О'Доннелла, так он был великим ирландским принцем Донегола. Север и северо-запад, остатки прежних племенных земель. Тирон и Тирконель – последние правящие принцы Ирландии... И они сбежали.

– Почему? – Дойл пожал плечами. – В Дублине говорят, что О'Доннелл строил заговор с испанским королем, как Тирон прежде, и узнал, что до правительства дошел слух об этом. Так что сбежал, пока можно было.

– Но Тирон? У него же все было в порядке. Ему оставили свободные земли на его собственных территориях. У него не было причин бежать.

– Я бы согласился. Но он смотрит по-другому. Английские чиновники начали суету вокруг Ульстера. И никто не поверит, что граф Тиронский никак не связан с О'Доннеллом и королем Испании. – Дойл вздохнул. – Кроме того, ирландские принцы не рождены для таких вот времен. Они ведь никогда не станут слугами короля.

– Ну, быть графом Тиронским едва ли значит быть слугой.

– Но для него это так. Ирландцы – свободные люди, Мартин. У них есть кланы, древние племена, семейные владения, но их дух свободен. А принцы отвечают только перед собой. Тирон никогда не станет выполнять приказы какого-нибудь надутого английского чиновника, у которого за спиной нет ничего, кроме его временной должности, и к которому Тирон в любом случае отнесется как к еретику. Это не в его натуре.

– И потому он бежал.

– Улетел, как птица. Как орел, я бы сказал.

– И что он будет делать?

– Блуждать по Европе. Найдет какого-нибудь католического принца, которому сможет служить, не теряя честного имени и религии. Будет командовать армией. Помни, он знаком со всеми католическими королями и с их армиями. Для него это будет честью.

– Да, верно. – Уолш задумчиво кивнул. – Поешь с нами, выпьешь со мной вечером?

Дойл улыбнулся:

– Я так и собирался.

Тем вечером они рано поужинали в просторном зале дома, и Орландо имел возможность понаблюдать за обоими мужчинами, пока те разговаривали: его отец был спокойным, с уверенными манерами, а Дойл, смуглый и немного ниже ростом, выглядел более напряженным. За ужином они, само собой, говорили о политических последствиях бегства Тирона и о том, что вообще все это означает.

– Без сомнения, правительство конфискует земли графа, – заметил Уолш. – Найдут какой-нибудь законный предлог.

– Подозреваю, кончится тем, что там создадут колонию. Все, кому нужна недорогая земля, наверняка сегодня радуются, – сказал Дойл.

Но похоже, его самого это не слишком радовало.

Когда ужин закончился, мужчины остались сидеть за столом, неторопливо попивая вино. Орландо понимал, что он здесь совсем не нужен, но остался в зале, тихонько устроившись у большого открытого очага, а мужчины, казалось, забыли о его присутствии. И пусть они говорили мало или же он не понимал того, что они говорят, Орландо просто в такой важный момент хотел остаться в обществе отца и его кузена. Мальчик внимательно наблюдал за обоими. Несмотря на юный возраст, Орландо ощущал их настроение и пропитывался им, и это стало частью его души на всю оставшуюся жизнь.

Да, это было очевидно: в тот вечер оба мужчины были полны грусти и чувства потери. Дойл, потомок викингов и многочисленных поколений дублинских торговцев, формальный

протестант – или принадлежащий к Ирландской церкви, – и Уолш, его двоюродный брат, джентльмен-католик, чья семья служила опорой старым английским сквайрам в Ирландии уже почти пятьсот лет. Двое мужчин в самом сердце английского Пейла, но и двое ирландцев при этом, а потому для них обоих отъезд графов Тиронского и Тирконеля стал личным ударом. Они оба эмоционально ощущали себя куда ближе к ирландским принцам, чем к любому из англичан, присланных из Лондона.

– Бегство графов, – протяжно произнес Дойл, – означает конец эпохи.

– Пусть Бог дарует им лучшую судьбу. – Уолш поднял бокал с вином.

– За это я выпью, – кивнул Дойл.

И юный Орландо, молча наблюдавший, понял, что каким-то непонятным образом мир, в котором он жил, изменился навсегда.

На следующее утро, после отъезда Дойла, отец позвал Орландо.

– Ты идешь со мной, – сказал он, а когда Орландо спросил, куда именно, ответил: – В Портмарнок.

Маленькая прибрежная деревушка Портмарнок лежала у дороги, шедшей через пески и дюны на юг, и частично проходила по краю древней Долины Птичьих Стай. Орландо предположил, что нужно оседлать пони, однако отец сказал ему:

– Нет, мы пойдем пешком.

Дул легкий ветер. По небу скользили облака, и небо становилось то серым, то голубым. Орландо с довольным видом шагал рядом с отцом, время от времени обмениваясь с ним несколькими словами; они шли на восток, к Портмарноку. Дойдя до края своей земли, они миновали маленькую заброшенную часовню, в которой Орландо ожидал Патрика Смита.

– Просто стыд, что наше собственное правительство запрещает нам ее использовать, – заметил Уолш.

Они шли дальше, и теперь вокруг видны были свидетельства средневекового заселения этих мест старыми англичанами: поля пшеницы и овса; высокие темные живые изгороди; каменные стены; тут и там стояли каменные церкви или небольшие укрепленные дома. Но вскоре они добрались до менее ухоженных территорий, где пасся скот. Открытая пустошь мягко уходила вниз, к морю, и это напоминало о тех давних временах, когда предок Дойла, Харольд Викинг, и другие вроде него создали свои фермы в долине Фингала.

Однако цель отца и сына, до которой они добрались меньше чем за час, была старше всего этого. Она стояла в одиночестве, в стороне даже от рыбацких хижин.

– Твой брат не одобряет это место, – с легкой гримасой заметил Уолш. – И не одобрил бы то, что я сюда иду.

Орландо впервые услышал от отца некий намек на трения между ним и Лоуренсом.

– Но я все равно прихожу сюда время от времени.

Посмотреть здесь было, в общем-то, не на что. Частенько, направляясь к берегу, Орландо проходил мимо этого места, правда оставаясь примерно в четверти мили от него. Просто какой-то старый колодец, окруженный невысокой каменной стенкой. В свое время над ним построили коническую крышу, но она давно развалилась, поскольку за ней никто не присматривал. Колодец был довольно глубоким, но, наклонившись через его край, Орландо рассмотрел слабый мягкий блеск воды далеко внизу. Колодец возле их дома был почти таким же глубоким, но никогда не казался Орландо особо интересным, а вот этот колодец был совсем другим. Орландо не знал почему. Возможно, потому, что он находился в относительно уединенном и пустом месте, однако в его воде было что-то странное и загадочное. Но что? Может, это был мерцающий вход в другой мир?

– Это колодец Святого Марнока, – тихо произнес отец рядом с Орландо. – Твой брат Лоуренс утверждает, что когда-то он был языческим местом. До прихода святого Патрика, это точно. Лоуренс говорит, что такие вещи – всего лишь суеверия, недостойные веры. – Уолш

вздыхнул. – Может, он и прав. Но мне нравятся древние времена, Орландо. Я прихожу сюда как простой крестьянин, чтобы помолиться святому Марноку, когда у меня неприятности.

Святой Марнок. Один из десятков местных святых, почти забытых всеми, кроме здешних жителей, хотя иногда у них имелся свой день и источник или священное место, где их можно было вспомнить.

– Мне тоже нравятся давние времена, – сказал Орландо.

Он и вправду так чувствовал, тем более что это сближало его с отцом.

– Тогда ты можешь помолиться за свою сестру и попросить святого наставить ее на ум.

Подойдя к колодцу, Уолш опустил на колени и какое-то время молча молился. Орландо, также вставший на колени, ждал, пока не встанет отец, но как только Уолш поднялся, Орландо подошел к нему поближе, и, к удивлению мальчика, отец обнял его за плечи:

– Орландо, можешь мне пообещать кое-что?

– Да, отец.

– Обещай, что однажды ты женишься и обзаведешься детьми, что подаришь мне внуков.

– Да, отец. Обещаю. Если такова будет Божья воля.

– Будем надеяться на это, сын мой. – Он немного помолчал. – Поклянись мне здесь, у этого колодца, перед святым Марноком.

– Клянусь, отец. Перед святым Марноком.

– Хорошо. – Уолш кивнул самому себе, а потом, посмотрев на сына, улыбнулся. – Это хорошо, что ты поклялся. И мне бы хотелось, чтобы ты навсегда запомнил этот день, когда твой отец привел тебя к священному источнику Святого Марнока. Запомнишь этот день, Орландо?

– Да, отец.

– На всю жизнь. Идем.

И, продолжая обнимать сына за плечи, Уолш повел его по длинной тропе через дюны, на широкий песчаный берег. Как раз был отлив, и песок далеко ушел в море, мягко сверкавшее на солнце.

Справа от них берег уходил светлой полосой к Бен-Хоуту, чей горб высоко поднимался из воды. Перед ним приютился маленький островок Ирландс-Ай, как стоящий на якоре корабль. А вдали в другой стороне, в дымке северного горизонта, словно спали синие горы Морн, охранявшие Ульстер.

Орландо поднял голову и посмотрел на отца. Взгляд Мартина Уолша устремился в море, Уолш явно затерялся в собственных мыслях. Орландо опустил глаза на разбитую раковину, лежавшую у его ног. Облако прикрыло солнце, море погасло.

– Конец эпохи, Орландо... – Голос отца был едва слышен. Потом мальчик почувствовал, как пальцы отца слегка сжали его плечо. – Помни свое обещание.

В начале следующего года в Бордо стоял сырой, ветреный день. Именно в этот день Энн Уолш получила письмо от своего отца.

Моя дорогая дочь!

Ты должна подготовиться, потому что у меня самая печальная весть для тебя. Две недели назад Патрик Смит сел на торговый корабль в Корке, куда он прибыл неделей раньше. В то утро, когда они отплыли, погода была хорошей. Но ближе к вечеру поднялся сильный шторм, и он пригнал корабль назад к ирландскому побережью и выбросил на скалы. И к моему великому огорчению, должен тебе сообщить, что в этом крушении погибли все, кто был на борту.

Я знаю, моя дорогая Энн, как это печально должно быть для тебя, и могу только горевать вместе с тобой и повторять тебе, что всегда думаю о тебе.

Твой любящий отец

Значит, все кончено. Ее любовь потеряна навсегда, без надежды на возвращение. Энн разрыдалась и плакала подряд несколько часов.

Но после первого всплеска горя пришел гнев. Не на отца, ведь не он это сделал, а на Лоуренса. Это он, с горечью думала Энн, это Лоуренс своим вмешательством и хитростью, своей самоуверенной убежденностью убил Патрика. Если бы не Лоуренс, Патрик ни за что не уехал бы, никогда не очутился бы в Корке, не утонул бы. И, забыв о слезах, в приступе боли и ярости, Энн прокляла своего брата и пожелала ему самому оказаться на месте Патрика и умереть.

Потом Энн бесцельно уставилась в окно, за которым лил дождь, и долго смотрела на стекавшие по стеклу капли и на серую мглу за ними, чувствуя бесконечное опустошение. Ей теперь было все равно, что будет с ней дальше.

1614 год

Тадх О'Бирн всех обошел. Он это знал, потому что наблюдал.

– Очень много пили на этих поминках, – сообщил он жене. – Но я всех обошел. Я был первым. У меня голова такая – крепче крепкого.

– Верно, – согласилась жена. – Такая.

– Я гора! – провозгласил Тадх, хотя и ростом, и физической силой он не догонял большинство мужчин.

Его звали Тадх, или Тадк, как чаще писалось; самое обычное имя. Англичане частенько переделывали его в Тига, да и то произносили скорее как «Тайг».

– Было несколько Тадхов О'Бирнов, – говаривал он иногда. – Могущественные вожди!

И они действительно были такими. Проблема состояла в том, что сам Тадх вождем не был. А должен был быть, по крайней мере по его собственному мнению. Именно он.

А не Бриан О'Бирн.

Шестьдесят лет прошло с тех пор, как умер Шон О'Бирн из Ратконана, и ему наследовал его сын Шеймус. Однако когда дело дошло до избрания наследника Шеймуса, то его старший сын, по общему мнению собственной семьи и всех значительных людей в округе, был признан никудышным. И выбор клана пал на третьего из четверых сыновей Шеймуса, прекрасного парня, который тогда по ирландским законам и обычаям перебрался в Ратконан и представлял клан, когда то было необходимо. Бриан О'Бирн был внуком этого отличного парня. А Тадх О'Бирн – внуком никудышного.

Поминки были по отцу Бриана. Люди собрались не только из этой части гор Уиклоу, но и издалека: О'Тулы, О'Моры, Макмурхады и О'Келли. И конечно, О'Бирны: О'Бирны из Даунса, О'Бирны из Килтимона, О'Бирны из Баллинакора и Кнокраха; О'Бирны со всех частей гор Уиклоу. Все явились отдать последнюю дань уважения Тоирдхилбхаку О'Бирну из Ратконана и приветствовать его красивого молодого сына Бриана, наследника. И почти никто из них не обратил никакого внимания на Тадха О'Бирна, который, по общему мнению, был ничем.

– Ты только посмотри на это! – Тадх с такой горечью сосредоточился на молодом Бриане О'Бирне, что и знать не знал, слушает ли его жена. Да ему и все равно было. – Это же просто мальчишка! – насмехался он. – Мальчишка, который забрался в отцовскую кровать!

Пусть Бриану О'Бирну было всего двадцать лет, пусть он был высок, светловолос и красив, Тадх все равно гордился своей внешностью. Ему уже стукнуло тридцать четыре. Его тем-

ные волосы падали кольцами на плечи в традиционной ирландской манере. Для сегодняшнего случая он сменил обычную оранжевую льняную рубашку на белую, подпоясанную на талии, и набросил на плечи светлый шерстяной плащ. Многие мужчины были в темных камзолах из уважения к случаю, но Тадх никогда не имел камзола. И на большинстве мужчин были узкие штаны или шерстяные чулки, но, поскольку день был теплым, Тадх остался с голыми ногами, обувшись только в тяжелые броги – башмаки из недубленой кожи. Он вполне мог быть пастухом или рабочим.

А перед ним был его молодой кузен, юный вождь, наследник Ратконана, который должен был принадлежать Тадху: молодой Бриан со светлыми, коротко подстриженными волосами, в черном дублете, украшенном вышивкой, в коротких штанах, в шелковых чулках и отличных кожаных ботинках. Он даже носил золотое кольцо. И все это заставило его родственника Тадха сплунуть и пробормотать:

– Англичанин. Предатель.

Но это было неверно. Такую одежду могли носить джентльмены во многих частях Европы, включая и жителей главной надежды коренных ирландцев, самого католического из всех королевств – Испании. И кое-кто из богатых и наиболее важных ирландских джентльменов на этих похоронах были одеты так же. Но трудно было сказать, выбрали они такой наряд, потому что это была общая мода Англии, Франции или Испании или потому что хотели выглядеть более убедительно в глазах английской администрации Дублина. Правда, английские чиновники вовсе не считали, что модная одежда в английском стиле должна гарантировать дружелюбие по отношению к английской короне. «Некоторые из этих чертовых ирландских бунтовщиков во времена королевы Елизаветы даже в Оксфорде учились!» – с отвращением вспоминали они.

Но Тадху не было дела до всех этих тонкостей.

– Англичанин, – шипел он.

И на уме у него была только одна мысль: «Настанет день, когда я свергну его».

Собрание было выдающимся. Молодой Бриан чувствовал вполне позволительную гордость: такое множество важных людей приехали издалека не только для того, чтобы отдать дань уважения его отцу, они явно испытывали к нему, Бриану, самые добрые чувства. И Бриан, в свою очередь, любил всех их.

А более всего он любил Ратконан. Ратконан практически не изменился со времен его прадеда Шона, а прошло уже сто лет: скромный укрепленный дом с квадратной каменной башней, не в лучшем состоянии. Дом смотрел со склонов гор Уиклоу на далекую голубую дымку моря. И фермерские домики по соседству были такими же, и маленькая церковь, где в дни Шона О'Бирна служил мессы отец Донал. И даже потомки отца Донала там до сих пор остались. И один из них стал священником, хотя, в отличие от отца Донала, не был женат и не имел детей, потому что теперь лишь немногие священники жили так, как было принято в старой Ирландии. А его брат стал ученым и поэтом и весьма успешно учил детей окрестных жителей, что давало ему средства к существованию. У него были дети, количество которых никто точно не знал. Священник и ученый, скотоводы и пастухи, обитатели Ратконана и их соседи – таков был маленький мирок, который Бриан О'Бирн, учившийся у священника, одевавшийся у дублинского портного и получавший наставления мудрого и любящего отца, должен был унаследовать и которым гордился.

Он гордился и тем, что был О'Бирном. Вместе с О'Тулами этот клан был наиболее известным в горах Уиклоу, однако вы не могли бы показать на любого из них и с уверенностью сказать: «Вот этот точно О'Бирн». Одни были темноволосыми, другие светлыми, одни высокими, другие коротышками. Шесть веков перекрестных браков даже в одном регионе обычно создает множество типов внешности. Не могли вы с уверенностью сказать и того, каких политических

взглядов они придерживаются. В основном к концу долгого правления Елизаветы О'Бирны из северной части гор Уиклоу, поближе к Дублину, начали сотрудничать с английскими властями, хотели они того или нет, однако никто из них не зашел так далеко, чтобы стать протестантом. Но за южными перевалами гор сильные вожди клана О'Бирн сохраняли независимость. Когда граф Тиронский нанес удар по английской короне, именно один из южных О'Бирнов был его самым важным союзником.

– Это именно О'Бирн договорился с испанским королем. Это он начал ту кампанию за дело католической веры, – гордо говорил Бриану его отец.

– Но ты ведь не одобряешь действий Тирона, – напоминал ему Бриан.

Да, О'Бирны из Ратконана вместе с северными О'Бирнами держались в стороне от того конфликта.

– Это так, – с некоторым сожалением согласился отец. – Но все равно это было здорово!

Отец Бриана был духовным вождем всего региона в течение двух очень тяжелых десятилетий. Высокий, храбрый, красивый, древний ирландский принц до кончиков пальцев. Никто не смог бы усомниться в том, чему и кому принадлежит его сердце. Но он был осторожен и мудр. Когда великая авантюра Тирона рухнула, он горевал, но не удивлялся. В 1606 году, за год до Бегства графов, огромная дикая горная часть страны была наконец преобразована в английское графство – последняя часть Ирландии, которую, несмотря на ее близость к Дублину, с трудом удалось привести под английское правление. Правда, высоко в горах и на пустынных перевалах об этом трудно было догадаться. И тем не менее, хотя бы теоретически, ирландской независимости в горных краях пришел конец. Но и к этому отец Бриана отнесся философски.

– Во времена прошлых поколений мы устраивали набеги на английские фермы на равнине. А они посылали в горы солдат, и иногда их удавалось загнать в ловушку и перебить, а иногда они побеждали нас. Но те дни миновали. Есть и другие, лучшие пути и способы жить. – Так он говорил своим соседям. А Бриану нередко повторял: – Если ты хочешь сохранить Ратконан и все то, что любишь, то должен быть мудрым. Подыгрывай англичанам. Учись меняться.

– Но как именно меняться, отец? Что это за перемены?

– Не знаю, – честно ответил ему отец. – Ты должен быть мудрым в соответствии со своим временем. Это все, что я могу посоветовать.

И теперь, слишком скоро, началось время Бриана. Его отец вовсе не был стар, но его более года терзала болезнь, и к концу он совсем ослабел и готов был уйти.

Похороны начались уже довольно давно. Тело было уложено по всем правилам. Причitalи плакальщицы. Но большинство гостей прощались с вождем тихо. Еды и напитков было вдоволь. Тихо рыдала вольтка, но вскоре должна была зазвучать более бодрая музыка. Почти все приехавшие уже выразили свои соболезнования Бриану. Теперь он сам ходил между ними, убеждаясь, что все правила гостеприимства и вежливости выполняются. Он даже заметил Тадха О'Бирна, который хмурился и что-то бормотал. Бриан предпочел бы держаться подальше от этого человека, но полагал, что обязан подойти к нему. И он как раз собирался с силами, чтобы исполнить долг гостеприимства, когда, посмотрев на склон горы, вдруг заметил незнакомца, которого никогда прежде не видел. Тот медленно ехал по дороге к дому.

Это был высокий худой мужчина в черной одежде, даже его высокая шляпа без пера была черной. За ним ехал слуга, одетый в серое. И хотя дорога была освещена солнцем, казалось, что на горные перевалы упало небольшое мрачное облачко.

Бриан гадал, кто это мог быть.

Доктор Симеон Пинчер пребывал в дурном настроении, когда встретился с Дойлом. Но удивляться тому не приходилось. Доктор Пинчер пребывал в дурном настроении уже год.

В Ирландии, как и в Англии, парламент собирался нерегулярно, а лишь время от времени, когда нужно было решить какой-то особый вопрос. Однако в прошлом году парламент в

Дублине был созван, и это было весьма впечатляющее собрание. Если прежние парламенты, во времена Тюдора и Плантагенета, состояли в основном из джентльменов из английского Пейла вокруг Дублина, то в этом были представители всех частей острова.

Поначалу возникли сложности. Старые англичане, в основном католики, угрожали, что не станут принимать в этом участия, но наконец взялись за ум и за дело, и Пинчеру казалось, что они движутся в правильном направлении. Было подтверждено, что все государственные служащие должны приносить клятву верности. Они должны поклясться, что признают духовное верховенство короля над папой римским, или в противном случае потеряют работу. Дальше речь зашла о том, что и всех юристов необходимо заставить дать клятву. Но это должно было лишить практики верных католиков вроде Мартина Уолша, и от идеи отказались. Упорные католики, которые упорно отстаивали свою веру, должны были платить штрафы, хотя, как ни грустно, парламент не был готов приказать им признать Ирландскую церковь.

– Но я их заставлю! – решительно заявил Пинчер.

И были немедленно выпущены прокламации против иностранного образования и против католических священников. И все же доктор полагал, что, несмотря на свои ошибки, парламент в целом шел в верную сторону. И главным тут было соотношение сил.

Потому что протестантов насчитывалось больше, чем католиков. Сто тридцать два на сотню. И лишь немногие из католиков являлись коренными жителями, ирландскими лордами, в основном это были старые англичане. Но вот кем были протестанты? Была ли это старая гвардия, избравшая Ирландскую церковь, люди вроде лорда Хоута или Дойла из Дублина? Ну, некоторые из них – да. Но в основном люди, пополнявшие число протестантов, люди, которые могли изменить многое в будущем, были новичками на острове: жители колоний. И это, как ни странно, как раз и злило Пинчера. Нет, он злился не на колонистов, ничего подобного. Он злился на себя.

«Это все недостаток веры, – признавался он в письме к сестре. – Храбрости не хватает». Задуманная им покупка не удалась.

Сложности возникли из-за масштаба событий. Когда семь лет назад доктор Пинчер ездил в Ульстер, он увидел там возможность создания процветающей колонии. И потому, когда после Бегства графов и конфискации земель Тирона и Тирконеля зашла речь о колонии в Ульстере, доктор Пинчер не стал покупать ферму, которую мог купить в тот момент, в надежде на нечто лучшее. Однако в Ульстере и Коннахте стали доступны такие огромные пространства, что весь масштаб операций изменился. Вкладчики манипулировали другими цифрами. Лондон забрал всю область Дерри и переименовал ее в Лондондерри. И те, кто мог, захватывали не сотни, а десятки тысяч акров.

Да и внешний мир менялся. Дублин, который знали Уолш, Дойл и даже Пинчер, был городом конца Елизаветинской эпохи. Но в последнее десятилетие в Лондоне произошли перемены. Настал век дерзких торговцев-авантюристов. Король Яков, прошедший скучную юность в Шотландии, предавался роскоши. Английский двор разложился; жадность и излишества стали лозунгом. Нахальные и алчные искали быстрой прибыли. И именно такими были те, кто завладел Ульстером.

Видя, что в Ульстер хлынули подобные крупные фигуры, Пинчер был вынужден отступить. Он твердил себе, что его долг – учить и проповедовать. Денег он накопил немного. И вообще, все это дело оказалось слишком трудным для него. Это был новый, чужой мир. Пинчеру хватило честности, чтобы признаться себе в том, что он побаивается этого мира. Он просто отошел подальше.

И вот теперь, видя, как все эти новые джентльмены из колоний приезжают в Дублин, он испытывал огромное чувство неудачи. Он, как один из тех глупых девственников из евангельской притчи, оказался не готов и, когда наступил момент, не сумел оказаться в нужном месте. Лишь накануне один из молодых ученых из Тринити-колледжа подошел к доброму доктору, который

сидел под деревом, углубясь в мысли. А поскольку подошел он сзади, доктор не заметил его приближения, и молодой ученый услышал, как Пинчер вполне отчетливо бормочет: «Предусмотренная выгода; оправданный возврат». Потом доктор грустно покачал головой; и молодой преподаватель, изумленный его словами, но чувствуя, что подошел не вовремя, тихонько удалился.

В общем, Симеон Пинчер признавал свою вину и был полон решимости ее исправить. А пока он искал к этому средства, его не покидало состояние сдержанного раздражения.

Однако в то утро, когда он разговаривал с Дойлом, доктор Пинчер был готов к некоему предприятию, которое, судя по всему тому, что он слышал, должно было, скорее всего, принести ему, и вполне надежно, тот доход, который уж точно ему полагался. И, соображая, как ему лучше спланировать необходимую поездку, он вошел во двор собора Христа и там заметил небольшую группу знакомых ему людей. Пинчеру пришло в голову, что один из них может быть ему полезен.

В первую очередь доктор поздоровался с Дойлом, вежливо склонив голову. Это был человек весьма состоятельный, опора Ирландской церкви, член гильдии Тринити. К тому же Пинчер был в некотором роде в долгу перед Дойлом.

В прошлое воскресенье Пинчер должен был читать проповедь в соборе Христа и знал, что, кроме его обычной паствы, там должны были присутствовать несколько членов парламента, протестантов. Для Пинчера это была хорошая возможность показать себя. Вот только тут была одна проблема.

Предполагалось, что члены городского совета должны по воскресеньям вместе с мэром приходить в собор. Но поскольку многие из них были папистами и до того уже успевали посетить мессу, то они, торжественно проводив мэра до собора и усадив его на место, преспокойно уходили на расположенный рядом постоялый двор и там пили, возвращаясь лишь к концу проповеди, чтобы проводить мэра обратно. Пинчера ужасало не только это бесцеремонное, чисто ирландское поведение. Он боялся, что то же самое произойдет и в тот день, когда проповедь будет читать он сам. Для остальных это могло выглядеть так, словно олддерменам скучно слушать доктора. Поэтому Пинчер заранее поговорил с Дойлом.

Пинчер иногда подозревал, что Дойл его недолюбливает. Но в прошлое воскресенье торговец встал на его сторону. Когда кое-кто из членов городского совета явно собрался уйти, Дойл так на них посмотрел, что они с неохотой снова опустились на скамьи. И даже не заснули, пока доктор Пинчер проповедовал. Так что Пинчер ему обязан. Без сомнений.

Рядом с Дойлом стоял молодой Уолтер Смит. Серьезный юноша. Жаль, что он папист. Из-за этого Пинчер обычно старался его не замечать, но помнил, что Уолтер Смит женат на дочери адвоката Уолша, а Уолш с Дойлом были двоюродными братьями. И потому из уважения к Дойлу Пинчер вежливо кивнул и Уолтеру Смицу.

Третьим в компании был Джереми Тайди. И ему доктор Пинчер улыбнулся:

– Добрый день, мастер Тайди.

– Добрый день, ваша честь.

За Тайди Пинчер благодарил Бога. Надежный человек. Три поколения Тайди служили в соборе Христа и признавали Ирландскую церковь. Джереми был рожден и воспитан для этого, он знал каждый дюйм здания собора, от просторного подвала до вершины башни. Ему было всего двадцать лет, когда его назначили церковным сторожем, благодаря заслугам его рода, а теперь ему было двадцать пять. Но из-за слегка сутулых плеч и остроконечной бородки Джереми выглядел намного старше, что нравилось его нанимателям.

Тайди присматривал за могилами и склепами, вместе с церковнослужителями подготавливал все для служб и звонил в большой колокол, который регулировал жизнь и самого собора, и города. И несмотря на весьма скромное жалованье, Тайди всегда был рад взять на себя лиш-

ную работу, чтобы угодить всем. Надежный. Уважаемый. И к Тринити-колледжу он относился с великим почтением.

– Это ведь семья моей матери, Макгоуэны, поставили все двери и окна в колледже, ваша честь, – напоминал он не раз доктору Пинчеру. – И до чего же это приятное место, сэр!

– Да, действительно, – соглашался Пинчер.

– Место, которое очень даже подходит прекрасным ученым из Кембриджа вроде вас, сэр.

Но что-то в мягком голосе церковного сторожа смущало Пинчера? Тайди ведь был таким вежливым, таким уважительным, таким вкрадчивым... Может быть, даже слишком уважительным? Доктор слегка нахмурился и неуверенно посмотрел на сторожа.

Люди из Кембриджа вроде него самого... Что подразумевал Тайди? Пинчер не мог понять. Может, и ничего. Но могло ли быть так, спрашивал себя ученый доктор, что сторож каким-то образом прослышал о той глупой истории в Кембридже? Но как? А тогда почему он упоминает о Кембридже при каждой их встрече? Нет, сказал себе Пинчер, такого не может быть. Это было давным-давно, в другой стране. И, кроме того...

Вообще-то, ведь именно Тайди как-то упомянул, что один церковный служащий слышал о некоем прекрасном жилище с многообещающим куском земли, которое должны были вскоре продать. И благодаря этой своевременной информации и встрече со служащим Пинчер теперь намеревался отправиться в новую поездку, на этот раз на юг, и это могло принести некоторый доход, которого он определенно заслуживал.

Когда Пинчер рассказал трем мужчинам о маршруте, которым он собирался ехать, и спросил совета насчет возможных остановок, Дойл, подумав немного, предположил:

– Думаю, вы могли бы остановиться в Ратконане, у О'Бирнов.

Услышав это имя, Пинчер побледнел. Папист? Ирландский вождь? Несмотря на многочисленные знакомства с разными О'Бирнами, несмотря на традиции ирландского гостеприимства по отношению к путникам, зародившиеся еще в незапамятные времена, несмотря на тот факт, что Уиклоу теперь находились под властью Англии, доктор Пинчер слышал слишком много историй о дикости О'Бирнов в прошлом, что поневоле занервничал при мысли о подобной встрече. Но он увидел, как молодой Уолтер Смит согласно кивнул, и даже Тайди выглядел абсолютно безмятежным. А Дойл улыбнулся.

– Вас там прекрасно встретят, – заверил он Пинчера. – О'Бирны в Ратконане живут вполне по-английски.

А Тайди, без сомнения, для того, чтобы успокоить доктора, добавил:

– Они там очень уважают ученых из Кембриджа вроде вас, ваша честь.

И вот он подъезжал к дому в Ратконане, и увиденная им картина наполнила его ужасом.

Ирландские похороны... Конечно, Дойл просто не знал, что в семье О'Бирн кто-то умер, когда предлагал сюда заехать, и Пинчер гадал, что же ему теперь делать. Нужно ли попытаться найти другой дом? К югу отсюда лежали руины древнего монастыря Глендалох. Наверное, он мог бы добраться туда к сумеркам. Но есть ли там подходящее для ночлега место? Доктор не был в этом уверен. У него уж точно не было желания ночевать в какой-нибудь крестьянской хижине, а то и вообще под открытым небом в диких горах Уиклоу. Нужно ему сразу повернуть обратно или лучше сначала спросить, как добраться до какого-нибудь другого места? Доктор еще колебался, когда увидел красивого светловолосого молодого человека, одетого на английский лад; тот шел навстречу Пинчеру.

– Я Бриан О'Бирн, – вежливо представился он, и Пинчер, глядя на него, увидел пару совершенно необыкновенных зеленых глаз.

Объяснив свое дело и то, что его прислал Дойл, Пинчер извинился за вторжение.

– Дойл просто не мог знать о смерти моего отца, когда посылал вас сюда, – ответил молодой человек.

– Простите, что побеспокоил вас, – произнес Пинчер.

Не знает ли О’Бирн, где тут можно найти ночлег? Но молодой Бриан и слушать ничего не хотел:

– У нас наверху есть спальня, где вы можете провести ночь вполне удобно... хотя я не могу обещать вам тишину.

И вот, просто не зная, куда еще можно поехать, и не желая оскорбить молодого вождя, Пинчер весьма неохотно позволил отвести себя в старую каменную башню.

Перед домом собралась огромная толпа, несколько сотен человек. Прямо под открытым небом стояли столы, заваленные едой и сладостями. Некоторые гости пили вино, но большинство, похоже, предпочитали крепкий эль либо виски. Оставив слугу присматривать за лошадьми и надеясь, что парень не напьется к тому времени, когда будет нужен, Пинчер вместе с Брианом О’Бирном вошел в дом. Он отлично знал, к чему следует подготовиться, когда хозяин повел его к комнате в глубине нижнего этажа башни. Там, на большом столе, покрытом белыми простынями, лежало тело Тоирдхилбхака О’Бирна, побритого и обмытого. Даже в смерти было видно, что это красивый человек; в его сложенных руках доктор увидел распятие. Больше в комнате никого не было, все остальные уже давно отдали дань уважения, и здесь осталась только женщина средних лет, кухня покойного. Она сидела на табурете в углу, чтобы покойный не был в одиночестве. Комната хорошо освещалась целой рощицей свечек на узком столике у стены, и их восковой аромат создавал в помещении атмосферу, напоминавшую церковь.

Стараясь не смотреть на проклятые четки и распятие, Пинчер пробормотал то, что, как он знал, должен был сказать: все прекрасно организовано, но сам он, к сожалению, не был знаком с вождем, а потому приносит извинения за беспокойство.

После этого доктор вежливо попятился из комнаты и поднялся за молодым хозяином по винтовой лестнице в просторную комнату, где стояла деревянная кровать, не хуже его собственной в Дублине. Немного погодя Бриан О’Бирн вернулся, лично принес еды и вина, а поскольку поминки продолжались, то с его стороны это было более чем любезно и цивилизованно. Пинчер вынужден был это признать. Хозяин также дал понять: если путник пожелает присоединиться к гостям внизу, ему будут более чем рады. Предложение было сделано из самых добрых побуждений; и конечно, оно было вежливо отклонено. Так что остаток вечера доктор Пинчер, предназначенный для куда более высоких вещей, чем компания каких-то ирландцев, провел в комнате.

Если бы еще не шум... Традиционные причитания женщин, дикарские жалобные песни и возгласы горя... Все это доктор всегда находил отвратительным.

«Даже в горе, – написал он как-то сестре, – они подобны дикарям».

Правда, плач и причитания закончились, к счастью, до того, как доктор сюда приехал. Но худшее было еще впереди.

Некоторые моменты таких поминок он еще мог понять: съезжались друзья и соседи, говорили о тяжелой утрате, добрыми словами вспоминали усопшего... Понятным было даже то, что люди рассказывали разные истории об ушедшем. Все это казалось Пинчеру вполне правильным. Он даже не имел ничего против еды и выпивки, если люди соблюдали умеренность. Ведь и в самом деле, если умирал ребенок или молодая семья лишалась родителей, то похороны и поминки были грустным и торжественным событием, и люди поддерживали горящих. В этом доктор определенно не видел ничего дурного.

Но когда уходил человек, проживший долгую жизнь, и его смерть была вполне ожидаемой, когда наряду с рассказами милых историй из его жизни гости начинали загадывать загадки или играть в разные игры – даже с участием самого трупа! – то это в глазах Пинчера выглядело как фундаментальное отсутствие серьезности и чувства приличий. Да, он считал, что туземцы-ирландцы проявляли таким образом свою языческую натуру и безнравственность. И для него это было отвратительно.

А то, что в этом древнем ритуале могла скрываться великая мудрость, что после катарсиса горя, выраженного полностью и от души, могло прийти облегчение, что с помощью игр и шуток люди как бы делились жизнью с умершим, что это могло быть целительным и как бы служило примирением с ужасом смерти, – такое и в голову не могло прийти доктору Пинчеру, потому что не укладывалось в его монотонную картину вселенной. Он совершенно не понимал, почему люди ведут себя таким образом.

Солнце уже садилось, когда он услышал женское пение – медленный, мрачный, носовой ритмичный напев, который, как знал доктор, здесь называли *кронан*, – нельзя сказать, чтобы он был неприятен для слуха. Мелодия звучала какое-то время, пока сгущались сумерки. Поскольку при этом доктор не слышал никаких других звуков, то он предположил, что все внизу слушают в молчании. Выглянув в окно, когда *кронан* закончился, доктор увидел первые звезды, вспыхнувшие в темноте. А потом, после совсем короткой паузы, в воздухе разлился гулкой напев одной волынки. И тут даже доктор Пинчер сел на кровать, чтобы послушать.

Горестная песнь волынки. Звуки плыли над склонами гор, жалобные, но странно успокаивающие. И Пинчер невольно испытал то особое чувство, то меланхоличное, но волнующее тепло в сердце, которое могут породить только звуки волынки. Он слушал и желал, чтобы это продолжалось вечно. Однако вскоре мелодия умолкла.

Потом опять последовала пауза, а затем зазвучала ритмичная мелодия, отчасти грустная, но в ней уже слышалось больше бодрости; к волынке присоединилась скрипка. Мелодия была приятной, решил Пинчер, но ему казалось, что музыки уже вполне довольно и что было бы вполне приемлемо, если бы гости, отдав дань уважения, начали бы разъезжаться. И был рад, когда музыка смолкла.

Доктор Пинчер лег на кровать и закрыл глаза. Снизу до него доносились негромкие голоса, даже смех. День был длинным. Пинчер надеялся, что заснет. Ведь утром он должен уехать как можно раньше. Если бы только он мог заставить замолчать все эти голоса и просто полежать спокойно, он бы отдохнул. Пинчер дышал медленно, ритмично, закрыв глаза. И почувствовал, что наконец засыпает.

А потом снова заиграли скрипки. Громко. Сразу несколько, в сопровождении свистулек. Весело и громко. Раздались крики, смех. Это было уже просто нечестиво: звучала джигга! Пинчер в бешенстве вскочил с кровати и бросился к окну. Внизу горели факелы. Он увидел вокруг башни группы людей. Они танцевали. Это походило на языческую оргию или картину, которую можно увидеть на изображениях ада. Они отплясывали джиггу!

Пинчер смотрел на это в ужасе. И они ведь не просто плясали, нет, музыка все продолжалась и продолжалась, как будто люди соревновались: кто сможет плясать дольше?

И в этот момент, хотя, конечно, он с самого начала это знал, но именно в этот момент, слыша все, видя все собственными глазами, глядя вниз на эту ужасную джиггу, доктор Пинчер подумал, что он по-новому, с чудовищной ясностью понимает: если даже они улыбаются вам или носят английскую одежду, то все равно эти ирландские паписты на самом деле хуже последних тварей. Все, все они прокляты и обречены на вечные муки. Сомнений не оставалось. С криком гнева Пинчер отвернулся от окна, бросился на кровать лицом вниз и попытался заткнуть уши.

А танцы и музыка продолжались. Иногда звучала джигга, иногда мелодии, незнакомые Пинчеру. Ему приходилось слышать о том, что ирландцы исполняют танец с мечами. Насколько он их знал, такое вполне возможно. А что он знал наверняка, так это то, что отдохнуть ему не удастся.

Возможно, если бы ему удалось отвлечься от шума внизу, то он смог бы заснуть. Пинчер пытался думать о завтрашней части пути. Это его хотя бы немного успокоило.

И Тринити-колледж, и кафедральный собор Христа владели огромными землями. Время от времени некоторую их часть можно было получить в аренду на выгодных условиях; именно

на это уже давно и надеялся Пинчер. Но возможность, которая представилась ему теперь, была даже лучше.

Из всех землевладельцев-протестантов во всей Ирландии не было никого богаче и благочестивее Ричарда Бойла, великого поселенца-протестанта. Во время правления королевы Елизаветы ему подарили обширные земли в Манстере, и он стал покровителем многочисленных приходов, от которых добрые проповедники-протестанты могли получать доход.

– Я недавно слышал, что один из приходов на севере Манстера может вот-вот освободиться, – сообщил Пинчеру чиновник. – А вы как раз такой человек, которого Бойл вполне бы одобрил на то место. Но, правда, места там диковатые. Нужно сначала все хорошенько расчитать, прежде чем что-то сможет вырасти. Но вы ведь не против?

– О нет, – ответил Пинчер. – Я совсем не против.

Лесной край. Много веков подряд обширные леса, некогда покрывавшие большую часть острова, были ценным источником древесины. Как правило, ее вывозили. Некоторые из величайших английских соборов имели крыши из ирландского дуба. А во время великого строительства в Англии Тюдора древесины нужно было все больше и больше. И в результате ирландские леса сдались перед топорами. Вокруг Дублина большинство дубов уже вырубали, но дальше на юг все еще стояло много отличных старых лесов, которые можно было использовать. А это обеспечивало мгновенный одноразовый урожай наличности, то есть аренда в тех местах становилась очень выгодной. Иногда целые горные склоны могли оголиться за какие-нибудь несколько месяцев.

– Я зажгу свет там, где раньше царила тьма! – с чувством заявил Пинчер.

Дорога через горы, как ему сказали, проходит через самые красивые во всей Ирландии места. И Пинчер надеялся, что через пару дней он доберется до места назначения, и это наконец принесло ему облегчение. Он закрыл глаза и попытался представить свое путешествие. И хотя он продолжал слышать музыку снаружи, он, должно быть, все-таки задремал, а около полуночи осознал, что музыка наконец прекратилась, и почувствовал, что теперь в состоянии погрузиться в глубокий сон.

Он и в самом деле на мгновение решил, что уже спит, когда внезапный скрип заставил его резко сесть в постели. Тяжелая дубовая дверь его комнаты медленно приоткрылась.

В комнатах внизу было множество спальных мест, и в зале тоже, и по всему дому горело множество свечей, чтобы люди не наступали друг на друга, если им понадобится встать ночью. И в свете нескольких свечек Пинчер увидел в проеме двери жуткую фигуру, собирающуюся войти в его комнату. Дикарская ирландская одежда, голые ноги, бледное лицо с горящими глазами и огромная, уродливая масса волос, которые падали кольцами на плечи... И неудивительно, что при виде такого призрака доктор Пинчер вцепился в одеяло и разинул рот, готовый закричать: «Помогите!» или «Убивают!», если фигура сделает еще шаг.

Но Тадх О'Бирн не спешил входить. Он замер в дверях, предпочитая осторожно качнуться на месте раз-другой, прежде чем позволить себе войти в неведомое. Он не был пьян. Может, и был какое-то время назад, но теперь пребывал в состоянии, когда мысли и действия, хотя и осторожные и здравые, были несколько замедленными. Он пытался устроиться поспать в главном зале на полу рядом со скамьей, на которой лежала в глубоком сне его жена. Но никак не мог устроиться достаточно удобно. Подумал о том, чтобы выйти наружу. Ночь была холодной, и хороший ирландец вроде него самого, как он с гордостью говорил, был бы только рад поспать на земле, как пастух или герой древних времен. Но в конечном счете решил остаться внутри и, осторожно перешагнув через несколько тел, сумел, хотя и не быстро, добраться до вот этого места и открыть дверь. Не видя в темноте дрожащего проповедника, он весьма разумно спросил:

– Есть тут местечко для того, кто хочет поспать?

Вопрос, заданный на ирландском, Пинчер не понял, но ответить все-таки следовало.

– Уходи! – закричал философ.

Тадх О’Бирн хотя и удивился ответу на английском, однако прекрасно его понял. Тадх немножко подумал. Прежде всего, если не считать языка, важно было то, что ответ исходил от одного-единственного источника. Тадх прислушался, нет ли здесь звуков другого дыхания, но ничего не услышал. И следующий вопрос задал по-английски.

– Там с тобой женщина? – вежливо поинтересовался он.

– Конечно нет! – прошипел доктор Пинчер.

Хотя Тадх был не слишком искусен в философии, все же через мгновение-другое он сообразил, что фигура в темноте, желая того или нет, была виновна в нелогичности. Потому что если в комнате никого больше не было, а незнакомец не занимался женщиной, то уходить отсюда причин не имелось. Не желая быть невежливым, Тадх еще раз все мысленно проверил, убеждаясь, что он прав. Никаких слабых мест в своих рассуждениях он не нашел. И именно когда Тадх пришел к окончательному выводу, доктор Пинчер совершил огромную ошибку. Говоря очень медленно и отчетливо, так как предполагал, что человек перед ним, судя по его внешности, должен быть и пьян, и глуп, он произнес:

– Это... моя... кровать.

– Кровать? – Это слово заставило Тадха снова задуматься. – У тебя здесь есть кровать?

Тадх мог презирать предполагаемую развращенность своего родственника Бриана, когда речь заходила о пуховых перинах, но в этот момент перспектива разделить с кем-то мягкую постель, вместо того чтобы спать на твердом полу, показалась ему неплохой. Войдя наконец в комнату и закрыв за собой дверь, он с удивительной точностью добрался до кровати и протянул руку туда, где, отпрянув назад в отвращении и даже в ужасе, доктор Пинчер невольно освободил место, нужное Тадху.

– Ну вот, – приветливо произнес он. – Вполне хватит места для нас обоих.

И он бы мгновенно заснул рядом с ошеломленным проповедником, если бы его не охватило вдруг любопытство. Кем мог быть этот английский чужак, которому выделили отдельную комнату во время поминок по О’Бирну из Ратконана?

– Прекрасный человек, – высказался он в чернильную тьму. – Нет сомнений, Тоирдхилбхак О’Бирн был прекрасным человеком. – Он немного помолчал, ожидая какого-то отклика, но незнакомец рядом с ним был так же молчалив, как труп внизу. – Ты долго его знал? – поинтересовался он.

– Я его совсем не знал, – холодно произнес Пинчер.

Пинчер уже понял, что со стороны этой мерзкой фигуры его жизни ничто не угрожает. Теперь в его уме крутился главный вопрос: сойти ему с кровати и улечься на твердый пол самому или остаться на месте и терпеть близость и вонь чужака.

– Но ты, без сомнения, приехал на его поминки из уважения, – произнес Тадх. Любой бы сказал, что это правильный поступок, пусть и необычный для англичанина. – Ты не против того, чтобы я узнал твое имя? Я Тадх О’Бирн, – любезно сообщил он.

Ну почему, пытался понять Пинчер, все эти ирландцы должны носить столь варварские имена? Того, как это звучало для него – Тиг О’Бирн рядом с ним, покойный Турлок О’Бирн внизу, – уже было более чем достаточно, но то, как они сами это произносили – Тадх и Тоирдхилбхак, – превосходило всё разумное. Пинчер мысленно проклял всех этих людей. Он не имел никакого желания беседовать с Тадхом, но, с другой стороны, если он откажется ответить, это может вызвать у существа ярость.

– Я доктор Симеон Пинчер из Тринити-колледжа в Дублине, – неохотно сообщил он.

– Из Тринити-колледжа? – Значит, это был англичанин и еретик. Но все равно ученый, наверное. – Осмелюсь предположить, что ты учил латынь и греческий, так?

– Я читаю лекции на греческом по логике и теологии, – холодно произнес Пинчер. – И проповедую в соборе Христа. И я член колледжа Эммануэль в Кембридже.

Пинчер надеялся, что этот впечатляющий перечень заставит неожиданного гостя замолчать.

Тадх, возможно, и не слишком привык общаться с англичанами и еретиками, но, конечно, был поражен. Это ведь был джентльмен и ученый, знающий человек, который проделал длинный путь из Дублина, чтобы выказать уважение к вождю О'Бирну. Да, с ним следовало быть учтивым. Некоторое время Тадх лежал молча, гадая, что он мог бы сказать столь выдающейся личности. И тут ему на ум пришла одна мысль. Важный человек делил с ним постель и, без сомнения, воображал, что он, Тадх О'Бирн, личность малозначащая. И Тадх был просто обязан объяснить незнакомцу, что и он тоже не последний в своем клане. Конечно, не такой образованный, но, по крайней мере, джентльмен.

– А ты, пожалуй, и не знаешь, кто я таков? – предположил он.

– Пожалуй, нет, – вздохнул доктор Пинчер.

– Ну, так именно я, – с гордостью сообщил Тадх, – на самом деле и есть законный наследник Ратконана.

Результат его заявления был в высшей степени удовлетворительным. Тадх почувствовал, как доктор слегка вздрогнул.

– Но я так понял, что это Бриан...

– Ах... – Теперь Тадх оседлал любимого конька. – Он получил это. Да, получил. Но есть ли у него на это право? – Он помолчал, чтобы его вопрос проник в ум собеседника. – Нет. Это я принадлежу к старшей линии, видишь ли. Да, его семья получила Ратконан, но прав на него у них нет. Их притязания ложные!

Но дело было в том, что именно по закону, по тому древнему ирландскому закону и обычаю, которые Тадх так горячо отвергал, предки Бриана были должным образом избраны, а его собственные – отвергнуты. И тот факт, что Тадх, как добрый ирландец, никак не мог претендовать на положение Бриана и что любой добрый ирландец объяснил бы ему это в весьма простых выражениях, и даже тот еще более удивительный факт, что лишь по английским, но никак не по ирландским законам старший сын имел особое значение, – все эти факты самым чудесным образом растаяли в ночной тьме или, скорее, были поспешно похоронены Тадхом, как какой-нибудь преступник торопливо закапывает труп.

– То есть ты хочешь сказать, – Пинчер пытался разобраться, – что Бриан О'Бирн на самом деле не имеет настоящих прав на эту собственность?

– Не имеет. По английским законам. – Тадху неприятно было это говорить, но он знал, что другого способа произвести впечатление на человека из Тринити-колледжа нет. – По королевским законам он никаких прав не имеет. Это я законный наследник.

– Очень интересно, мне кажется... – пробормотал доктор Пинчер и после краткой паузы добавил: – Пожалуй, мне хотелось бы поспать.

И Тадх О'Бирн, высказавшись к собственному удовлетворению, преспокойно заснул. Но доктор Пинчер не спал. Спать ему уже не хотелось. Он размышлял. То, что он только что узнал, если все было верно, имело огромное значение. Но конечно, отвратительный негодяй, лежавший сейчас рядом с доктором, не мог надеяться получить от этого какую-нибудь выгоду. Бог того не допустит. Но если тот любезный молодой человек, который пригласил доктора в дом, действительно не имеет законного права на поместье, то существует множество юридических способов отобрать у него все. Пинчер гадал, есть ли в Дублине кто-нибудь, знающий обо всем этом. Пожалуй, нет. Ценность имения вроде Ратконана может быть во много раз выше того, что он рассчитывал получить в Манстере, и не важно, как близко там растут дубы.

Пинчер думал о том, как бы обернуть столь неожиданные новости к своей выгоде.

Уже некоторое время Орландо казалось, что отец слегка не в себе. Он прекрасно замечал постоянные небольшие перемены в его настроении, потому что видел отца почти каждый день.

Хотя Орландо было уже шестнадцать, он все еще жил дома. Мартин Уолш мягко воспротивился нескольким попыткам Лоуренса отправить Орландо в Саламанку.

– Нет, пусть лучше остается со мной, – твердил он. – Он может получить отличное образование у местных учителей. Я сам буду учить его юриспруденции.

Однажды Орландо подслушал спор между отцом и старшим братом.

– Поосторожнее, Лоуренс, – заявил отец. – Правительственные чиновники в Дублинском замке весьма подозрительно относятся к заграничным колледжам. Моя преданность не вызывает у них сомнений, но помни, в замке есть люди, которым хотелось бы запретить практику адвокатам-католикам. Они уже и без того знают, что ты иезуит. А поскольку поместье после моей смерти наследует Орландо, то будет куда мудрее, если они не увидят, как он отправляется в семинарию. Лучше ему держаться поближе ко мне.

Орландо слышал, как Лоуренс что-то пробормотал в ответ, но не разобрал слов. А отец произнес весьма решительно:

– Думаю, нет. И больше не будем говорить об этом.

Мартин Уолш обычно уезжал по делам в Дублин на день-два в неделю. И довольно часто брал с собой Орландо, и юноша прекрасно видел, как уважают и любят его честного и осторожного отца.

– Адвокатам, – нередко говорил сыну Мартин, – известно множество человеческих тайн. Но люди должны знать, что могут вполне довериться адвокату. Адвокат знает все, Орландо, но ничего не говорит. Помни об этом.

Иногда он мог показать на какую-нибудь хорошенькую девушку и добродушно спросить Орландо, не хочет ли он жениться на ней. Орландо обычно отвечал, что она недостаточно хороша и что ему нужно что-нибудь получше. Тогда отец спрашивал, сколько детей хотелось бы иметь Орландо.

– Шесть мальчиков и шесть девочек, чтобы была ровно дюжина, – улыбался Орландо.

И Мартину это нравилось.

Довольно часто они навещали его сестру. Энн родила трех девочек, но супруги продолжали надеяться на мальчика, которого хотели назвать Морисом. Энн слегка располнела за время замужества и всегда была занята домом и детьми, однако в остальном Орландо казалось, что сестра все та же. Ее муж Уолтер добился немалого успеха. И чем старше становился Орландо, тем больше ему нравился Уолтер, добрый, мужественный человек, явно бесконечно преданный жене. Хотя и ясно было, что однажды он унаследует большое состояние отца, старшего Питера Смита, Питер с гордостью говорил:

– Да он во мне совсем не нуждается. Он уже сам сколотил состояние.

Старый Питер Смит предпочитал проводить время в своем поместье в Фингале, но Уолтер и Энн почти все время жили с детьми в городе. У них был красивый дом с остроконечной крышей на Сент-Николас-стрит, неподалеку от толсела – старого городского дома собраний. Единственное, о чем они никогда не говорили, – это гибель Патрика Смита. Но Орландо все равно был уверен: сестра должна быть счастлива нынешней жизнью.

Иногда к концу дня, когда они уже возвращались домой в Фингал, Орландо замечал, что отец выглядит немного усталым и подавленным. Он предполагал, что это просто утомление после долгих часов работы. Волосы Мартина почти совсем поседел. По вечерам Мартин обычно садился в свое кресло и задумчиво смотрел в пол, и тогда видно было, что его лицо осунулось и постарело. И иногда Орландо замечал, как отец внезапно морщится и качает головой. Но потом Уолш поднимался из кресла, выпрямлял спину, делал глубокий вдох, выпячивал грудь и сам себе одобритительно кивал. И Орландо уверял себя, что его отец все еще силен и не покинет их много лет.

Обычно все дела Уолш вел в Дублине, не дома. И потому однажды вечером Орландо был удивлен, когда по дороге домой его отец заметил:

– Я получил сообщение от доктора Пинчера. Он хочет навестить меня завтра утром. По личному делу, так он говорит.

Хотя Орландо лишь изредка видел высокого тощего доктора из Тринити-колледжа, черный облик Пинчера, пересекавшего Долину Птичьих Стай в вечер перед отъездом Энн в монастырскую школу, неизгладимо отпечатался в памяти юноши.

– И что ему нужно? – спросил он отца.

– Понятия не имею, – ответил Уолш.

Поэтому Орландо с немалым любопытством наблюдал на следующее утро, около одиннадцати часов, за подъезжающим к их дому по освещенной солнцем дороге одиноким всадником, тощим как жердь и одетым в черное. Его встретил Уолш и, поздоровавшись, пригласил в дом. Орландо ужасно хотелось войти вместе с ними и послушать.

Двое мужчин сидели за столом напротив друг друга. Уолш, одетый в удобный темно-зеленый дублет, выглядел точно так, как и должен выглядеть сквайр. Доктор Пинчер был с головы до ног в черном, за исключением маленького белого воротника, отделанного узкой кружевной полоской.

– Я приехал спросить, сможете ли вы действовать от моего имени, – начал Пинчер, – в деле, которое я желал бы сохранить в тайне.

– Ничего необычного в вашей просьбе нет, – с легкостью ответил Уолш. – Но мы с вами прежде никаких дел не имели.

– Возможно, вы удивлены тем, что я готов довериться в таком деле... – Он замялся.

– Католику?

– Именно так.

Пинчер вежливо склонил голову. И хотя у него не было сомнений в том, что протестантская вера ставит его в глазах Бога намного выше папистов, Пинчер все же с некоторой неловкостью осознавал, что Уолш стоит выше его, будучи прирожденным джентльменом, каковым сам Пинчер не являлся.

– Я рад довериться адвокату-католику, сэр, – Пинчер позволил себе улыбнуться, – хотя мог бы усомниться в католике-хирурге.

Доктор Пинчер нечасто шутил, но это была одна из его шуток.

Уолш постарался улыбнуться как можно душевнее.

– Прошу, продолжайте, – предложил он.

– Это вопрос о праве собственности, – начал Пинчер.

Его поездка в Манстер оказалась весьма успешной. Приход с маленькой церковью и еще более маленьким домом был безупречен. Пинчер мог время от времени читать там проповеди, предоставив ежедневные заботы какому-нибудь бедному викарию. Земля в Манстере была великолепной. Пинчер уже нашел посредников, которые рубили бы деревья и доставляли бревна к побережью для погрузки на корабли. Предложенные цены были лучше некуда. И Пинчеру было ясно, что даже половина тамошнего леса может принести ему основательную прибыль. Он без труда познакомился с Бойлом, которого друзья доктора из собора Христа и Тринити-колледжа успели заверить, что Пинчер – именно тот человек, которого следует поощрять. И Пинчер сразу получил тот приход. Но теперь доктор видел и другой, более яркий свет, пролившийся на его жизнь, усиливший его веру и давший ему храбрость устремиться к более высокой цели.

Приехав в порт Уотерфорд, чтобы разузнать все о подходящих кораблях, Пинчер решил вернуться в Дублин на одном из прибрежных судов, которое как раз собиралось отплыть. Это была приятная поездка. И пока Пинчер смотрел на скользивший мимо берег, он заметил, что его мысли постоянно возвращаются к той странной ночи, которую он провел в Ратконане. То

ли это была слепая удача, то ли невидимая рука Провидения, но у Пинчера не было сомнений в том, что ему достались потенциально важные знания.

Пока Пинчер объяснял Уолшу, чего он хочет, лицо адвоката оставалось бесстрастным, хотя раз-другой легкое подергивание выдавало, похоже, какие-то чувства.

– Значит, – подвел Уолш итог, – вы уверены, что по английским законам Бриан О’Бирн не может быть законным владельцем Ратконана. И вы желаете, чтобы я как следует во всем разобрался. Если это окажется верно, вы, возможно, пожелаете иметь меня своим советником, в одиночку или с кем-нибудь еще, чтобы то поместье досталось вам.

– Совершенно верно.

Королевские чиновники, да и другие алчные люди давно уже требовали тщательно изучить вопрос наследования земель, поскольку надеялись найти такие владения коренных ирландцев, которые можно было бы законно отобрать у традиционных владельцев, чтобы английские власти могли передать их верным людям или выставить на продажу.

– Значит, если там окажется некое спорное наследование, вы узнаете об этом раньше других, которые, без сомнения, также хотели бы захватить владения Бриана О’Бирна.

– Именно так, – кивнул доктор Пинчер.

– А если титул молодого О’Бирна окажется юридически необоснованным, есть ли там другие претенденты?

– Возможно. Простой ирландец, который, я уверен, не имеет никаких документов, подтверждающих его право.

– Могу ли я спросить, – осторожно произнес Уолш, – почему вы оказали мне честь, приехав сюда, а не отправились к кому-нибудь еще?

– Я отлично знаю, сэр, что вы лучше, чем кто-либо, знакомы с земельным правом и поместьями в этой части Ирландии.

Да, это действительно было так. Целых пять поколений, задолго до того, как монастыри были разогнаны королем Генрихом VIII, со времен Плантагенета, предки Мартина Уолша постоянно занимались делами Церкви и ее землями по всей восточной части Ирландии. Едва ли было хоть одно поместье в Ленстере или Миде, владельцев которых Уолш не знал бы, да и многие в Ульстере и Манстере были ему хорошо знакомы. И то было знание многих поколений. Мартин уже несколько лет учил этому и Орландо. Если Пинчеру хотелось провести тайное исследование обстоятельств в Ратконане, он вряд ли мог найти лучшее место, куда обратиться.

Уолш кивнул. Потом слегка наклонился вперед:

– Я всего лишь адвокат, сэр, но вы философ. Могу я задать вам один вопрос, на который не могу ответить сам, поскольку недостаточно образован?

– Я к вашим услугам, – ответил доктор Пинчер.

– Ну, в общем, это скорее относится к философии, чем к закону, – негромко начал адвокат. – Если даже мы обнаружим, строго в юридическом смысле, что Бриан О’Бирн не имеет прав на Ратконан с английской точки зрения, должны ли мы тревожиться о том, что молодой человек может потерять имение? Если по совести, как вы думаете?

– Я бы сказал – нет.

– И почему?

– Потому что он владеет им не по закону, а по варварскому обычаю и нечестно.

– По обычаю простых ирландцев. – Уолш кивнул. – Да, все так. А ирландские обычаи, поскольку они варварские, мы не принимаем в расчет. Это, так сказать, неестественно.

– Вы правильно уловили, – сказал доктор Пинчер, довольный тем, что они поняли друг друга.

Мартин Уолш смотрел на него без какого-либо выражения. Он думал, что забавно было бы спросить этого философа, не следует ли считать алчность смертным грехом, по его личному мнению, но запретил себе это. И вместо того негромко произнес:

– Должен вам сказать, что кое-где есть люди, и даже в Дублинском замке, которые желали бы проявить осторожность. Если, как многие могут предполагать, молодой О’Бирн в Ратконане вполне благонадежен, то такие люди могут решить, что куда мудрее не пытаться лишить его земель, которые многие считают принадлежащими ему по праву. Здесь пока что не было бунтов. И он не бросил свои земли, как Тирон. И что бы ни говорил закон, такие люди могут сказать, что подобное лишение прав владения было бы неразумным и лишь привело бы к новым проблемам.

Это был тот самый совет, который сам Уолш получил от королевских чиновников.

– Но мы с вами, – заметил Пинчер, – можем думать и по-другому, я надеюсь.

Возможно ли, гадал Уолш, что весь этот разговор был своего рода ловушкой? Мог Пинчер быть подослан кем-нибудь из властей или, что более вероятно, какой-то группировкой, желавшей проверить его взгляды и пределы его преданности? Такое вполне возможно, но едва ли. Убеждения и взгляды Уолша были точно такими же, как у большинства знакомых ему старых англичан, и в Дублинском замке это прекрасно знали. А его преданность сомнению не подвергалась.

Нет, решил Уолш, этот Пинчер затеял то самое, о чем говорил. Даже прожив в Ирландии семнадцать лет, человек из Тринити-колледжа был настолько ослеплен собственными предубеждениями, что вообразил, будто он, Мартин Уолш, только лишь потому, что принадлежит к старым англичанам, радостно бросится искать причины лишить земель О’Бирна, поскольку тот ирландец. Интересно, имел Пинчер хоть какое-нибудь представление о том, как возникло довольно необычное взаимоуважение двух семей, после того как Уолш из Каррик-майнса гонялся за О’Бирном много столетий назад? Догадывался ли он, что в крови молодого Бриана О’Бирна есть несколько капель крови Уолша, не говоря уже о том, что дочь самого Уолша Энн была замужем за человеком, который, хотя и носил имя Уолтера Смита, был почти наверняка О’Бирном по происхождению? Такие глубокие и перепутанные корни наверняка даже не интересовали Пинчера.

– Я проведу расследование, – сказал Уолш, – но сразу должен вас предупредить, что не уверен, можно ли будет довести это дело до успешного завершения.

После этого доктор Пинчер ушел, получив от Уолша обещание написать ему, когда появятся какие-то новости.

В начале дня Уолш позвал Орландо и предложил прогуляться.

– Куда мы идем, отец? – спросил Орландо.

– В Портмарнок.

Дул легкий ветер, в меру прохладный. Уолш был рад тому, что Орландо наслаждается совместной прогулкой. Сам юноша и вообразить не мог, как успокоительно действует на отца его присутствие, а Мартин не собирался сообщать ему об этом. И они просто шагали рядом, в основном молча. Конечно, сыну были интересны причины визита доктора Пинчера, но лучше ему ничего об этом не знать; к тому же Уолш хотел поговорить с ним о некоторых гораздо более важных вещах.

Они уже начали спускаться по длинному пологому склону, что тянулся через прибрежное пространство, когда Уолш посмотрел на сына и негромко спросил:

– Скажи, Орландо, ты когда-нибудь нарушал закон?

– Нет, отец.

– Я так и думал. – (Какое-то время они шли молча.) – Я часто говорил с тобой о конфиденциальности и доверии, которые должны быть правилом общения клиента и его адвоката. Доверие священно. Нарушить его – все равно что нарушить закон. Это противоречит всему, за что я выступаю. Это предательство.

– Я знаю, отец.

– Ты знаешь. – Мартин Уолш глубоко вздохнул и задумчиво кивнул. – И все же, сын мой, – тихо продолжил он, – в твоей жизни может настать момент, когда тебе придется задуматься о таких вещах. Возможно, о том, что будет иметь значение куда более важное, чем ты воображаешь.

Добавлять что-то еще необходимости не было. Уолш знал: Орландо запомнит его слова. И вернулся мыслями к неотложной проблеме. Те действия, о которых он размышлял, безусловно, стали бы предательством. Но это ведь должно быть правильным? Может быть. Если об этом когда-нибудь станет известно, Уолш наживет могущественных врагов. Однако, рассмотрев все обстоятельства, Мартин все же склонялся к тому, чтобы воспользоваться шансом и действовать немедленно. У него было ощущение, что времени остается немного.

Когда вдали показался Портмарнок, Уолш снова повернулся к Орландо.

– Когда я не знаю точно, что делать, я всегда молюсь, – заметил он. – Как молишься ты, Орландо?

– Читаю те молитвы, которые знаю, отец.

– Хорошо. Но они – это только средство, инструмент, ты ведь понимаешь. Слова молитв – это путь, ведущий нас к освобождению ума от всех других размышлений, пока мы не станем готовы услышать голос Бога.

– А ты когда-нибудь слышал этот голос, отец?

– Так же, как слышу человеческие голоса? Нет, Орландо. Хотя некоторые его слышали. Голос Бога обычно тих, и его лучше слышно в тишине.

Когда они добрались до святого источника, Уолш опустился на колени и какое-то время молча молился, а Орландо, не желая ему мешать, встал на колени в стороне и тоже попытался молиться. Наконец Уолш закончил молитву и несколько мгновений задумчиво смотрел на колодец, а потом, жестом позвав Орландо, медленно пошел обратно. Они почти не разговаривали, потому что Уолшу хотелось продлить тихое, отстраненное состояние, но уже на полпути к дому он протянул руку и положил ее на плечо сына.

Наконец они добрались до дома. Уолш, велев Орландо подготовиться к долгой поездке на следующий день, прошел в свой кабинет и, взяв чистый лист бумаги, начал писать. Писал он тщательно, потратив несколько часов на эту работу, а потом аккуратно сложил и запечатал письмо восковой печатью. После этого Уолш почувствовал себя настолько усталым, что даже не стал ужинать, а сразу отправился в постель.

Однако на следующее утро он встал с первыми лучами солнца, чувствуя себя отдохнувшим.

Когда Орландо выслушал распоряжения отца, он был в высшей степени изумлен. Никогда прежде его не просили сделать что-то подобное.

– Ты поедешь в Дублин, к твоему кузену Дойлу. Скажешь, что я сам приеду около полудня. А пока вот моя записка к нему с просьбой снабдить тебя всем, что тебе может понадобиться. Ты попросишь крепкую отдохнувшую лошадь и смену одежды. После этого ты покинешь Дублин так, чтобы тебя никто не заметил, и поедешь на юг. – Тут Уолш дал сыну запечатанное письмо, которое написал накануне вечером. – Это постоянно держи при себе. Ни при каких обстоятельствах оно не должно попасть в чужие руки. Когда к вечеру доберешься до цели, останься там до утра. Потом можешь вернуться той же дорогой.

– И куда я еду? – спросил Орландо.

– В Ратконан, – ответил отец и отдал дальнейшие распоряжения.

День был прекрасным, небо чистым, и сердце Орландо пело, когда он отправился выполнять задание отца. Орландо не знал содержания письма, однако уже то, что его отправили с таким заданием, да еще с предписанием никогда в жизни ни единой душе не говорить о том,

что он сделал, весьма его волновало. Тайные послания, которые в детстве он передавал своей сестре, были чудесным приключением, но то, что отец, которого Орландо почитал, доверил ему столь важное дело, – это переполняло юношу гордостью и счастьем.

Он без труда сменил одежду в Дублине и, наполовину скрыв лицо под поношенной шляпой с широкими полями, выехал из города и поскакал через Доннибрук к горам Уиклоу. Никто из Дублина не наблюдал за ним, когда Орландо миновал фруктовые сады на юге. Никому, скорее всего, и в голову не могло прийти, куда именно он направляется. Орландо иногда пускал лошадь легким галопом, иногда шагом и так пересек равнину и поехал дальше к горам. В полдень он отдохнул около часа, а к концу дня уже был в Ратконане.

Следуя указаниям отца, он не назвал своего имени, но когда вышел О'Бирн и спросил, что ему нужно, отдал ему письмо и пояснил, что ему приказано убедиться в том, что О'Бирн его прочитал. Бриан с легким недоумением пригласил юношу в дом, и они вошли в зал.

Орландо был удивлен, увидев, что О'Бирн совсем молод, всего на несколько лет старше его самого, а с взъерошенными светлыми волосами и вовсе казался мальчишкой. Но главное впечатление на Орландо произвел властный взгляд странных зеленых глаз. Сев за большой дубовый стол, О'Бирн медленно и внимательно прочел письмо, и раз-другой на его лице отразилось удивление. Потом он встал, принес бумаги, перо и чернила и написал несколько слов. Закончив, посмотрел на Орландо:

- Ты его сын?
- Да.
- Ты знаешь, что в этом письме?
- Отец сказал, что мне лучше не знать.
- Он прав, – кивнул Бриан О'Бирн.

Содержание письма всерьез потрясло его. Ему вкратце сообщалось, что его наследство может оказаться под угрозой, и далее следовал совет принять немедленные меры. Мартин Уолш был изумлен не столько наглой алчностью Пинчера – видит Бог, адвокат встречал и не такое в человеческих душах, – сколько абсолютной политической глупостью, допускавшей законное воровство земель у таких уважаемых ирландцев, как Бриан О'Бирн. Это была именно такая глупость, которая могла однажды сделать остров неуправляемым. И именно из высокого чувства долга адвокат, после долгой молитвы, решил нарушить конфиденциальность и вмешаться.

Английские власти совсем нередко нарушали право владения землей в отношении людей вроде Бриана О'Бирна. Но Уолш знал в Дублинском замке одного-двух чиновников, которые смотрели на все так же, как он сам, и их имена он сообщил в письме к молодому О'Бирну. А также по осторожной подсказке Дойла на помощь Бриану могли прийти джентльмены-протестанты. Но, учитывая мнение парламента и его сторонников, не говоря уже о докторе Пинчере, который выискивал подобные возможности, Уолш советовал О'Бирну немедленно и без шума отправиться в Дублин, пока гончие не унюхали его след. Однако по причинам, которые он не мог назвать, его собственное участие в деле должно было остаться в тайне. «Я нарушил клятву адвоката, чтобы сообщить это вам», – честно признавался он.

– Передай своему отцу, Орландо Уолш, что О'Бирны из Ратконана навеки в долгу перед ним, – с чувством произнес Бриан.

- Я должен убедиться, что вы сожгли письмо, – сказал Орландо.
- Убедишься.

О'Бирн подвел юношу к очагу, и они вместе смотрели на письмо, пока оно не превратилось в безобидный пепел.

- Ты должен поужинать со мной, – заявил Бриан.
- Я переночую в конюшне и никому не назову своего имени, – возразил Орландо.

– Ах да, конечно. – Бриан улыбнулся. – Но обещаю тебе, Орландо Уолш, ты всегда будешь моим другом.

На рассвете следующего дня Орландо отправился в обратный путь. Небо над горами Уиклоу оставалось ясным. С моря дул легкий бриз. Орландо так гордился собой, так радовался тому, что благополучно выполнил задание, что не мог дожидаться встречи с отцом, желая наконец рассказать ему все.

К середине утра ветер переменился и задул с севера, слегка похолодало. Когда Орландо добрался до высокого склона, с которого открывалась панорама Дублинского залива, он увидел длинную серую полосу облаков, надвигающуюся со стороны Ульстера и уже бросающую густую тень на Фингал вдаль. Но Орландо быстро продвигался вперед и еще до полудня въехал в город и поскакал к дому кузена Дойла.

Дойла с женой дома не было, но слуга сообщил Орландо:

– Он сказал, чтобы ты отправлялся дальше, как только прибудешь.

А поскольку Орландо и сам собирался поступить именно так, то тут же пересел на собственную лошадь и покинул дом кузена.

Облачная тень повисла над ним сразу после того, как он пересек Долину Лиффи. И день становился все темнее и мрачнее, хотя раз или два справа от Орландо над серебристым простором моря прорывались солнечные лучи. Сердце Орландо было переполнено счастьем, пока он скакал по знакомой равнине. Он улыбнулся, глядя, как стая серых чаек внезапно взлетела с равнины перед ним и с громким криком унеслась в свинцовое небо. И юношу охватило теплом, когда, миновав знакомый маленький лесок, он увидел свой дом.

А потом Орландо с удивлением заметил стоящую в дверях сестру.

– Привет, Энн, – сказал он.

– Слава Богу, ты приехал! Он тебя ждал.

– Знаю. – Орландо улыбнулся, но сестра бросила на него странный взгляд:

– Нет, Орландо, ты не знаешь... – Орландо шагнул к дому, но Энн взяла его за руку, останавливая. – Подожди еще несколько минут. С ним сейчас Лоуренс. – Энн глубоко вздохнула. – Твой отец плохо себя чувствует, Орландо. Очень плохо.

Орландо почувствовал, что бледнеет.

– Когда?..

– Сегодня, рано утром. Он послал нам сообщение в Дублин, и мы сразу приехали. Но никто не знал, где ты.

– Я выполнял одно поручение отца.

– Он так и сказал. Сказал, что ты должен будешь заехать к кузену Дойлу, и мы отправили туда сообщение, чтобы ты сразу ехал домой. И где только тебя носило? – Энн покачала головой. – Ну, это уже не важно. Он хотя бы может говорить, пока что. Подожди внизу. Я им скажу, что ты приехал.

И Энн ушла.

Орландо ждал в одиночестве. Дом казался до странности затихшим. Прошло какое-то время. Потом по лестнице спустился Лоуренс.

Брат был в черной сутане. И выглядел мрачным. Увидев Орландо, он не улыбнулся, а просто подошел и сжал его руку:

– Ты должен подготовиться. У отца сейчас кризис. Это был апоплексический удар, и ты увидишь, что он сильно изменился со вчерашнего дня. Ты к этому готов? – (Орландо молча кивнул.) – Хорошо. Я молился вместе с ним. Но твое присутствие его утешит. – Лоуренс помолчал, с интересом глядя на Орландо. – Кстати, а где ты был?

– Я не могу тебе сказать, Лоуренс. Я делал кое-что по поручению отца.

– Мне-то ты уж точно мог бы объяснить свое отсутствие, так? – Вопрос был задан вполне благодушным тоном, и все же в нем звучало некоторое неодобрение.

– Я обещал отцу.

– Понимаю. – Легкая морщинка собралась на его лбу, но иезуит тут же ее прогнал. И посмотрел на лестницу, где появилась Энн. – К нему можно?

– Да. – Энн ободряюще улыбнулась младшему брату.

– Он что, умирает? – спросил Орландо.

Никто ему не ответил.

Орландо поднялся по старой деревянной лестнице и подошел к двери комнаты отца. Она была приоткрыта. Орландо рывком распахнул ее.

Отец был один. Он полусидел в резной деревянной кровати. Его лицо странно осунулось, глаза провалились, но он нежно посмотрел на Орландо и постарался улыбнуться:

– Мне жаль, Орландо, что тебе приходится видеть меня таким.

Мгновение-другое Орландо был не в силах говорить.

– Мне тоже жаль.

Он хотел сказать совсем не это, но не нашел нужных слов.

– Подойди. – Отец жестом подозвал его поближе. – Ты сделал то, о чем я тебя просил?

– Да, отец. Все сделано.

– Хорошо. Я горжусь тобой. Он что-нибудь сказал?

– Что навеки в долгу перед тобой.

– Он сжег письмо?

– Да. Я проследил.

– Правда, теперь это уже практически не имеет значения... – Отец произнес это скорее для себя, чем для сына. И вздохнул. В груди у него захрипело. А потом он улыбнулся. – Ты хорошо поработал. Очень хорошо.

Орландо так хотелось что-нибудь сказать, объяснить отцу, как сильно он его любит. Но он не знал, как это сделать. И просто беспомощно стоял. Несколько мгновений его отец, закрыв глаза, молчал. Он как будто собирался с силами. Потом наконец посмотрел в глаза Орландо. Юноше показалось, что во взгляде отца он заметил некую настойчивость и страх.

– Ты помнишь, что обещал мне, Орландо? Насчет твоей женитьбы?

– Да, отец. Конечно я помню.

– Ты обещал мне иметь детей.

– Да.

– Они будут?

– Да, отец. Не меньше дюжины. Обещаю.

– Это хорошо. Спасибо. Возьми меня за руку. – (Орландо взял холодную руку отца, и тот сжал ладонь сына.) – Ни один отец не мог бы иметь лучшего сына, чем ты, Орландо. – Мартин снова улыбнулся и закрыл глаза.

Какое-то время прошло в тишине, и слышно было лишь свистящее дыхание Уолша. Орландо продолжал стоять рядом, все так же держа холодную отцовскую руку.

Потом, не открывая глаз, отец тихо произнес:

– Энн...

Энн, стоявшая за дверью, мгновенно вошла в спальню.

– Да пребудет с тобой Господь, сын мой, – сказал Уолш.

И Энн выставила Орландо в коридор.

Она велела ему идти вниз. Через несколько мгновений навстречу снова поднялся Лоуренс. А Орландо лишь ждал в отчаянии. Примерно через полчаса Энн спустилась вниз и сообщила, что их отец умер.

Небо все еще было серым, когда на следующий день рано утром Орландо вышел из дому, неторопливо прошел по тропе мимо заброшенной часовни и вскоре уже был на пологом склоне, что уходил к морю. Юноша не встретил ни души на пути к святому колодцу в Портмарноке.

Опустившись у колодца на колени, Орландо стал молиться. Но хотя слова слетали с его губ, он не мог сосредоточиться по-настоящему, как советовал отец.

Орландо встал и трижды обошел вокруг колодца, на этот раз произнося «Отче наш». Он знал, что даже такой маленький обряд может дать результаты. Потом снова встал на колени. И все равно не мог найти той тишины, которую искал. Орландо пытался думать о древнем святом, чье присутствие благословляло воду колодца. Но ничего не получалось. Тогда Орландо подумал об отце и прошептал:

– Я обещаю, отец. Обещаю. Не меньше дюжины.

И разрыдался.

Прошло больше часа, прежде чем он вернулся домой. И увидел Лоуренса, который искал его.

– Где ты был, Орландо? – спросил иезуит.

– У колодца в Портмарноке, – честно ответил Орландо.

– А... – Лоуренс явно задумался. – Думаю, пора, – сказал он вполне благодушно. – Пора тебе отправляться в Саламанку.

1626 год

В возрасте тридцати четырех лет Энн Смит имела все основания быть благодарной судьбе. Она познала печаль: пару раз у нее случались выкидыши и двое ее детей, мальчики, умерли в младенчестве. Но почти все матери, которых она знала, испытали подобные страдания, однако такие раны излечивались. И у Энн все же оставалось четверо здоровых детишек, три девочки и мальчик, а в будущем могли появиться и другие.

И еще у нее был брат Орландо. Энн в общем ждала, что он женится сразу, как только вернется из Саламанки. Она знала об обещании, данном им отцу, и о его горячем желании не подвести отца. Как-то раз, когда Энн со смехом заметила, что он может удовлетвориться и меньшим количеством детей, он ответил:

– По крайней мере, я могу постараться.

И он произнес это с таким пылом, что Энн решила ничего больше не говорить. И уж конечно, не было недостатка в семьях, которые желали бы выдать своих дочерей за молодого Орландо Уолша. Но ему понадобилось несколько лет, чтобы стать адвокатом, как его отец, а уж потом он смог осесть с чудесной девушкой из семьи сквайра-католика в английском Пейле. И управлять имением. Многие из прежних клиентов отца обращались к нему. Правда, Энн пока что не слышала, чтобы его жена Мэри забеременела, но они ведь были женаты всего год. И Энн казалось, что в отношении Орландо у нее были все причины для оптимизма.

Но вот если посмотреть на мир в целом, то сразу были видны причины, почему у добрых католических семей вроде Уолшей надежды было маловато.

В Англии правил новый король. Старый король Яков был сыном пылкой католички Марии Шотландской, и лорды-пресвитерианцы из его родной Шотландии зорко следили за тем, чтобы Яков, пусть и не желавший преследовать католиков, все же оставался убежденным протестантом. Но теперь Яков умер, а год назад его сын король Карл – серьезный молодой человек – потряс подданных-протестантов, женившись на сестре короля Франции, одного из самых ярых приверженцев католицизма. И до сих пор было неясно, какие религиозные симпатии испытывает сам Карл.

– Но это наверняка должно нас радовать, – сказала как-то Энн своему брату Лоуренсу. – То, что король выбрал в супруги женщину истинной веры.

И хотя Лоуренс всегда был осторожен в высказываниях, даже он ответил:
– Будем надеяться, – и ободряюще улыбнулся сестре.

Ирландия же превратилась в странное место. Графы бежали, Манстер и Ульстер были превращены в колонии, протестанты держали верх в парламенте. И все же Энн казалось, что за прошедшие со дня ее свадьбы почти двадцать лет повседневная жизнь большинства простых католиков изменилась на удивление мало. Протестанты могли принимать законы против них, но эти законы исполнялись лишь частично. Даже здесь, в Дублине, в самом сердце английской власти, жизнь была наполнена любопытными аномалиями. Кафедральный собор Христа, великий средневековый памятник ирландской католической традиции, стал теперь домом так называемой Церкви Ирландии, конечно английской и протестантской. Его посещали правительственные чиновники из Дублинского замка и протестанты из Тринити-колледжа. Но почти все приходские церкви в городе, куда ходили общины торговцев и ремесленников, оставались католическими. По закону католические священники не имели права существовать.

– Но мы не позволим этому нам мешать, – говаривал добрый муж Энн, Уолтер Смит.

В их собственной приходской церкви Смит и его товарищи-торговцы содержали целых шесть католических священников, но если бы какой-нибудь чиновник спросил, кто это такие, ему бы ответили: «Певчие». Конечно, все знали, что это священники. Даже доктор Пинчер, наверное, это понимал. Но людям из Дублинского замка совсем не хотелось оскорблять богатых и полезных дублинских торговцев, и шестеро священников спокойно продолжали делать свое дело.

– До тех пор, пока... – как-то сухо заметил Уолтер, – пока их не попросят спеть.

В общем, вряд ли это было уж слишком большой надеждой для людей вроде Энн, ее мужа Уолтера и брата Орландо – людей состоятельных и доброго нрава, преданных английской короне, – что кто-то сумеет убедить нового короля вернуть католической общине те права, которых она заслуживала.

Никто бы не смог усомниться в солидном, надежном, любящем муже Энн. Стоило только посмотреть на него. Уолтер не располнел с годами, но его тело стало шире, крепче. Волосы отливали стальным серым блеском. Он завоевал авторитет и уважение. Важная религиозная община Святой Анны устроила свою часовню в церкви Святого Оуэна, но все записи и архивы хранились в обитом железом сундуке в доме Уолтера Смита. Он, однако, всегда легко нес свое бремя. Спокойный и энергичный, неизменно добрый. Любой бы, встретив его, сказал, что этот крепкий человек средних лет прежде всего католик-семьянин, и был бы прав. Он создал для Энн прекрасную семью. Их старшая девочка была похожа на мать. Все так говорили. И вскоре она, без сомнения, должна была выйти замуж. Вторая больше походила на Уолтера; третья напоминала Энн об одной ее тетушке, которую она знала в детстве. А вот юный Морис был из тех, кого люди замечают. Назвали его в честь дедушки Уолтера. Фигурой и лицом он напоминал Энн брата Уолтера, Патрика. И одно это уже делало его весьма привлекательным. Но что действительно поражало любого, так это его глаза необычайного зеленого цвета. Теперь ему было восемь лет, и он отличался острым умом.

– Ну, тут еще надо посмотреть, что из него выйдет, – весело говорил его отец. – Станет он скромным торговцем вроде меня или умным юристом, как его дядя Орландо. И мне так приятно, – мягко добавлял он, обращаясь к Энн, – что, когда я смотрю на своего сына, я как будто снова вижу лицо моего дорогого брата Патрика.

Они не часто говорили о Патрике, но так лишь проявлялась типичная для Уолтера доброта и чуткость, ведь он знал, что Патрик был ее первой любовью. А Энн, со своей стороны, могла нежно коснуться его руки и сказать:

– Мы оба по нему грустим, но ты сильнее, чем я. Мне повезло, что я вышла за тебя.

И видит Бог, это было правдой.

Голова управляет сердцем – легче жить.

Совет ее брата Лоуренса не был плохим. Я счастлива, думала Энн, и понимаю это. Весь Дублин сказал бы так. Вся Ирландия с этим согласилась бы. Мне по-настоящему повезло. Вот только Энн не понимала, почему ей приходится напоминать себе об этом.

Священник, обвенчавший их, был знающим человеком. Старый друг ее отца, мужчина за пятьдесят, с обширным животом и мягкими манерами. Он тридцать лет служил приходским священником и много чего повидал. Перед венчанием он подозвал Уолтера и ее и дал им простой и мудрый совет. В будущем, в их повседневной семейной жизни, сказал он, они должны всегда, прежде чем что-то сказать или сделать, подумать, как ваш поступок будет выглядеть в глазах другого. Будет ли он добрым и уважительным по отношению к их чувствам? «За долгие годы наблюдений и опыта, – сказал священник, – я убедился: если вы будете поступать так, как я вам только что сказал, это почти наверняка обеспечит вам счастливый брак». И Энн всегда выполняла этот совет, и Уолтер тоже. Энн знала, что священник совершенно прав. И хотя уже почти десять лет назад он ушел в лучший мир, его слова по-прежнему звучали в памяти Энн, как будто он произнес их только вчера. «Это обеспечит вам счастливый брак». Радостное обещание. С одной только маленькой оговоркой: «Почти наверняка».

Он знал, что говорит, тот добрый священник. Но почему, почему такие вещи нельзя обещать наверняка? Почему это должно быть, почему Бог предопределяет, что двое хороших людей, любящих друг друга, могут не быть счастливы?

Уолтер нечасто смеялся от души. Когда по вечерам кто-нибудь из детей смешил его, он лишь негромко посмеивался. Наверное, ничего неправильного не было в таком смехе, думала Энн. Но ее этот смех раздражал. Она часто повторяла себе, что не следует быть такой глупой, не следует обращать на это внимание, но почему-то не могла. Раз или два она даже мягко поинтересовалась у мужа, почему он так делает, почему он просто не улыбнется или не рассмеется вслух.

– Не знаю, – любезно ответил он. – Я всегда таким был. А что?

И Энн чуть не брякнула: «А то, что меня это бесит». Но ее остановил страх задеть его, причинить боль, возвести между ними барьер.

– Да ничего. Просто так спросила, – сказала она.

В любом случае само по себе хихиканье не было, конечно, важным. Проблема была в том, что крылось за ним: в мыслях и безмятежной уверенности Уолтера, что Энн безусловно разделяет с ним его взгляды.

Уолтер Смит был человеком не только благочестивым, но и мудрым и мирским. Он заботился о семье. Энн не сомневалась, что, случись необходимость, ее муж с радостью отдал бы жизнь за них. И выше всего он ценил домашний уют и порядок.

– Спасибо тебе, – с чувством говорил он жене, – за мой прекрасный дом.

И хотя он был достаточно умен, чтобы не выдать жене своего знания, Энн отлично видела: он точно знает, где стоит каждая кастрюля, сковорода или лежит клубок пряжи. Всегда спокойный, всегда справедливый, он и детей поощрял к тому, чтобы они вели упорядоченную жизнь; и конечно, Энн поддерживала его в этом. Им стоило восхищаться. Но неужели он никогда не желал большего?

Энн навсегда запомнила, как однажды они вместе стояли на старой городской стене, а с гор Уиклоу на них надвигалась огромная масса туч, темных и величественных. Энн зачарованно следила за ними, а раскаты грома становились все громче, и молнии зловеще сверкали все ближе к городу.

– Ох, разве это не великолепно?! – в волнении воскликнула Энн. – Уолтер, разве это не прекрасно?

– Нам бы лучше вернуться домой, а то мы здорово промокнем, – заметил он.

– Да плевать! – засмеялась Энн. – Промокнем – значит промокнем. – И повернулась к мужу. – Неужели тебе никогда не хотелось позволить грозе настичь тебя?

– Идем, Энн, – тихо сказал он.

И она, против своего желания, отправилась домой вместе с мужем.

А его брат Патрик поспешил бы загнать ее под крышу? Наверняка нет. Он, наверное, был бы ужасным мужем. Почти наверняка был бы. Но он остался бы рядом с ней, чтобы насладиться буйством диких стихий и той грозы.

В ту ночь, когда Уолтер, как обычно, занимался с ней любовью в привычном порядке, Энн изо всех сил старалась скрыть то, что ее тело оставалось тяжелым, одеревеневшим, неотзывчивым. Такое случилось не в первый раз и не в последний. А он, конечно, и не догадывался о ее маленьком обмане, да она бы и не допустила, чтобы он догадался.

Но когда бы ее дорогой муж ни издавал свое счастливое хихиканье, предполагавшее, что вся семья разделяет его довольство их спокойной, упорядоченной жизнью, Энн испытывала то же самое тошнотворное ощущение в области сердца. Однако, посмотрев на детей, тарашившихся на отца с таким доверием и радостью на лицах, она тоже улыбалась и говорила им:

– Вам повезло, дети, что у вас такой хороший отец.

И целовала мужа. И никому бы и в голову не пришло, что ей хочется закричать.

Джереми Тайди, отправляясь на работу в собор, редко брал с собой сына.

– У мальчика есть и другие дела, – говорил он жене.

Но сегодня он велел семилетнему сынишке идти с ним, и потому юный Фэйтфул Тайди послушно стоял теперь рядом с ним.

Когда в собор вошли два человека и направились к ним, мальчик внимательно наблюдал за мужчинами. Отец скромно поклонился им, Фэйтфул выждал мгновение, но потом, заметив, что более высокий мужчина смотрит на него, тоже склонил голову.

– Ах да. – Улыбка доктора Пинчера была весьма сдержанной, но это все же была улыбка, любой бы понял. – Фэйтфул Тайди. Достойное имя. «Верный». – Он повернулся к Дойлу. – Займемся делом?

Никто не знал, когда все это началось, но в те четыре с половиной века, что англичане присутствовали в Ирландии, каким-то образом возник обычай скреплять сделки над гробницей Стронгбоу, могущественного лорда, который первым привел огромную свиту англо-норманнских рыцарей на эти земли. И сегодня торговец Дойл и доктор Пинчер из Тринити-колледжа стояли возле огромного каменного надгробия в темноватом пространстве собора и закрепляли свою сделку на камне. Перья и чернила были не нужны. Тайди был свидетелем. И если говорить о жителях Дублина, то для них эта сделка была такой же официальной и надежной, как если бы она была записана в самой Книге Жизни.

Именно Тайди, узнав, что Дойл собирается вложить деньги в некое новое предприятие, поговорил с торговцем и предположил, что Пинчер может быть заинтересован в участии. Такова была стратегия Тайди: оказывать услуги доктору, когда только он сможет, и именно поэтому он теперь выступал свидетелем договора. Тайди знал: это дело могло в особенности привлечь Пинчера, и даже не из-за возможных прибылей, а потому, что оно также продвигало протестантскую веру.

После чудовищной резни, когда во Франции пятьдесят лет назад были убиты тысячи гугенотов, эти безобидные и достойные французские протестанты – в основном торговцы и ремесленники – покидали родную страну в поисках более терпимых земель. Эти трудолюбивые люди уже создали маленькие общины в Лондоне и Бристоле, а недавно некоторые из них начали перебираться в Ирландию. Их вера обычно была скромной версией кальвинизма. Пострадав от преследований в католической Франции, они хотели лишь одного: жить в мире со своими соседями. «Такие тихие, трудолюбивые гугеноты могут послужить хорошим примером для

ирландцев», – рассудили английские власти. В южном городе Бирре гугеноты основали стекольное производство, и люди вроде Дойла с радостью использовали их умения и в других скромных предприятиях. Нынешняя затея, к которой только что присоединился доктор Пинчер, была небольшим производством железных изделий.

Покончив с делом, Дойл повернулся к Пинчеру и заметил, что тот выглядит не слишком здоровым. И в самом деле, Пинчер был бледен и дважды чихнул во время короткой процедуры.

– Это ерунда, – слабым голосом ответил Пинчер. – Или ничего такого, – добавил он, обращаясь к Тайди, – чего не могла бы вылечить чашка изумительного бульона, что готовит ваша жена.

Мистрис Тайди была доброй женщиной, чьи природные инстинкты заставляли ее проявлять материнскую заботу обо всех, с кем она встречалась на территории собора. Она испытывала огромное почтение к учености доктора Пинчера, но считала, что ему необходима жена, которая ухаживала бы за ним, и частенько приносила доктору печенье и засахаренные фрукты, а еще следила за тем, чтобы его постельное белье всегда было в порядке. Такую заботу Пинчер принимал с благодарностью.

– Я пришлю ее к вам, – заверил доктора церковный сторож, когда Пинчер уходил.

Дойл задержался, чтобы поговорить с Тайди.

О Джереми Тайди с полной уверенностью можно было сказать одно: он знал свое дело. Несколько лет назад освободилось место церковного служителя, и его отдали сторожу, так что теперь Тайди выполнял две обязанности, а заодно и получал двойное жалованье: пять фунтов восемь шиллингов в год. И если старший служитель был хранителем всего, что относилось к деловой жизни собора: записей о разных встречах, огромных свитков с перечислением собственности и земель, отчетов о ренте и арендных договорах, а регент церковного хора отвечал за музыку, то Джереми Тайди был теперь стражем всех прочих повседневных дел на территории собора.

Дойл хотел обсудить с Тайди печальное дело. Накануне умерла теща торговца, и необходимо было организовать похороны. И вообще-то, Дойл чуть не отложил встречу с Пинчером из-за этого. Но похороны предстояли не ирландские. Никаких громких поминок, а лишь тихое протестантское оплакивание, и Дойлу все равно надо было пойти в собор и переговорить с Тайди.

Дойл женился весьма умно. Его теща принадлежала к важной группе семей старых англичан, которые присоединились к Ирландской церкви. Ашшеры, Боллы и десятки других – это были имена людей, которые занимали важное положение в Ирландской церкви и в управлении. Следовательно, похороны должны были стать большим событием, с присутствием всех этих семей, а также и общины католиков Дублина, которые должны были прийти из дружбы и уважения.

Некоторое время мужчины обсуждали процедуру. Дойл знал: если ответственность берет на себя Тайди, ничто не будет упущено. К тому же пять шиллингов за услугу были приняты с энтузиазмом. И Тайди в качестве дополнительной любезности предложил поговорить с регентом о музыке. Когда Дойл и Тайди закончили обсуждение самой службы, Тайди перешел к последнему пункту:

– Вы желаете, чтобы звонил колокол?

– Конечно, – кивнул Дойл.

Большой колокол собора Христа звонил не только к началу кафедральных служб. Каждое утро в шесть часов и каждый вечер в девять он подавал Дублину сигнал о начале и конце рабочего дня. Были и другие причины к тому, чтобы звонить в колокол. Он мог издавать печальный звон, сообщая об уходе в вечность некоего джентльмена, или радостно гудеть, передавая весть о рождении какого-нибудь важного наследника. За колокол тоже отвечал Тайди, и его жалованье предусматривало звон к началу службы. А дублинские гильдии платили ему еще

и прекрасную стипендию в двадцать фунтов в год за утренний и вечерний звон; все другие случаи оплачивались отдельно.

– Я могу устроить такой же перезвон, как для леди Лофтус, – предложил Тайди.

Леди Лофтус – вдова знатного горожанина, умершая год назад.

– И сколько это будет стоить? – спросил торговец.

– Двенадцать шиллингов и шесть пенсов, – ответил Тайди.

– Многовато.

Хотя Дойл и был весьма богат, но такая цифра его несколько ошеломила.

– Она была очень набожной леди, сэр, – пояснил сторож.

– А-а... – Дойл вздохнул. – Ладно.

И, договорившись о времени отпевания на следующий день, он ушел.

В течение всего разговора юный Фэйтфул Тайди стоял рядом, молча наблюдая за всем.

Теперь отец окликнул его.

– Ну, Фэйтфул, – спросил он, – что ты об этом думаешь?

– Ты получишь двенадцать шиллингов сверх пяти шиллингов обычного жалованья? – спросил мальчик.

– Именно так.

– Дойл богатый, – заметил изумленный Фэйтфул.

– Верно. Но ты должен обратить внимание не на Дойла, а на доктора Пинчера, сынок, – пояснил ему отец.

– На Старую Чернильницу?

Таким неуважительным прозвищем дети наградили всегда одетого в черное проповедника.

– Ты должен относиться к нему с уважением! – резко произнес его отец. – Этот человек, Фэйтфул, – тихо добавил он, – однажды выведет тебя на путь к богатству.

Орландо уже прислал сообщение, что придет на похороны, и Энн тоже собиралась, ведь Дойл был их кузенком. Однако в тот день средняя дочь Энн слегла в постель с лихорадкой, и Энн предпочла остаться дома, а представлять их семью должны были Уолтер и их старшая дочь. Они как раз выходили из дому, когда появился брат Энн.

К ее удивлению, Орландо пришел не один, а с мужчиной, которого она никогда прежде не видела, – красивым, светловолосым, на несколько лет моложе ее самой, как она предположила. Мужчина остановился у входа за спиной Орландо.

– Это Бриан О'Бирн из Ратконана, – сообщил Орландо. – Мы вместе собрались ехать в Фингал, а поскольку он не знаком с тещей Дойла, то я подумал, что он мог бы подождать меня здесь, в доме, пока не закончатся похороны.

– Разумеется, – беспечно ответил Уолтер. – Энн все равно остается, так что она составит ему компанию.

Он шагнул навстречу гостю, а тот вежливо склонил голову в сторону Энн. Энн, конечно, слышала об О'Бирнах из Ратконана, но, насколько она помнила, ни с кем из них прежде не встречалась, а потому в ответ просто улыбнулась, предлагая войти. У самой двери стоял юный Морис. Он с изумлением уставился на лицо гостя и вдруг воскликнул:

– Смотрите-ка, у него зеленые глаза, как у меня!

О'Бирн сделал шаг вперед и тоже всмотрелся в мальчика.

– Как тебя зовут? – спросил он.

– Морис, сэр.

– Что ж, Муириш, – произнес он имя на ирландский лад, – у тебя и в самом деле зеленые глаза. – И мягко рассмеялся.

Прошло уже почти девяносто лет с тех пор, как Морис Фицджеральд, сын Шона О'Бирна, уехал в Дублин и стал на английский манер называться Смитом. Бриан предположил, что

хозяин дома знает о том, что они дальние родственники, но все равно заговорил с осторожностью.

– В роду О’Бирнов, – небрежно заметил он, – зеленые глаза появляются не в каждом поколении, но они всегда возвращаются, рано или поздно. – Бриан вопросительно посмотрел на Уолтера, и тот кивнул, давая знать, что понимает. – А мальчику это известно? – тихо спросил Бриан, чтобы Морис не услышал. Уолтер отрицательно качнул головой. – Ну и от меня не узнает. – Потом он заговорил громче, обращаясь к Морису: – Видимо, в твоём роду то же самое, Муириш.

В это мгновение зазвонил большой колокол собора Христа, и через несколько мгновений Уолтер и Орландо ушли.

Следующий час прошел для Энн весьма приятно. Пока она занималась хозяйством, присматривая и за больной дочерью, Бриан О’Бирн сидел в гостиной с Морисом, явно очарованным гостем. У Уолтера Смита имелись шахматы, он учил сына играть, чем Морис весьма гордился, и вскоре мальчик спросил ирландца, знаком ли тот с игрой. Забавно было смотреть на этих двоих, с изумрудными глазами, когда они сидели напротив друг друга, углубившись в игру. Энн также забавлялась, видя, что О’Бирн весьма ловко позволяет Морису выигрывать.

– Шах и мат! – слышала она время от времени радостное восклицание сына, а затем мягкий, приятный голос О’Бирна грустно соглашался:

– Да, ты прав, Муириш, я побежден.

Энн и сама поговорила с гостем, расспросила о Ратконане, узнала, что Бриан женился несколько лет назад и у него двое детей. Он также с чувством пояснил, что в долгу перед ее отцом. И что именно поэтому, когда недавно ему нужно было провести одну вполне законную сделку, он отправился напрямик к ее брату Орландо. Похоже, ее брату понравился этот красивый ирландский джентльмен, и Энн вполне его понимала. Она даже заметила, что надеется снова с ним встретиться.

Прошло уже почти два часа, и Энн нужно было уделить внимание дочери. Тогда Бриан О’Бирн предложил им с Морисом прогуляться и встретить Уолтера и Орландо, когда те будут возвращаться.

Бриан с мальчиком направились к старому толселу и подземной усыпальнице собора, где после окончания службы проводили захоронение. Бриан с Морисом стояли на другой стороне улицы, на некотором расстоянии, и негромко разговаривали, пока наконец все не начали расходиться. Кое-кто пошел к дому Дойла, где должны были подать закуски; другие останавливались группами, разговаривая. Через несколько минут вышли Уолтер Смит и Орландо. О’Бирн остался стоять на месте, а Морис побежал им навстречу и подвел к своему новому другу. Все вместе они несколько минут наблюдали, как расходятся люди.

– Я уже поговорил с кузеном Дойлом и его родными, – сообщил Орландо О’Бирну. – Так что мы с вами можем прямо сейчас отправиться в Фингал.

О’Бирн поблагодарил Уолтера Смита за гостеприимство, попрощался с юным Морисом и собрался уходить. Когда они с Орландо повернулись, то увидели доктора Пинчера на другой стороне улицы. Он выглядел бледным, словно больным. Но ни один из них не обратил на это внимания.

Бледность доктора Симеона Пинчера отчасти действительно была вызвана простудой, которую не вылечил до конца даже бульон мистрис Тайди, но настоящей причиной стала маленькая сценка, которую он только что увидел. Его словно ударили под дых, и он смертельно побледнел.

Прошло десять лет с тех пор, как он предпринял попытку лишить О’Бирна прав на владение Ратконаном. После внезапной смерти Мартина Уолша он позволил пройти двум месяцам, прежде чем нашел другого юриста и с ужасом узнал, что за это время молодой Бриан каким-то

образом получил законное право владения. Было это простым совпадением или тут крылось нечто более серьезное? Трудно представить, чтобы человек вроде Мартина Уолша мог нарушить конфиденциальность, к которой его обязывала профессия. К тому же Пинчер не видел никаких особых связей между уважаемым адвокатом из Фингала и ирландцем с гор Уиклоу. Да, все это, конечно, подозрительно и загадочно. Доктор постарался кое-что разузнать в Дублинском замке и выяснил лишь то, что Бриан О'Бирн постарался легализовать свое положение, а несколько джентльменов-протестантов, близких к властям, настояли на том, что было бы мудро дать безобидному молодому человеку то, о чем он просит. В общем, дальнейшие розыски смысла не имели, и Пинчер с неохотой бросил это дело. Но ощущение того, что он просто не может чего-то понять, осталось.

И что же он увидел только что? Прямо перед ним, на другой стороне улицы, Орlando Уолш, торговец Уолтер Смит и Бриан О'Бирн стояли рядом и беседовали, как близкие друзья, а когда Уолш и О'Бирн отправились по своим делам, бросив взгляд через улицу туда, где стоял Пинчер, они как будто вообще его не заметили. И что все это означало?

Пинчера охватило жуткое чувство, что он видит нечто вроде заговора. Эти люди явно состояли в неких приятельских отношениях, которых Пинчер не понимал до конца. Конечно, он знал, что сестра Орlando замужем за Смитом, но как сюда вписывается ирландец О'Бирн? Пинчер понятия не имел, но, пока он смотрел на другую сторону улицы, его охватило сильное, тошнотворное ощущение, что его просто одурачили.

На следующий день он как следует расспросил Тайди, но сторож объяснил, что он, как добрый прихожанин Ирландской церкви, почти ничего не знает о католических семьях.

– О Дойлах я еще могу расспросить, ваша честь, и об Уолшах, возможно, ведь они англичане. Но О'Бирн... – Тайди развел руками. – Я удивлен, что вы можете просить меня о таком, сэр.

– Нет-нет, конечно нет, – вынужден был сказать Пинчер, не желая оскорблять Тайди.

Но сам он предпринял кое-какие шаги. И две недели спустя один из служащих Дублинского замка сообщил ему:

– Вообще-то, есть слух, что дед Смита был урожденным О'Бирном.

Вот оно что. Теперь Пинчер понял. Он пришел к Мартину Уолшу с доверием, потому что, католиком он был или нет, Уолш оставался английским джентльменом. А оказалось, что Смит, выдававший себя за английского торговца, на самом деле был не кем иным, как грязным ирландцем с диких гор Уиклоу. И Уолш должен был это знать, но позволил ему жениться на своей дочери. А потом Уолш, выслушав доверчивого доктора Пинчера, тут же нарушил профессиональную клятву и передал полученную информацию О'Бирну. Это все объясняло. Сомнений не оставалось.

Его просто обвели вокруг пальца. Завели в ирландское болото. Они сделали из него дурака, эти проклятые католики, с их вечной ложью и двуличностью. Они смеялись над ним за его спиной, и это продолжалось годы. Пинчера охватила ярость. Но если его сделали дураком, то кто они сами? Предатели. Простые, откровенные предатели. Старый Мартин Уолш мог выглядеть джентльменом. Но, повторял себе Пинчер, мне с самого начала следовало знать, что человек, у которого сын – иезуит, может быть только предателем. Старые англичане или туземцы-ирландцы с гор и из болот – все они одинаковы. Они католики, и только это имело значение. И с этого момента доктору Пинчеру стало раз и навсегда ясно одно: низость и презренность натуры, которые он до сих пор приписывал лишь простым ирландцам, свойственны всем, кто исповедовал католическую веру. Их религия не только обрекала их на вечные муки, но и изначально превращала в злодеев. И доктор пообещал себе, что он, когда придет час, лично нанесет удар по Смигу, Уолшу и О'Бирну, которые осмелились насмеяться над ним.

Что до Ратконана – имения, которое он надеялся украсть у О'Бирна, не имея к тому никаких оснований и поводов, – то теперь Пинчеру уже казалось, что это законный наследник украл земли у него самого. И эту мысль он также запер в сердце, как некое сокровище в сундуке.

В таком горестном состоянии ума доктор богословия провел много месяцев.

Письмо, приведшее доктора Пинчера в бешенство, пришло весной 1627 года. Написала его сестра доктора. И говорилось в нем о Барнаби.

Возможно, мистрис Тайди была права, думая, что доктор Пинчер нуждается в супруге. Но доктор Пинчер так долго жил одинокой аскетичной жизнью, что для него было бы весьма трудно изменить привычки так, чтобы рядом мог поселиться другой человек. Что до потребностей тела, то в молодости он подавлял их, как солдат во время военной кампании, потому что боялся испортить свою репутацию. А с течением времени эти нужды так уменьшились, что доктор, став старше, уже боялся совсем другого, и его колебания стали уже чем-то вроде призвания.

Но если Симеон Пинчер и был убежденным холостяком, его честолюбие в отношении родных ничуть не ослабело, даже наоборот, с годами оно росло. Он пока что не получил земельных владений, которых жаждал, но все же обладал некоторым состоянием и был заметной фигурой в Дублине. Несколько лет назад он предложил сестре, чтобы его племянник Барнаби получил образование в Тринити-колледже, где Пинчер присматривал бы за ним и проследил бы, чтобы мальчик получал все самое лучшее. Однако сестра написала в ответ, что сын, хотя и отличается благочестием, вовсе не склонен к наукам и предпочитает поступить в обучение к известному торговцу мануфактурными товарами. Торговец, заверила доктора сестра, весьма ученый человек и пообещал, что Барнаби под его присмотром будет читать все те книги, что принесут ему пользу.

Отказавшись от этой надежды, Пинчер решил подождать благоприятного случая, но теперь, когда Барнаби исполнилось двадцать лет, он снова написал сестре, предлагая племяннику приехать в Дублин, где он мог бы познакомиться с прекрасными людьми. И это дало бы ему самому возможность поближе узнать молодого человека, который получит все после его смерти, подчеркнул Пинчер. Он думал, хотя об этом не упомянул в письме, о том, что Барнаби увидит, какой важный человек в Дублине его дядя. Ответ сестры на его любезное приглашение вызвал бешеную бурю в душе доктора.

Ее письмо начиналось вполне мило: она должным образом поблагодарила брата за то, что тот не забывает о племяннике. Потом сестра напоминала, что если он хочет возобновить отношения с родными, повидать родную сестру, познакомиться с ее замечательным мужем, а заодно и с племянником, то ему только и нужно, что приехать в Англию, где его ждет самый теплый семейный прием. Если тут и крылся мягкий упрек, доктор должен был признать, что высказан он был очень сдержанно. И в самом деле, почему за все эти годы он ни разу не подумал о путешествии через море, чтобы повидать сестру? Отчасти из гордости... или, скорее, из тщеславия. В этом Пинчер честно признался самому себе. Он хотел вернуться домой с триумфом, обладая большим имением. Это не говорило о большой любви к родным, и Пинчер справедливо осудил себя за подобные мысли. Но почему он так стремился произвести впечатление? Да потому, что его сестра всегда давала понять, на свой тихий лад, что она не слишком высокого мнения о брате. И даже теперь, через тридцать лет, ему не хватало скромности, чтобы увидеть справедливость ее суждения и признать собственную близорукость. При этой мысли почтенный доктор смущенно склонил голову.

И если бы письмо сестры на том и заканчивалось, доктор мог бы собрать все свое смирение и, закутавшись в него, как в плащ, вернуться в лоно семьи, как и должно доброму христианину. Но письмо не закончилось.

Дальше сестра писала, что не хочет, чтобы ее сын поехал в Ирландию. Барнаби, объяснила она, уже превратился из тихого мальчика в молодого мужчину, обладающего великой верой. И вообще-то, он даже подумывает покинуть берега Англии. Ее брат должен знать, что некоторые из английских пуритан надеются основать колонию в Америке, и Барнаби с пылом рассуждает о том, что надо бы покинуть родной очаг и кров и присоединиться к этому приключению, как только подвернется возможность. И кто бы стал его винить, если истинная протестантская вера под угрозой со всех сторон, а королю Карлу и его королеве-папистке совершенно нельзя доверять? «Мы просто дрожим от страха за Барнаби, – писала сестра. – Но не за его душу».

Так зачем же, спрашивала она, ради чего Барнаби поехал бы в Ирландию, где, по общему мнению, папистское идолопоклонничество вовсе не уничтожено, а наоборот, процветает? Колония в Ульстере была создана ради того, чтобы превратить всю эту землю в большое протестантское поселение, но по всем отзывам новые английские землевладельцы допускают, чтобы земля вернулась к тем же самым католическим ирландским тварям, которые и занимали ее прежде. А в Манстере землю предложили английским джентльменам, в основном йоменам и честным ремесленникам. «Но говорят, что никто, кроме злодеев и авантюристов, у которых есть основания скрываться, не живет там». Что касается самого Дублина, то: «Похоже на то, брат, что вы там с радостью позволяете папистам использовать церкви, сидеть в городском совете и, насколько я знаю, есть за вашими столами».

Доктор Пинчер ошеломленно уставился на письмо. Оно еще и потому выглядело столь огорчительным, что отчасти утверждения сестры были справедливы. Конечно, в Манстере были и добрые английские поселенцы, но большинство солидных йоменов, торговцев и ремесленников, являвшихся опорой Англии, вовсе не имели оснований к тому, чтобы оставить свое надежное положение и отправиться за море, а многие из тех, кто приехал в Ирландию, вернулись обратно. И немалое количество тех, кто занял земли в Манстере, действительно были людьми сомнительной репутации, которые надеялись задешево прослыть джентльменами в Ирландии. Что до Ульстера, то и вовсе слова сестры нельзя было отрицать. Новые колонии там не удалось создать как следует. Английские и шотландские предприниматели просто не могли найти достаточное число надежных протестантов для огромных просторов. И потому они частенько позволяли местным ирландцам вернуться на землю – ирландцы все равно считали ее своей – на условиях краткосрочной аренды и за максимальные деньги, которые только можно было получить. И вместо тихого края ферм йоменов и торговых городков Ульстер снова превращался в пеструю смесь готовых к войне поселений и земель с непомерно высокой арендной платой. А в столице тем временем добрые протестанты в Тринити-колледже и Дублинском замке могли чувствовать то же, что и доктор Пинчер, но изменить ничего не могли. То же самое происходило даже в соборе Христа: община собора представляла собой анклав, гордо существующий посреди моря упорствующих папистов. К тому же Пинчер знал, что земли собора Христа до сих пор находятся в субаренде у католических джентльменов, которые используют свои владения даже для того, чтобы держать там личных священников.

Однако самый тяжкий удар сестра приберегла под конец. Много лет назад, когда ее брат покидал Кембридж – «о чем я предпочла бы забыть», напоминала она ему, – она надеялась, что он изменит свою жизнь к лучшему. Но из того, что она слышала об Ирландии, в том можно сомневаться, писала она. И потому она и не думает посылать к нему Барнаби.

Неужели она никогда не забудет? Неужели она никогда не простит ту историю в Кембридже? Что именно: его преступление или ложное обвинение сильнее всего раздражало сестру? – гадал доктор Пинчер.

Как ни странно, началось все в церкви. Пинчеру предложили прочесть проповедь в деревне неподалеку от Кембриджа. Среди прихожан были сэр Бертрам Филдинг и его жена. И

Пинчера пригласили пообедать с ними на следующей неделе. Все было как обычно. Именно так молодые люди приобретали друзей и продвигались по службе.

Леди Филдинг была симпатичной большегрудой женщиной лет тридцати пяти, как предположил Пинчер. Он заметил, как вспыхнули ее большие карие глаза, когда он вошел в их дом. И она также дала Пинчеру понять, что он ей понравился, сжав его руку при прощании. Но он ничего особенного тогда не подумал.

Было ли случайностью то, что три дня спустя женщина встретила его на пути, когда Пинчер совершал обычную дневную прогулку вдоль реки? Нет. Он ведь без задней мысли упомянул о своей привычке во время обеда в ее доме. Замышляла ли она кое-что заранее, когда уговорила Пинчера показать ей колледж? Без сомнения. Намеренно ли она попросила показать ей его комнату? Конечно. Ох, конечно же!

До того момента Пинчер был девственником. Это было необычно, и все же такое случилось. Он хранил чистоту ради службы Господу. Возможно, предположил он после, как раз это и привлекло женщину. Она была полна решимости не оставить его таким же невинным, каким он был до встречи с ней. И она отлично знала, как его соблазнить. С тихим восторженным мурлыканьем она раздела его, обнажив бледное тело Пинчера, и научила исследовать ее собственное тело. И до сих пор стыд в душе Пинчера смешивался с восхищением и гордостью – увы, с гордостью! – при воспоминании о том, что они проделывали вместе.

Они встречались потом много раз. Это оказалось совсем не трудно. Ее муж несколько раз уезжал в Лондон. И она частенько приходила в его комнату в колледже. Все происходило во время университетских каникул, так что большинство студентов разъехалось. Почти шесть недель Пинчер предавался греху похоти и, что было и того хуже, содействовал нарушению супружеской верности.

Пинчер так никогда и не узнал, каким образом сэр Бертрам обнаружил их связь. Возможно, он что-то заподозрил. А возможно, он просто выследил жену.

И тогда случилось нечто ужасное. В тот вечер Пинчер находился наедине с леди Филдинг в своей комнате и вдруг услышал оглушительный стук в дверь. Он подумал, что в колледже пожар. Набросив на себя ночную рубаху, Пинчер открыл дверь.

Следующие несколько минут ему очень хотелось бы забыть. Сэр Бертрам был не только таким же высоким, как Пинчер, но и весьма крепким. К тому же он прихватил с собой меч. И именно вспышка отраженного света свечи на лезвии меча заставила Симеона Пинчера бежать. А что еще он мог сделать? Но не успел он проскочить в дверь, как сэр Бертрам схватил его за рубаху сзади. И та затрещала. И лишь когда Пинчер, спотыкаясь, скатился по лестнице и выскочил во двор, он с ужасом осознал, что его старая рубаха осталась в руке сэра Бертрама и что сам он абсолютно наг.

А сэр Бертрам гнался за ним! Пинчер ощутил острую, обжигающую боль в плече. Филдинг ударил его мечом плашмя. Пинчер бежал со всех ног, но его преследователь был удивительно проворен. Сэр Бертрам еще раз ударил Пинчера, и на этот раз острие меча вонзилось в спину, вспарывая плоть.

Они мчались по двору, голый Пинчер и разъяренный преследователь. Слава Богу, это не было среди бела дня, но все равно света хватало, чтобы любой мог увидеть позор Симеона. Ему бы выскочить через будку привратника на улицу, но он не мог сделать этого без одежды. И поскольку Филдинг явно не собирался прекращать преследование, Пинчер был вынужден кричать, зовя на помощь. Одно или два окна, выходившие во двор, открылись. Пинчер все же не представлял, что могло бы произойти, если бы не привратник, втащивший обезумевшего Пинчера в свою сторожку и захлопнувший дверь перед разъяренным сэром Бертрамом. Десять минут спустя сэр Бертрам и его жена покинули колледж, а Симеон Пинчер, закутавшись в одеяло, данное ему привратником, вернулся, дрожа от потрясения, в свою комнату. И лишь

очутившись у себя спальне и сбросив одеяло, Пинчер заметил, что весь залит кровью. Шрам на спине остался у него на всю жизнь.

Пинчер прекрасно понимал, что привратнику не составило труда догадаться о том, что именно происходило между студентом и леди. Но к счастью, свои догадки он оставил при себе, пока Пинчер отсиживался в сторожке. Однако спросил, нужно ли вызвать инспектора. Пинчер в ответ отрицательно качнул головой:

– Этот человек просто сумасшедший.

И пояснил, что леди пришла к нему за духовным советом. Но ее муж, постоянно воображавший, будто жена изменяет ему с каждым встречным, ворвался в его комнату, сорвал с него одежду и стал за ним гоняться.

– Позже я подумаю о законных действиях, – добавил Пинчер.

Он вовсе не был уверен в том, что привратник поверил в его сказочку. Скорее всего, нет. Но Пинчер рассудил: лучше всего держаться именно этой версии, а потому тем же вечером повторил ее главе колледжа.

– Стоит сожалеть о такой непристойности, – мрачно заметил глава.

– И я сожалею более всего, – согласился Пинчер, – поскольку был жертвой.

– Очень хорошо, что не слишком многие могли это видеть. Вы намерены предпринять какие-то юридические действия?

– Я не уверен. Этого человека следует пожалеть. Но более всего я опасаясь, – весьма умно добавил Пинчер, – что, если я начну судебное преследование, это может повредить колледжу. И ради репутации учебного заведения, мне кажется, лучше ничего не делать.

– А-а, – кивнул глава. – Вполне разумно.

И уже через час привратник и все, кто находился в то время в колледже, получили строгий приказ более не говорить о случившемся. А Пинчер предположил, что и Филдинг, по всей видимости, также не желал выносить историю на публику.

Но как бы надежно ни охраняли стены колледжа его репутацию, слух все же просочился наружу. И через несколько дней об этом заговорили и в других колледжах. И естественно, история начала приобретать разные подробности. Пошли разговоры о неких оргиях, даже о языческих ритуалах, во время которых голые мужчины и женщины предавались разврату. Вскоре Пинчер заметил, что люди на улице посматривают на него с любопытством. Его имя было замарано. Однажды он даже увидел, как проходившая мимо леди шарахнулась в сторону от него. На следующий день он не отправился на свою обычную прогулку, а остался в комнате.

Но настоящий удар оказался таким, какого Пинчер и вообразить не мог. К нему в комнату явился адвокат – маленький мужчина с узким лицом, напомнивший молодому человеку хорька. Пришел он от сэра Бертрама Филдинга.

– Сэр Бертрам намерен возбудить иск против вас, – сообщил адвокат. – И его супруга готова свидетельствовать.

– В чем?

– В изнасиловании.

Пинчер в изумлении уставился на юриста:

– Ее изнасиловали? Кто?

– Вы, разумеется. Вы на нее напали.

– Ничего подобного я не делал!

– Ее слово против вашего. Люди видели, как вы бегали по двору без одежды. – Адвокат покачал головой. – Дурное дело. Вам в любом случае конец. Ни один колледж ничего подобного не потерпит. Я бы сказал, это конец всех ваших надежд. – Он немного помолчал, наблюдая, как на лице Пинчера отражается бесконечный ужас. – Но, думаю, вы все-таки могли бы этого избежать.

– Как?

– Уйти из колледжа.

– Уйти?

– Вообще покинуть Кембридж. Куда-нибудь уехать. Если вы так поступите, мне кажется, дело можно будет замять. Говорить будет нечего. И все закончится. Думаю, вы могли бы так поступить.

Пинчер молчал. Он вспомнил о письме, которое совсем недавно получил из Дублина и на которое не потрудился ответить.

– Мне нужно немного времени, чтобы подумать, – медленно ответил он. – Но если дело дойдет до суда, я буду отрицать все обвинения и откровенно расскажу все о той леди, не щадя ее репутации.

– Что ж, справедливо, – кивнул адвокат. – У вас есть месяц. Как вам это?

В тот же день Пинчер написал в Тринити-колледж.

Но он совершил одну печальную ошибку. Придя к сестре перед своим отъездом из Англии, он все ей рассказал, ожидая от нее сочувствия. Но не дождался. Ни слова жалости, милосердия или любви. Ни тогда, ни до сих пор, даже после стольких лет.

И какой была с тех пор его жизнь? Что он мог бы продемонстрировать племяннику, если бы тот приехал в Дублин? Весьма скромное состояние? Положение в Тринити? Борьбу за протестантскую веру в мире презренных компромиссов? Но где же священный, божественный огонь? И что бы почувствовал к своему дяде добродетельный юноша – восхищение или отвращение? Боже милостивый, вдруг осознал Симеон Пинчер, ведь, скорее всего, второе... Его сестра права. Пинчер забыл, как должна выглядеть его жизнь в глазах английского пуританина. Он слишком долго жил в Ирландии.

Весь день он просидел на месте, глядя в пространство перед собой. В начале вечера пришла жена Тайди, принесла ему пирог с мясом. Пинчер рассеянно поблагодарил ее, но не сдвинулся с места. Но потом встал, поднес к тлевшим в камине углям длинную тонкую свечку и зажег с ее помощью большую свечу, которую и поставил на стол перед собой.

И лишь много позже, после того как он долго просидел, грустно глядя на огонек и думая об Уолше и О'Бирне, о своей сестре и ее набожном сыне Барнаби, доктор Пинчер пришел к решению, изменившему весь остаток его жизни. Он теперь знал, что ему делать. Но подготовиться к этому он должен был тщательно и тайно.

Два месяца спустя Орландо Уолш созвал семейный совет в Фингалле.

Были приглашены и его брат Лоуренс, и Уолтер Смит, и Дойл, который, хотя и принадлежал формально к Ирландской церкви, не обладал слишком сильными религиозными чувствами и всегда был верным родственником. Но что удивило остальных гораздо сильнее, так это то, что Орландо пригласил на совет своего друга О'Бирна.

– Я хочу, – объяснил он Лоуренсу, – узнать мнение ирландского джентльмена. А О'Бирну можно доверять.

Ведь предстояло обсудить очень важные дела.

Это было мужское собрание. Жена Орландо, Мэри, как раз уехала навестить свою матушку, О'Бирн и Лоуренс приехали одни. Энн, правда, приехала с Уолтером Смитом, потому что ей приятно было навестить дом своего детства.

– Я буду только рада оставить вас. Обо мне не беспокойтесь. Я найду чем заняться, – весело сказала она брату.

Погода стояла чудесная. Был канун Майского дня.

Когда мужчины собрались в гостиной вокруг дубового стола, Орландо с удовольствием окинул всех взглядом. Уолтер Смит, Дойл и О'Бирн были одеты так, как и положено джентльменам из Дублина: короткие штаны и чулки; сам Орландо надел облегающие штаны. В сель-

ской местности это было в порядке вещей: даже в английском Фингале джентльмены носили смесь английского и ирландского платья, и Орlando, обращаясь к О'Бирну, заметил с улыбкой:

– Да я больше похож на ирландца, чем ты!

Лоуренс был в своей обычной сутане; седеющие волосы добавляли его внешности суровости.

За годы, прошедшие после смерти отца, Орlando научился лучше понимать брата и уважать его соответственно. Когда Орlando решил пойти по стопам отца и выбрал профессию юриста, он учился у одного адвоката в Дублине и быстро выдвинулся. В то время он часто проводил вечера с Лоуренсом в доме иезуитов. И два брата стали как бы двумя сторонами одной и той же семейной монеты: один представлял собой священство, другой – землевладельцев и профессионалов, чья религиозная жизнь всегда являлась сугубо личным делом.

Разница между ними была лишь в одном. Лоуренс по-прежнему оставался более холодным интеллектуалом, чем брат. Его неизменное отвращение к сомнительным реликвиям, священным источникам и всем проявлениям скрытого язычества в традиционном католицизме острова могли бы порадовать пуритан. А Орlando, отчасти из любви к памяти отца, а отчасти из-за собственного характера, продолжал почитать кое-что из всего этого. Как раз той самой зимой он, отправившись в Ратконан к О'Бирну, вместе с другом поскакал в Глендалох и провел целый день в том месте, где стоял древний монастырь, и почти час молился в маленькой хижине святого Кевина. И каждый месяц Орlando обязательно предпринимал маленькое пешее паломничество к колодцу в Портмарноке. И если Лоуренс был полон решимости очистить и усилить Святую церковь, Орlando, более эмоциональный, желал бы вернуть то, что было утрачено, хотя и не смог бы четко выразить свои желания в словах.

И обсудить теперь он хотел как раз жизнь католической общины Ирландии.

Если недавняя женитьба английского короля Карла на французской принцессе казалась благоприятным знаком для ирландских католиков, то в последние недели стали приходить даже более ободряющие новости. И, начиная разговор, Орlando вкратце описал положение дел:

– Все мы знаем, что король Карл нуждается в преданных подданных-католиках в Ирландии. И с момента его брака мы надеялись, что он сделает больше, чтобы проявить свое дружеское отношение к нам. И теперь похоже на то, что он делает первый шаг.

С конца прошедшего года со стороны королевских приближенных подавались намеки ирландским друзьям. Несколько писем, которыми обменялись известные люди Ирландии с некоторыми придворными, питали эти первые семена, а в последние несколько недель все начало приобретать некие очертания.

– Мы должны согласиться с тем, что положение преданных сквайров-католиков в Ирландии должно улучшиться, поскольку король дал понять, пока частным образом, что готов проявить к ним благожелательность. Я так все понимаю. – Орlando окинул взглядом собравшихся.

– Да, так поговаривают в Дублине, – согласился Дойл. – Мы все это слышали, и католики, и приверженцы Ирландской церкви. И также очевидно, что подобные слухи напрямую идут из Лондона. Правительство в Дублинском замке никакого отношения к этому не имеет. Они слышали новости, конечно, но им ненавистна сама идея. Они бы предпочли видеть католиков подавленными, а не ободренными.

– Но им все равно придется выполнять королевскую волю, – напомнил Орlando. – Выбора-то у них нет. Так что новость весьма хороша. – Он улыбнулся О'Бирну. – По крайней мере, для нас, я думаю.

– Да, для старых англичан, – грустно кивнул О'Бирн. – Что же до меня самого, то это еще как посмотреть.

– Думаю, и тебя это коснется, – сказал Орlando. – Если король благоволит к некоторым католикам, он должен благоволить ко всем им. Даже здесь, в Фингале, – добавил он. – Я могу назвать с десяток землевладельцев-католиков ирландской крови – Конраны, Доуды, Кеннеди,

Келли, Мэлони, – и все они джентльмены, как и ты, Бриан. И не вижу причин проводить разницу между ними и мной. Не говоря уже о том факте, что среди простого люда Фингала, от слуг в этом доме до рыбаков и фермеров-арендаторов, четверо из пяти – ирландцы, ты и сам знаешь. И если нам позволят исповедовать нашу религию, то и им тоже.

– Если разрешение верить по-своему уменьшит желание англичан красть наши земли, – сухо произнес О’Бирн, – то мы, без сомнения, должны быть благодарны.

– Ну а мне кажется, – возразил Орландо, – что на этом этапе мы в любом случае должны быть благодарны.

– Возможно, – вступил в разговор до сих пор молчавший Лоуренс. Его руки с длинными пальцами спокойно лежали на столе. Он серьезно оглядел всех. – Но я все же не разделяю вашего оптимизма. Прежде всего вы, похоже, принимаете идею, что новый король благоволит католической вере.

– Но он ведь женился на католичке, – напомнил Орландо.

– Это было политическое решение. Союз с Францией.

– Но он сам вряд ли протестант.

– Ну, по поведению и по характеру он, без сомнения, ближе к нам, чем к своим подданным-протестантам в Англии, – допустил Лоуренс. – Но могу вам сказать: нет никаких свидетельств тому, что он намерен вернуть свою страну или хотя бы свою семью под власть Рима.

Лоуренс немного помолчал, а трое мужчин переглянулись. Все они знали: иезуиты обладают самой лучшей сетью по сбору сведений во всей Европе.

– Тогда во что же он верит? – спросил Орландо.

– Его отец убедил себя, что короли правят по божественному праву, и, похоже, сын перенял эту веру. Король Карл уверен, что не обязан отвечать перед людьми за свои поступки, что он ответствен лишь перед Богом, лично и напрямую, и вообще не должен думать о мудрости, накопленной за века Святой церковью. – Лоуренс скривился. – Подобная уверенность, вы знаете, демонстрирует такую огромную самонадеянность, какой ни один служитель Католической церкви не потерпел бы и минуты. – Иезуит пожал плечами. – Если он продолжает держаться этой глупой веры, то наверняка предпочтет Риму собственную церковь в Англии, он ведь ее глава. Признав главенство Рима, король вынужден будет признать и авторитет папы.

– Но он готов благоволить к католикам.

– В Ирландии – возможно. Но будьте уверены, – Лоуренс побарабанил пальцами по столу, – он потребует кое-чего взамен.

– И что это может быть?

– Деньги, Орландо. Ему нужны деньги. – Лоуренс сложил пальцы домиком, как будто собираясь прочесть небольшую лекцию. – Вспомните недавнюю историю английского двора. Некий красивый молодой человек является ко двору и очаровывает старого короля Якова, который дарует ему куда больше, чем тот заслуживает, и делает его герцогом Бэкингемским. А Карл, вместо того чтобы отослать Бэкингема прочь, еще больше осыпает его милостями. Уже и то плохо, что весь христианский мир раскололся на два воинственных лагеря: католиков и протестантов. Однако Бэкингем, не имея понятия об искусстве управления государством, теперь вовлек Англию в дорогие военные походы, в которых невозможно найти смысл, хоть религиозный, хоть какой-то другой. И уже дважды английский парламент отказался давать королю деньги, если он не избавится от этого никчемного Бэкингема, а Карл, уверенный, что не может ошибаться, никого не слушает. И теперь у него нет денег, и он пытается добыть их любыми способами. Продается все: дворянские звания, торговые привилегии, даже государственные должности. Он даже вынуждает честных английских джентльменов, людей вроде тебя самого, Орландо, ссужать ему деньги, угрожая тюрьмой, если они откажутся. – Лоуренс покачал головой, на его лице было написано отвращение. – Следовательно, мы можем не сомневаться в

том, что если король предлагает помощь ирландским католикам, то лишь потому, что желает взамен получить большие деньги.

Лоуренс договорил, и все какое-то время молчали. Возможно, Лоуренс судил резко, но к его мнению следовало прислушаться.

– Я надеюсь, – наконец заговорил Орландо, – что ты ошибаешься. Но если ты прав, то мы должны использовать этот шанс и извлечь из него как можно больше. – Он показал на лежавшие на столе бумаги. – Как и следовало ожидать от адвоката, я подготовил некоторые предложения.

Предложения, которые теперь начал излагать Орландо, исходили не от него одного. Уже много недель юристы обсуждали между собой новые идеи. По всей Ирландии проходили встречи вроде сегодняшней. И касалось все это не только католиков.

– Это несколько небольших реформ, против которых не стал бы возражать даже доктор Пинчер из Тринити-колледжа, – пояснил Орландо.

Но все же это были меры, которые, пусть скромные каждая сама по себе, в целом могли серьезно изменить жизнь ирландских католиков. Они включали и отмену штрафов за исполнение католических обрядов.

– И снять с юристов-католиков вроде меня запрет на занятие официальных должностей, – сказал Орландо. – Здесь у меня почти тридцать таких предложений. Если мы сумеем добиться принятия хотя бы большей части из них, это могло бы означать конец изоляции католиков на острове.

Началось обсуждение предложений. Пятеро мужчин внимательно изучили их одно за другим. У каждого нашлась какая-то полезная идея. Уолтер Смит проявил практичность и осторожность, рассматривая, как каждая из идей могла бы работать на практике в общении с чиновниками и торговцами в Дублине. Дойл предвидел возражения со стороны Ирландской церкви. Несколько хороших предложений было высказано по вопросу наследования. А последнее предложение развеселило О'Бирна.

– Ты хочешь создать некую милицию?

В прошлом, когда английское правительство желало содержать в Ирландии войска, из Лондона приходилось переводить деньги, чтобы выплачивать им жалованье. Но кое-кто весьма разумно предположил, что старые англичане из Пейла могли бы сберечь немало денег правительства, создав собственную милицию.

– Правительство будет просто сборищем идиотов, если тебе такое позволят! – смеялся О'Бирн. – Ты тогда опять захватишь всю Ирландию!

– Тем больше причин просить об этом, – с улыбкой ответил Орландо и продолжил уже серьезнее: – Но в чем бы мы ни убедили короля теперь, мы должны все же доказать ему, что вполне преданы его власти. И наши главные надежды в будущем покоятся на том, чтобы показать правительству: какие бы права нам ни дали в части нашей религии, мы вовсе не намерены бунтовать или искать помощи за границей. Король должен видеть, что преданным католикам-джентльменам в Ирландии – и тебе в том числе, О'Бирн, и другим вроде тебя – следует доверять. А уж добившись доверия, мы сможем и дальше отстаивать свои права. – Он посмотрел на новые часы, которые с год назад с гордостью установил в углу гостиной. – Почти полдень, – заявил он. – Пора обедать.

Энн наслаждалась утренними часами. Большую их часть она провела в кухне со слугами, которые готовили обед. Старшая из них, Кэтлин, служила в доме со времен детства Энн, и они приветствовали друг друга теплым поцелуем. Энн было приятно слушать, как женщины болтают между собой на фингальском диалекте. Она с удовольствием помогала накрывать на стол и расставлять старые предметы, знакомые ей с давних пор: тяжелую солонку, стоявшую на столе на почетном месте, и медные подсвечники, и оловянные блюда, и серебряные пив-

ные кружки с выгравированным на них фамильным гербом – из них пил отец Энн, а теперь – Орландо. И все в целом, думала Энн, было как будто милым путешествием в прошлое.

К тому же у нее нашлось несколько часов для болтовни, и к полудню Энн уже знала все сплетни обо всех местных семьях. Конечно, и ее собственную семью сплетницы не обошли стороной. А в том, что касалось семьи Уолш, Энн обнаружила лишь один интересный предмет для обсуждения.

– Мы ждем младенца, – сообщила ей Кэтлин. – В этом доме.

Казалось странным и немного огорчительным, что Мэри до сих пор не забеременела. Они с Орландо были женаты уже три года, и Энн знала, как страстно ее брат хочет иметь детей. У Уолшей никогда не было проблем с производством на свет наследников, да и сама Мэри была из большой семьи. И у Энн не было причин подозревать, что ее брат не ведет нормальную семейную жизнь.

– Ее потому и нет сейчас здесь, – доверительно сказала Кэтлин, когда они с Энн оказались в стороне от других женщин. – Всего месяц назад мы с ней тут стояли вместе, и она вдруг повернулась ко мне и спросила: «Почему у меня нет детей, Кэтлин? Ты можешь мне объяснить?» Я не нашлась что ответить. «Видит Бог, это не потому, что я не стараюсь», – сказала она. А потом бедняжка заплакала. Она ничего не объяснила, когда отправилась повидаться со своей матушкой, но можешь быть уверена, они именно об этом говорили, ведь ее мать вырастила десять детей!

Энн подумала, что старая женщина безусловно права. Она и сама жалела Мэри и решила впредь постараться чаще навещать ее. Хотя вряд ли я могу дать ей хороший совет насчет семейной жизни, подумала Энн. И еще она слегка переживала за брата. Он никак не показывал своих чувств, но если его жена так убивалась из-за отсутствия детей, то Энн легко могла вообразить боль, которую втайне испытывал Орландо. И Энн гадала, стоит заговорить с ним об этом или помалкивать, пока он сам не скажет.

Обед, за который все уселись слегка за полдень, был настоящим фингальским пиром. В этих местах было особенно много разных морских деликатесов. Рядом с Мэлахайдом имелось много устричных отмелей, возле Хоута собирали съедобных моллюсков и мидий, а в Клонтарф, чуть южнее, привозили соленую сельдь. В качестве главного блюда подали солонину, говядину и утку с кровяной колбасой, горохом и капустой. Был подан еще один овощ, весьма заинтересовавший О'Бирна, поскольку ирландец никогда прежде такого не пробовал. Это был картофель, новинка из Америки.

– Я засадил им с четверть акра несколько лет назад, – с гордостью сообщил Орландо. Ему нравилось думать о себе как о прогрессивном земледельце. – Никто в Фингале пока такого не пробовал. А урожай с одного акра этой американской картошки больше, чем с любых других посадок.

Было уже половина третьего, когда Уолтер Смит благодушно заметил:

– Если мы после всего этого не отправимся на прогулку, я пойду спать.

– Мы прогуляемся, – заявил Орландо. – К морю.

Энн была рада присоединиться к мужчинам на этой прогулке. Они пошли по тропе, что вела через поля к Портмарноку и морю. Ее радовало то, что вокруг как будто ничего не изменилось: возле дома она видела поля пшеницы и овса, а на открытом пространстве, уходящем вниз, к морю, паслись овцы и коровы.

Орландо и О'Бирн шли впереди, за ними – Лоуренс и Дойл. И хотя на нем была сутана, ее старший брат прихватил с собой охотничье ружье Орландо – великолепное кремневое ружье из Франции, с помощью которого надеялся добыть несколько уток, чтобы увезти их с собой в монастырь иезуитов в Дублине. Энн и Уолтер шли последними. И тихо разговаривали. Уолтер рассказал ей о том, что они обсуждали утром, а Энн сообщила то, что слышала о жене Орландо.

– Как думаешь, я должна поговорить с ним об этом? – спросила она.

– Ты можешь, мне кажется, навести его самого на эту тему, но большего я не стал бы делать, – посоветовал Уолтер. – Впрочем, ты его сестра, тебе, наверное, лучше знать. – Он вздохнул. – Слава Богу, что у нас есть наши милые дети!

– Да, – кивнула Энн. – Слава Богу!

Из уважения к взглядам Лоуренса Орландо не повел всех к святому колодцу в Портмарноке, а направился сразу к песчаным дюнам на берегу. Они шли все вместе вдоль берега в сторону Хоута. День был теплым. Вскоре они увидели какого-то рыбака – он сидел возле маленькой лодки и чинил сети. Когда они остановились, чтобы обменяться с ним несколькими словами, О'Бирн повернулся к Орландо и спросил о маленьком островке, что виднелся над водой перед мысом Бен-Хоут.

– Мы называем его Ирландс-Ай, – ответил Орландо. – Там никто не бывает, кроме рыбаков.

О'Бирн обратился к мужчине у лодки:

– Можешь отвезти меня туда за шиллинг?

Предложение было весьма щедрым, и рыбак с радостью согласился.

– Кто поедет со мной? – О'Бирн повернулся к остальным.

Мужчины энтузиазма не проявили, но Энн улыбнулась:

– Я поеду, если Уолтер не возражает. Я не бывала там с тех пор, как отец возил меня туда в детстве.

Уолтер посмотрел на спокойную воду. Рыбак был седым, но выглядел достаточно сильным, чтобы справиться с любым течением.

– Если хочешь, – спокойно ответил он.

Они легко пересекли неширокий пролив. Энн и О'Бирн сидели на корме, лицом к рыбаку, а тот медленно, но уверенно работал веслами. Когда они миновали отмель, О'Бирн весело заметил:

– Сегодня ведь канун Белтейна?

– Верно, – тихо откликнулся старый рыбак. – Ночью люди выйдут в холмы.

Древний кельтский праздник Майского дня не был забыт. Во многих местах люди по-прежнему поднимались на холмы, чтобы увидеть восход солнца, и Энн даже кое-где слышала, что пастухи до сих пор продолжают в этот день прогонять скот между двумя кострами на древний языческий манер. Она спросила Бриана О'Бирна, слышал ли он о чем-то подобном.

– Я даже видел, как это делают, – ответил тот.

Возможно, из-за его зеленых глаз, напоминавших Энн о ее сыне, или, возможно, потому, что светлые волосы делали его моложе, но было что-то необыкновенно мальчишеское и очень привлекательное в этом ирландском джентльмене.

– Уверена, вы и сами так поступаете в Уиклоу, – мягко поддразнила Энн его.

– Мы в Ратконане вовсе не язычники, – ответил он с улыбкой, хотя Энн отметила, что на самом деле он ничего не отрицал.

– А что до девушек... – продолжила Энн.

Она слышала, что далеко не каждая девственница, проводившая в горах ночь Белтейна, возвращалась, сохранив свою девственность.

– Я не могу отвечать за своих предков, – засмеялся О'Бирн.

Остров приближался. Они уже могли рассмотреть камни на берегу. Энн наслаждалась ощущением теплого воздуха и солнечного света.

Рыбак подвел лодку к маленькому пляжу, усыпанному галькой. Энн поднялась на поросший травой холмик и оттуда помахала через пролив мужу. Тот махнул рукой в ответ. Мужчины, успокоенные тем, что она благополучно добралась до островка, теперь пошли к южной

части прибрежной полосы, где почва была болотистой. Лоуренс наверняка надеялся подстрелить там какую-нибудь дичь. А Энн с О'Бирном стали осматривать островок.

У основания утеса, расколотого почти пополам, Энн увидела, что камни образовали естественное убежище.

– Здесь мог бы жить какой-нибудь отшельник, – сказала она.

Они обошли весь островок и вернулись к рыбаку. Тот прихватил с собой одну из сетей и теперь спокойно продолжал починку. Похоже, он не спешил возвращаться. Энн и О'Бирн прошли еще немного и сели возле одного из каменистых бассейнов. Солнечные лучи играли на воде. Они наблюдали, как по дну ползет краб, и Энн охватило чувство бесконечного покоя, словно она снова вернулась в детство.

– Странно, – немного погодя заговорила она, – странно сидеть рядом с человеком, у которого зеленые глаза моего сына. – И она улыбнулась О'Бирну.

– А Муириш до сих пор не знает о нашем родстве?

– Нет. Его отец не хочет. – Энн протянула руку к воде и окунула в нее пальцы. – Мой муж очень осторожен, – добавила она, чуть заметно пожав плечами.

О'Бирн бросил на нее внимательный взгляд:

– Твой муж разумный человек. Думаю, на его месте я вел бы себя так же. – Он немного помолчал. – Когда первый Муириш сменил свое имя на Смит, он принял это решение ради своих потомков. Они теперь англичане. А что до зеленых глаз, так они время от времени появляются во многих семьях. – О'Бирн хихикнул. – Уверю тебя, твой муж не единственный потомок Шона О'Бирна! Осмелюсь предположить, мы все в Уиклоу так или иначе родня, как старые англичане в Фингале. – Он с удовольствием потянулся. – Наверное, все как-то связаны между собой. И если уж на то пошло, в моих венах течет еще и кровь Уолшей из Каррикмайнса.

– Вот как? – Энн была восхищена. – Вы родня?

– Ну, это было века назад. – О'Бирн засмеялся. – Но это значит, что и ты, и твой муж через О'Бирнов тоже им родня.

– А я и не знала. – Энн долго и задумчиво смотрела на камни, потом вдруг просияла и взглянула на собеседника. – Я связана дальним родством со своим мужем, а теперь еще и с тобой? Вот так подарок!

Почему ей так нравился Бриан О'Бирн? Из-за его глаз? Или он напоминал ей Патрика, потерянного навсегда? Энн не знала.

– А ты можешь меня представить живущей в диких горах Уиклоу? – спросила она.

– О да, – тихо ответил Бриан. – Могу.

Потом он рассказал ей несколько историй об О'Бирнах и О'Тулах в далеком прошлом, о жизни на диких, свободных просторах гор и о сражениях между ирландскими вождями и английскими отрядами Тюдора. Энн многое знала из истории, но ей никогда не приходилось слышать, как это рассказывает ирландец, и она впервые ощутила горы Уиклоу не как угрожающую, опасную территорию, а как некий великий рай, землю древней свободы и святых мест, которые англичане не просто захватили, но и осквернили. И ее это тронуло до глубины души.

Потом Бриан сказал:

– Нам пора возвращаться.

– Да, пора, – ответила Энн.

Но ни один из них не тронулся с места. Времени как будто прошло совсем немного. Наконец Бриан посмотрел на солнце, которое уже начало опускаться к горизонту, встал сам и помог Энн подняться. И они, продолжая говорить, медленно пошли обратно к лодке, где рыбак, починив сеть, спокойно заснул.

Когда они опять пересекли пролив, то нашли только ожидавших их Уолтера и Орландо. И они не улыбались.

– А где Лоуренс и кузен Дойл? – спросила Энн. – Он подстрелил хоть одну утку? Я не слышала выстрелов.

– Они устали вас ждать и пошли домой, – холодно произнес Орlando.

Бриан О’Бирн поспешил извиниться за то, что заставил их ждать.

– Мы вроде недолго там были, – сказала Энн.

Орlando и Уолтер переглянулись.

– Вы провели там два часа, – тихо бросил Орlando.

– Ох, я и не заметила... Нет, не может быть! Там время идет по-другому, – беспечно ответила Энн. – Бриан рассказывал мне о горах Уиклоу.

– Там есть убежище, в каком мог бы жить сам святой Кевин, – поспешил добавить О’Бирн. И повернулся к Уолтеру. – Я как-то раз возил Орlando в Глендалох, ты знаешь. И он там молился почти час в хижине святого Кевина.

– Пойдем-ка вместе, Бриан, – сказал Орlando, как только О’Бирн рассчитался с рыбаком. – Энн и Уолтеру лучше остаться вдвоем.

По дороге домой Энн взяла Уолтера за руку и нежно ее сжала.

– Я совсем не заметила, что прошло так много времени, – сказала она. – Я думала, вы ищите уток в болоте.

– Мы искали, – кивнул Уолтер.

– Знаешь, мне бы хотелось, чтобы мы все вместе как-нибудь съездили в Ратконан, – предложила Энн.

Однако Уолтер не ответил.

Солнечным воскресным утром в июне 1627 года доктор Симеон Пинчер направлялся из Тринити-колледжа в собор Христа. Для доктора было обычным делом шагать спокойно и целенаправленно, однако сегодня он вышагивал как какой-нибудь герой древности, Гектор или Ахиллес, собравшийся на битву. И ведь действительно, он намеревался вступить в величайшее сражение своей жизни, из которого, доктор не сомневался, должен выйти победителем.

Потому что сегодня доктор Пинчер намеревался одним дерзким шагом превратиться в главу – по крайней мере, в духовного главу – всей протестантской общины Дублина, а возможно, и всей Ирландии.

Через восточные ворота доктор вышел на Дейм-стрит и с одобрением отметил, что большой колокол собора Христа уже начал звонить.

– Я буду звонить лишних десять минут, ваша честь, ради вас, – пообещал ему Тайди накануне. – Это будет великий день. День вашей проповеди, сэр.

Пинчер напомнил себе, что должен вручить Тайди шиллинг за его любезность. А может, и два.

Но если Пинчер собирался на великую битву, то он, как хороший полководец, заранее готовился к ней самым тщательным образом. Во-первых, он точно рассчитал время. Уже в течение нескольких месяцев старшины Ирландской церкви отмечали растущие надежды католиков на некую поддержку со стороны короля, а в последние недели, когда люди вроде Орlando Уолша изложили свои предложения, опасения в протестантских кругах превратились в настоящую панику. Что-то нужно было предпринять, с этим соглашались все.

Во-вторых, Пинчер тщательно выбрал место сражения. Он не собирался вторгаться на неведомую территорию. Плацдарм был уже подготовлен, когда в апреле не кто иной, как бескомпромиссный епископ из Нью-Хэмпшира приехал в Дублин и прочел весьма злую и жесткую проповедь о греховной терпимости к католицизму. «Терпеть католиков, – решительно заявил он, – значит бесчестить Господа».

Проповедь восприняли с восторгом, но никаких практических шагов за этим не последовало. Пинчер, впрочем, убедился, что его войска вполне готовы, а союзники стоят на своих

местах. И уже в течение месяца он вел разговоры с друзьями в Тринити-колледже и с сочувствующими чиновниками в Дублинском замке. Сам представитель короля был на этой неделе в отъезде, но многие из его служащих должны были присутствовать на проповеди, и в целом должно было собраться много тех, кто поддерживал доктора. До людей вроде Дойла также дошел слух, что этим утром в соборе Христа должно было произойти нечто особенное, потому что для достижения нужного эффекта Пинчер нуждался в большой и разнообразной аудитории.

Когда он подошел к огороженной территории собора, то с удовольствием увидел, что немало олддерменов-католиков – тех самых, кто обычно пьянствовал по соседству во время проповедей, – из любопытства собрались перед входом. К концу проповеди многие из них станут его смертельными врагами. Вот и хорошо. Пинчер именно того и хотел. Он желал стать тем, кого они ненавидели. Это и сделает его духовным наставником и вождем.

Армия протестантов ждала, чтобы ее повели вперед. И если сестра доктора в Англии до сих пор в нем сомневалась, если даже он сам раз-другой усомнился в себе, то сегодняшние действия навсегда избавят его от сомнений. Именно это и было предопределенной для него ролью, той, ради которой Господь заставил его ждать. Он был предназначен не просто для того, чтобы стать одним из избранных, а для того, чтобы вести их.

И все же немного позже, когда Пинчер занял свое место, он и сам был удивлен успехом своей подготовительной работы. Собор был набит битком. Это было одно из величайших собраний, какие только ему приходилось видеть. Пришли все: от преданных душ вроде жены Тайди и его друзей из колледжа, от постоянных прихожан Ирландской церкви вроде Дойла до самых отъявленных католиков вроде торговца Уолтера Смита и его супруги. Дублинский замок также был представлен, как на то и надеялся Пинчер. Разработанный им план сработал. Они все пришли, чтобы услышать его.

Утренняя служба в соборе Христа была прекрасной, хор великолепным. Что до нового современного органа, который установили всего десять лет назад, то регент и органист наняли дополнительных музыкантов, чтобы обогатить звучание. Сегодня играли скрипки, свирели и корнеты. Пинчер не слишком одобрял все эти дополнительные украшения, считая их чересчур пышными и помпезными для протестантской службы, но во всем остальном собор Христа выглядел достойно. Стол для причастия, простой и гладкий, скромно стоял на своем месте. Свечей и украшений было немного. Без сомнения, главным сегодня был не хор, не алтарь, даже не собравшиеся, хотя они и были весьма важны. Главным в протестантской церкви была кафедра проповедника. Это католики могут приходить в церковь, чтобы насладиться мерцанием свечей и телом Христовым, чудом и таинством, а пресвитерианцы приходят затем, чтобы услышать проповедь.

И они ее получают. Когда подошло время, Пинчер встал со своего места и поднялся по ступенькам на кафедру. Лицо его было бледным, одежда черной как чернила. Все замерли в ожидании, и Пинчер обвел взглядом толпу. При этом он широко раскинул руки, словно карающий ангел, а потом хлопнул по кафедре перед собой и, наклонившись в сторону собравшихся, как будто они вдруг стали его добычей, воскликнул ужасным голосом:

– Не мир пришел Я принести, но меч!²

Слова Господа. Десятая глава Евангелия от Матфея. Самые устрашающие слова Спасителя. Собравшиеся разом вздрогнули.

Проповеди в век Стюартов производили сильное впечатление. Это были мощно выстроенные тексты, подобные огромному зданию. Сначала шел фундамент – библейский текст. Затем, словно многочисленные колонны и арки, трансепты и капеллы, шли соответственные тексты, вполне понятные намеки и вспомогательные темы, потому что пастве нравилось

² Евангелие от Матфея, 10: 34.

видеть ученых проповедников. И все это торжественно излагалось и повторялось, приумножалось, надстраивалось одно над другим, сопровождаясь крепким великолепием протестантской прозы. И в результате проповедь выстраивалась в риторический храм – настолько огромный, сложный и гулкий, что к концу можно было лишь гадать: а предполагали ли сами авторы священных текстов, что можно соорудить из их простых и скромных слов?

Почему, вопрошал Пинчер своих слушателей, почему же наш Спаситель пришел не для того, чтобы принести мир? Потому что это было невозможно: одно лишь то, что сам Он был добр и свят – тут следовало несколько грамотных аллюзий, – Он не мог этого сделать. Но разве не все возможно для Господа? Все, кроме одного, потому что Он сам это установил. И это единственное – то, что Он назвал грехом. Мы знаем грех. Пинчер сурово оглядел слушателей. Они знали грех. Человечество познало грех с самого начала, с тех пор, как змий – тут снова последовало несколько ссылок и упоминаний о принце Тьмы, – с тех пор, как змий обманул Еву, а она соблазнила Адама.

– С того момента, как человек впервые проявил непослушание и принес в мир смерть благодаря плодам запретного дерева! – воскликнул Пинчер. – С тех пор мы не знаем мира!

Мир придет только в конце света, когда дьявол будет наконец повержен Спасителем. Грех будет уничтожен. И нет другого способа одолеть дьявола, кроме как повергнуть его.

– Не мир пришел Я принести, но меч!

Человек пал, продолжил Пинчер, рай был утрачен. И мы, подобно Адаму, блуждаем по земле, где дьявол расставляет ловушки и соблазны для нас и растит запретные деревья на каждом повороте. Съешь их плоды – и попадешь в вечный адский огонь, и не будет у тебя надежды на спасение. Господь предупреждал Адама, чтобы тот не ел плодов запретного дерева, но мы продолжаем чаще падать в бездну, чем избегать ее, ведь дьявол подсовывает нам запретные деревья под видом хороших.

– Змий умен и хитер! – сообщил Пинчер. – Он говорит нежно и мягко.

Он использует Еву, вечную соблазнительницу. Она предлагает нам некий фрукт, прекрасный снаружи, но гнилой внутри. Как же нам узнать соблазнительницу и фрукт в их истинном виде? Он им объяснит, заявил Пинчер. Дерево познается по его плодам – вот что следует всегда помнить.

На этом он сделал паузу и снова окинул слушателей грозным взглядом.

– И есть в мире некое дерево, – громко продолжил он, – чьи плоды нам известны!

Суеверия, идолопоклонничество, богохульство, лицемерие: о каком дереве он говорит? Но что еще это может быть, если не Римская церковь, которая порождает подобные плоды?

– Римская церковь – размалеванная шлюха, со всеми ее благовониями и картинками, с ее литургиями и шествиями! – воскликнул Пинчер. – Бойтесь, говорю вам, бойтесь папистской Евы, шлюхи, Иезавель! Отверните от нее лица свои! Сразите ее! Не мир пришел Я принести, но меч!

Слушатели при этом дружно вздохнули. Основные мысли проповеди были им вполне знакомы, но слышать вот такое злобное и враждебное нападение в присутствии столь многих джентльменов католиков Дублина – это уже было нечто большее, чем просто проповедь. Это было объявление войны. Пинчер, однако, чувствовал себя на волне и неумолимо перешел к следующей теме.

Меч, напомнил он слушателям, – это оружие, которое четко все разделяет. Добро отделяется от зла, и это деление абсолютно. И пусть все понимают, почти кричал он, пусть они не верят, что кто-то из людей может служить двум господам! Те, кто идет на компромисс со злом – тут Пинчер сделал страшные глаза, – те, кто не отказывается от зла, будут отделены мечом от всего доброго. Они будут прокляты. Прокляты окончательно, прокляты навеки. И прямо здесь есть – тут Пинчер позволил себе обвиняюще посмотреть на некоторых, – есть кое-кто,

кто стремится к компромиссу и кто имеет дьявола среди своих друзей. И что же он хочет этим сказать, риторически спросил Пинчер. Есть ли у него примеры?

И вот настал тот момент, к которому доктор так долго готовился.

Да, примеры у него есть.

Список грешников был длинным. И, кроме самых ярых сторонников доктора, во всем собрании едва ли нашелся бы человек, которого он не проклял бы. Он страстно перечислял. Грешники – это те, кто терпит, чтобы иезуиты открыто жили рядом с кафедральным собором; это те, кто поддерживает папистских священников в часовнях и в частных домах, а то и вовсе в городских церквях. Церковные земли сданы в аренду или субаренду католикам, которые содержат там папистов. Это бунтари, не платящие штрафов. Весь тот образ жизни, который позволял терпеть религиозные различия в Ирландии, был безжалостно выставлен доктором напоказ и проклят.

– Господь наш обещал, что кроткие наследуют землю! – грохотал он. – Но в Ирландии вместо того ее унаследовали предатели!

Собравшиеся все отлично поняли. Потрясенное молчание как будто накрыло всех гигантской волной. Но Пинчер и к этому был готов. И с губ двадцати или тридцати истинных протестантов в ответ за его восклицанием также сорвалось: «Аминь!»

– Раскайтесь! – закричал доктор.

Какой же будет судьба Дублина, требовательно спросил доктор, если они не станут следовать протестантской вере? Разве не предсказал сам Господь судьбу городов, которые слышали Его слово, но не раскались? Да, это сказано в Евангелии от Матфея! Кто терпит Содом и Гоморру, тот в Судный день окажется где?

– Аминь... – откликнулись голоса.

– Не мир пришел Я принести, но меч! – Доктор сделал очередную паузу и, к удивлению слушателей, посмотрел на них благосклонно. – Но праведный путь труден.

Что, если католик, возможно, является вашим соседом, человеком, рядом с которым вы выросли, к которому привыкли, с которым связаны в повседневной жизни, которого даже любите? Что тогда делать? Мы должны проповедовать истинную веру. Ничего плохого в том нет. Мы можем убеждать нашего соседа, уговаривать его раскаяться и отречься от глупого пути. Мы можем молиться за него. Мы должны молиться за него! Но если после всего этого он продолжает упорствовать в грехе, как бы мы ни старались, мы должны тогда проявить суровость, мы должны отвернуться от него, чтобы не запятнать самих себя. Мы должны даже сразить его. Что говорил наш Господь?

«Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя... И если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну»³.

– Так что беритесь за мечи, истинные христиане! – восклицал Пинчер все громче и громче. – И отрубайте все то, что ведет вас дорогой ада!

– Аминь... – ответили ему.

Но теперь собрание явно взволновалось. Большинство слушателей сидели в потрясенном молчании. Некоторые начали переговариваться, одни с одобрением, другие – нет. И что касается последних, то тут явно ощущалось их настроение: они полагали, что дело зашло слишком далеко и пора с этим кончать.

Однако, если они думали, будто Пинчер уже все сказал, они ошибались.

Теперь он, понизив голос в прелюдии к точке кульминации, наклонился вперед почти доверительно. Мы не должны предполагать, напомнил он слушателям, что дьявол дремлет.

³ Евангелие от Матфея, 5: 29–30.

Он постоянно строит свои козни, и не только для того, чтобы спасти от гибели свою империю, но и для того, чтобы взять власть над миром. Даже теперь – голос Пинчера начал постепенно повышаться, – даже теперь слуги римской шлюхи строят свои заговоры, чтобы подорвать веру протестантов, чтобы восстановить власть папы римского, который есть Антихрист, и погубить благочестивых жителей Ирландии. И эти слуги римской шлюхи пытаются свратить даже самого короля, изменить божественные законы. И если позволить им преуспеть, то вскоре сами протестанты окажутся растоптанными. Растоптанными и поверженными католическими ирландскими ордами – ирландскими полчищами, которые, подчеркнул доктор, поведут те самые люди, которых вы сейчас называете соседями и друзьями. Неужели его слушатели допустят, чтобы такое произошло?

– Позволите ли вы, – восклицал Пинчер, – чтобы вас превратили в гниющий труп согласия и покорности, труп, который лениво дремлет, пока дьявол трудится, а благочестие уничтожается?! Или вы, как солдаты Христовы, восстанете, наденете латы и пристегнете к поясам мечи?

Ведь если они этого не сделают, предостерегал Пинчер, то им придется пожинать плоды своей лени. Они рискуют оказаться в вечном огне. Бог видит все, кричал Пинчер все громче и громче. Господь их испытывает! Неужели они поддадутся соблазну, откажутся от права первородства и позволят католической шлюхе погубить их бессмертную душу, ведь она прямо сейчас соблазняет короля сделать то, чего он делать не должен! Или они поднимут крест и меч Христовы и ударят по католической шлюхе?

– Ударьте! – кричал доктор. – Поразите шлюху!

– Аминь... – послышалось в ответ.

– Поразите Иезавель!

– Аминь. Аминь.

– Я принес не мир! – в последний раз выкрикнул доктор, и его голос разнесся по всему собору. – Я принес меч!

– Аминь. Аминь. Аминь.

И доктор Симеон Пинчер, раскинув черные руки, воспарил над кафедрой, как ворон.

По окончании службы он не присоединился к толпе, собравшейся перед собором. Он был слишком горд и слишком мудр для этого, а потому осторожно вышел через другую дверь и быстро зашагал по Дейм-стрит к своему жилищу.

А за его спиной царило смятение. Пуритане, поддержавшие Пинчера, ликовали. Проповедь, соглашались они, превзошла даже обличительную речь епископа из Нью-Хэмпшира. А ведь Пинчер был своим, местным. И раз уж теперь у них есть такой оратор, говорили они, папистам придется туго.

А католики, естественно, были в ужасе. В особенности их волновали два вопроса. Говорил Пинчер лишь от своего имени (и от имени своих друзей) или за ним стояли другие, более могущественные? И не было ли это сигналом того, что король, вместо того чтобы помогать католикам, передумал и готов был обрушиться на них?

Но многие – отчасти католики, отчасти члены Ирландской церкви – имели иное мнение. Они не разделяли презрение Пинчера к компромиссу, и их встревожило то, что его нападение может ухудшить политическую ситуацию, и без того уже напряженную. В особенности был расстроен Уолтер Смит, и его очень удивило, что, когда он встретился снаружи с Дойлом, торговец, принадлежавший к Ирландской церкви и определенно веривший в компромисс, говорил обо всем весьма спокойно.

– И что нам теперь делать? – взволнованно спросил Смит.

– Делать? – Дойл насмешливо посмотрел на него. – Да ничего не делать. Пинчер только что уничтожил самого себя.

– Как это? В Дублинском замке и в Лондоне найдется много таких, кто согласится с каждым его словом.

– Без сомнения. Но все равно он себя уничтожил. – Дойл мрачно улыбнулся. – Ты явно слушал недостаточно внимательно, – негромко продолжил он. – Да, его проповедь звучала устрашающе. Но он совершил одну фатальную ошибку.

Холодным январским днем 1628 года из Дублина отправилась на корабле делегация в Лондон. Она состояла из восьми членов общины старых англичан и троих протестантов-поселенцев. Орландо Уолш в делегацию не вошел, хотя его имя рассматривалось, но там оказался его кузен Дойл.

Целью делегации было договориться о соглашении с английским Тайным советом. В течение лета и осени предложения, которые Орландо обсуждал с родственниками весной, наконец-то прошли еще через множество рук и превратились в двадцать шесть пунктов «Вопросов милости и щедрости к Ирландии», которые должны были быть представлены королю.

В момент их отъезда ситуация в Дублине не слишком изменилась после проповеди Пинчера. Доктор теперь вышагивал по Дублину как человек, отмеченный судьбой. Для многих протестантов он был героем. Для большинства католиков он превратился в объект ненависти. Люди вроде Уолша и Дойла смотрели на него с презрением: это был образованный человек, превратившийся в примитивного демагога и подстрекателя. А небогатые католики, когда он проходил мимо, следили за ним с нескрываемой угрозой во взглядах. Доктор наслаждался всем этим. Он никогда прежде не получал такой славы.

Но больше всего радовало Пинчера чувство, что теперь его жизнь обрела смысл. Для человека важно знать, что он прав, но еще важнее знать, что он борется за правое дело и весь Дублин, вся Ирландия это знают. Даже его сестра теперь это знала, поскольку Пинчер отослал ей полный отчет обо всем прямо на следующий день после той проповеди. И если она до сих пор не ответила письмом со словами одобрения, то Пинчер ждал такого письма со дня на день.

Однако пока власти из Дублинского замка не предпринимали никаких действий. Все ждали результата экспедиции в Лондон.

В Англии был созван новый парламент, и король с его советниками были слишком заняты, пытаясь выбить из упрямых членов парламента разрешение на новые налоги. Дойл неплохо знал характер англичан, а потому достаточно легко добился встречи с джентльменами, которых собрали в парламент со всей страны. Некоторые из них были солидными землевладельцами или профессионалами вроде его кузена Уолша. Да, они были протестантами, но лишь малая их часть действительно выглядела глубоко религиозными людьми. Но все они, похоже, сильно боялись католиков, опасаясь, что те могут принести в Англию инквизицию. И почти все они искренне верили в то, что коренные ирландцы мало чем отличаются от диких зверей. Дойл считал их страх перед католиками избыточным, а их мнение об ирландцах смехотворным. А вот их политические опасения – это было совсем другое дело. Они злились из-за того, что безответственный фаворит короля Бэкингем втянул страну в бессмысленные войны; они боялись, что король Карл, с его открытым неуважением к парламенту и с его незаконными методами добывания денег, намеренно пытается подорвать английские свободы. И в этом, решил дублинский торговец, он с ними вполне соглашался.

Однако в разговоре с некоторыми парламентариями, а в особенности с городскими торговцами Дойл столкнулся с куда более резкими высказываниями. Все эти пуритане и пресвитерианцы, все эти мрачно одетые мужчины смотрели на мир с суровым неодобрением. Они напоминали ему доктора Пинчера, только их было много. Как-то раз, когда он случайно упомянул о том, что собирается посмотреть представление, один пуританский торговец совершенно серьезно спросил его, не опасается ли он за свою бессмертную душу.

– Театры – это для ленивых и развращенных! – воскликнул лондонец. – Их все нужно закрыть.

Дойл объяснил, что пьеса на свой лад очень полезна.

– Это написано Шекспиром. Ты и его бы запретил? – спросил он.

– Его в особенности! – ответил собеседник.

С такими людьми Дойл просто не мог найти ничего общего.

– Они ненавидят короля не столько за тиранию, – объяснил Дойлу один его друг, – сколько за то, что он не пуританин. И их число растет. – Тут друг Дойла улыбнулся. – Если ваша миссия здесь удастся, король Карл завоюет в Ирландии больше друзей, чем в Англии.

И это замечание Дойл крепко запомнил.

Шли недели. Король Карл и его парламент продолжали каждый стоять на своем, и Дойлу стало казаться, что Тайный совет проявляет все больше интереса к тому, чтобы договориться с ирландской делегацией. Обычно они встречались в зале старого Вестминстерского дворца или рядом с королевским дворцом в Уайтхолле. Часто после этого ирландская делегация в полном составе обедала в ближайшей таверне. Дойл, будучи членом Ирландской церкви, а также и тем, кто оказывал поддержку католикам, заметил, что к нему прислушиваются со все растущим уважением. Как-то раз в конце марта, когда Дойл только что вышел из зала, где шло обсуждение, его отвел в сторонку один из английских советников, пожилой джентльмен с седой бородой, – для разговора наедине. В тот вечер, собрав всю делегацию в своих комнатах в гостинице, Дойл подвел итоги встреч:

– Королю хотелось бы сделать для вас все, что он может. Но тут есть две проблемы. Первая – сила партии пуритан в его королевстве. Вторая – суммы налогов в Ирландии должны быть увеличены для всех, включая и протестантов в колониях. Он не может дать католикам все то, чего они хотят, но сделает все возможное, чтобы им помочь.

– И что именно? – спросил самый молодой член делегации.

– Он не может и не хочет позволить Ирландии иметь свою милицию. Парламентарии здесь, в Англии, усмотрят в этом угрозу – католическую армию, которую можно направить против них. Так они это видят. И я из собственных наблюдений могу подтвердить, что это действительно так. И тем не менее, – продолжил он, – король готов позволить вам, католикам, носить оружие. Он, если хотите, признает вашу преданность, а это важно.

– А что насчет штрафов за неподчинение и клятвы верности? – спросил другой джентльмен-католик.

– Клятва остается для тех, кто ищет государственных должностей. Протестанты иного не потерпят. Что до штрафов, он не посмеет официально от них отказаться, по крайней мере в настоящее время. Но он даст вам личное заверение, что требовать их выплаты не станут. И более того, король готов обещать, что католических священников не будут тревожить, пока они ведут себя благоразумно. Другими словами, он готов оставить нынешнее положение вещей и не поддастся требованиям таких, как Пинчер.

– Мы надеялись на нечто большее.

– Кое-что предложено. Вопрос наследования и угроза того, что наследники должны приносить клятву верности. Если ваша семья владеет землей шестьдесят лет, то этой неприятности можно будет избежать.

Это могло помочь очень многим семьям старых англичан; даже ирландцы вроде О'Бирнов в Ратконане, с удовлетворением отметил Дойл, могли отныне и навсегда чувствовать себя в безопасности при новых правилах.

– По крайней мере, это шаг в правильном направлении, – согласился джентльмен, задавший вопрос о клятве.

– Но есть и еще кое-что, – продолжил Дойл. – И это вопрос денег. – Он немного помолчал. – Они не станут их требовать. Но надеются, что мы можем сами предложить.

– И на какую сумму они надеются? Что именно мы можем предложить?

– Сорок тысяч фунтов.

– Сорок?.. – Это был общий глубокий вздох.

– Каждые три года, с уплатой по четвертям года. Со всей Ирландии, конечно, включая протестантских поселенцев и так далее.

– Это очень большие деньги, – заметил джентльмен-католик.

– Король, – сухо сообщил Дойл, – очень нуждается в деньгах.

На следующее утро Дойл написал Уолтеру Смиту и своему кузену Уолшу, спрашивая их совета насчет того, как можно собрать такие суммы. Но прошло три недели, прежде чем он получил от них ответ: они думают, это можно сделать.

Было начало мая, когда все тот же старый советник снова отвел Дойла в сторонку и попросил прийти на частную встречу с некоторыми его друзьями на следующий день. Естественно, Дойл согласился и наутро встретился со старым джентльменом у небольшого памятника на Чаринг-Кросс, к северу от Уайтхолла. Они вместе пошли на юг, к Вестминстеру, и Дойл был весьма удивлен, когда его спутник вдруг повернул к двери дворца Уайтхолл.

– Сюда, – сказал он, предлагая Дойлу войти в коридор.

В конце коридора находилась внушительная дверь, охраняемая двумя солдатами. Едва завидев подходивших, они распахнули ее.

И через мгновение торговец из Дублина оказался лицом к лицу с королем.

Да, это действительно был Карл, король Англии, ошибиться было невозможно. Дойл видел достаточно его портретов: длинные волосы, аккуратная остроконечная бородка и глаза Стюартов, очень красивые и немного грустные. Но кое-чего из портретов понять было невозможно.

Этот мужчина был крошечным. Великолепно одетым, в дорогом дублете с кружевным воротником... но крошечным. И тут Дойл вспомнил, как однажды встретился в таверне с художником, который ему пожаловался:

– Они хотят, чтобы я написал такой портрет короля, где тот выглядел бы героически. А я им сказал, что для этого мне придется посадить его на коня.

Даже в туфлях на высоком каблуке, что были нынче в моде при дворе, король едва доставал макушкой до груди дублинского мужчины. Но если Дойла удивило сложение короля, то не меньше его изумили и руки Карла. Они были необычными: очень изящными, с самыми длинными пальцами, какие только видел в своей жизни торговец. И кто бы мог вообразить, подумал Дойл, что вот этот элегантный, слегка похожий на паучка человек совсем недавно заявил парламенту, причем весьма недвусмысленно, что их единственная цель – делать то, чего хочет он, а если они решат спорить, то он просто отошлет их всех по домам. Вскоре Дойл обнаружил еще одну черту в странной личности короля: в частных разговорах король Карл всегда был очень вежлив.

Пожилой англичанин, представив Дойла монарху и подождав, пока Дойл не отвесит поклон, отступил назад, оставив Дойла в одиночестве стоять перед королем. А король Карл с легкой улыбкой любезно поблагодарил дублинца за терпение и помощь во время долгих переговоров.

– Я слышал много докладов о твоём поведении, мастер Дойл, – тихо произнес король. – И знаю, что ты человек вполне благонадежный и судишь обо всем с мудростью.

– Благодарю, ваше величество. – Дойл снова поклонился.

– Ты уверен, мастер Дойл, что возможно примирение с ирландскими католиками?

– Да, – честно ответил Дойл. – У меня много родственников-католиков, ваше величество, и я связан с ними тесными узами, а потому знаю: они преданы вам, а их семьи были верны британской короне вот уже более четырех веков. Такие люди – настоящие, преданные друзья вашего величества.

– Мне это известно, – сказал король с задумчивым кивком, – и в скором времени, уверяю тебя, я буду рассчитывать на их дружбу. Мне бы хотелось сделать для них больше уже сейчас, но в Англии есть джентльмены пуританских убеждений, которые вовсе не так благосклонно на все смотрят и которые создают трудности на этом пути.

Теперь король посмотрел туда, где стоял пожилой спутник Дойла. Это было сигналом к тому, что разговор закончен.

Но Дойл осознал, что, прежде чем расстаться с монархом, он должен сделать еще кое-что. Такой возможности он искал с прошлого лета. Раз или два в Дублине он поднимал эту тему, но успеха не добился. И теперь, понимал Дойл, ему подвернулся такой шанс, о каком он и мечтать не мог.

– Некоторые пуритане испытывают преданность многих живущих в Дублине, – сказал Дойл и весьма умно добавил: – А в связи с этим затрудняется сбор денег. И эти пуритане, я думаю, просто не могут быть друзьями вашего величества.

Взгляд короля мгновенно вернулся к торговцу.

– Как это?

– Я говорю о тех, кто открыто проповедует против правительства вашего величества и даже против тех, кто стоит ближе всего к вам. И они возбуждают разлад в народе, – мрачно пояснил Дойл, – с которым даже самые умные из нас не в силах справиться.

– Прошу, продолжай.

Торговцу понадобилось совсем немного времени, чтобы дать подробный отчет о проповеди Пинчера. Представленная им позиция, подчеркнул Дойл, делает невозможным не только мирное сосуществование со старыми англичанами. Этот злобный и опасный пуританизм стоит также весьма далеко от скромной Ирландской церкви, к которой принадлежит сам Дойл. Действительно ли король желал именно этого, уважительно спросил Дойл.

Король внимательно и серьезно выслушал его.

– Нет, наша воля не такова, мастер Дойл, – ответил он. – И это следует прояснить. Но, боюсь, в Дублине много таких, кто поддерживает подобные мнения.

– Такие есть, ваше величество. Но куда больше таких, кто не пойдет туда, куда ведет доктор Пинчер. – Дойл помолчал, а король задумчиво кивнул. Теперь Дойл был готов к завершающему ходу. Он сделал вид, что колеблется, а потом нанес удар. – И это ведь нападение не только на Церковь вашего величества и правительство, что я и само по себе нахожу бунтарским... но главное – слова, задевающие личность королевы...

Брови короля взлетели вверх.

– Королевы?

Дойл выглядел чрезвычайно смущенным. Дело в том, наконец пояснил он, что Пинчер постоянно упоминает о Католической церкви и королеве в самых оскорбительных выражениях: католическая шлюха, блудница, Иезавель. И твердит, что эту шлюху необходимо свергнуть.

– Возможно, на самом деле он ничего такого не имел в виду, ваше величество, но мне не нравятся такие слова о королеве. – (Последовало краткое пугающее молчание.) – Но может быть, – продолжил Дойл откровенно неискренним тоном, – что я просто неверно его понял. Однако люди поняли именно так.

Говорил ли действительно Пинчер о свержении королевы в своей проповеди? Нет, так Дойл не думал. Но подтекст, не слишком скрытый второй смысл? Да, возможно. Может, Пинчер и не называл королеву шлюхой напрямую, но он уж точно выражал отвращение к ее католицизму, бесился из-за ее брака с королем Англии и видел в ней посланницу зла. Подстрекал ли он слушателей убить ее? Конечно нет. Но такой вывод вполне можно было сделать из его слов. И когда королевский советник принялся расспрашивать Дойла о той проповеди и о точных словах проповедника, Дойл уже не сомневался в том, что думает король Карл.

В тот вечер он написал с некоторым удовлетворением своему кузену Орландо Уолшу:
«Думаю, с доктором Пинчером покончено».

СВЯТОЙ ИСТОЧНИК

1637 год

Отец Лоуренс Уолш любил бывать в компании брата и сестры. Он также любил осень, а в это воскресное утро на знакомую дорогу к замку Мэлахайд падали золотые листья.

Орландо взял с собой жену Мэри, а Энн и Уолтер Смит – сына Мориса.

Когда они добрались до небольшого замка Толботов, то увидели собравшихся снаружи людей. Здесь были домашние слуги, жители деревни рядом с Мэлахайдом и даже фермеры из более дальних мест; приехали и две семьи местных джентри. Представители семьи Толбот приветствовали вновь прибывших, а когда увидели Лоуренса, то спросили, не желает ли он помочь священнику, который уже готовился к службе. Но Лоуренс дал понять, что был бы рад побыть со своими родными, если он не слишком нужен священнику.

Наконец все вошли в дом и из маленького холла тихо поднялись по лестнице в большое помещение, известное как Дубовая комната. По воскресеньям эта комната служила часовней для местной общины. Отец Лука, пожилой священник, выглядевший теперь более худым и согнутым, чем когда Лоуренс видел его в последний раз, приветствовал иезуита улыбкой. Запах благовоний наполнял комнату. И хотя через окно лился свет, свечи на боковых столиках заставляли мягко сиять темные деревянные панели. Но самым главным в комнате была большая дубовая панель над очагом, перед которой стоял небольшой алтарь. На этой панели была вырезана изумительная картина «Успение Богородицы».

Лоуренс посмотрел на нее с нежностью. Картина находилась здесь с тех пор, как он вообще это помнил, а он приходил на воскресную мессу в замок Мэлахайд с самого детства. Как только все собрались и на несколько мгновений опустили на колени для молчаливой молитвы, старый священник начал службу.

Что именно, гадал Лоуренс, делало эти мессы настолько особенными? Он ведь не раз присутствовал на мессах в городе, и они были прекрасны. И его вера никогда не была сильнее. Но было нечто иное в таких вот собраниях в деревенских жилищах, некая интимность и теплота, в которых, был уверен Лоуренс, чистое пламя веры разгоралось необычайно ярко. Сама по себе природа мессы была, конечно, сокровенной и глубокой. Но то, что служба шла в доме семьи Толбот, делало ее отличной от городских. Суть, похоже, была в том, что, как и самые ранние христиане, люди были вынуждены встречаться тайно... И может быть, размышлял Лоуренс, само это преследование было чем-то вроде благословения. Потому что здесь, в Дубовой комнате замка Мэлахайд, он всегда ощущал прямую связь с самыми ранними временами Всеобщей церкви.

Лоуренс посмотрел на Орландо и его жену, погруженных в молитву, и на Энн – ее глаза немного потемнели и провалились в последнее время, – и на ее солидного седовласого мужа Уолтера... и поблагодарил Господа за их набожность. Даже молодой Морис, которому исполнилось уже восемнадцать, хотя и не проявлял особого религиозного рвения, каким была отмечена жизнь самого иезуита и Орландо в таком же возрасте, явно был охвачен атмосферой, в которой вырос, и испытывал благодарность к благочестию семьи.

Месса продолжалась. *Agnus dei... Ora pro nobis...* Мягкая латынь литургии текла плавно, латинские слова приносили утешение людям по всему западному христианскому миру, они давали им опору в жизни уже более тысячелетия... И наконец свершилось чудо мессы. Да, думал Лоуренс, Римская церковь воистину Церковь вселенская, ее столпы – это моральные предписания, ее своды дают убежище каждой христианской семье. Оказавшись в нем, никто не

видит разумных причин уйти. И когда Лоуренс в конце службы поднялся с колен, его охватило огромное чувство покоя.

Пришедшие на службу не сразу покинули Дубовую комнату. Отец Лука обошел их, для каждого найдя несколько слов. Старый священник был рад увидеть Энн, не появлявшуюся здесь довольно долго, и узнать, что этим летом последняя из ее дочерей также вышла замуж.

– Значит, остается лишь этот юноша, – сказал священник, подмигнув Морису. – Но ему пока незачем думать о таких вещах.

Орландо и Мэри он приветствовал особенно тепло. И ясно было, что старик испытывает к ним особые чувства.

У них до сих пор не было детей. Хотя Лоуренс прекрасно понимал, что не следует испытывать Божественное провидение, тем не менее он тоже расстраивался и недоумевал, почему Господь не благословил его брата с женой ребенком. Поначалу Лоуренс не слишком беспокоился. Он помнил, как Энн впервые заговорила на эту тему десять лет назад, в тот день, когда они все вместе ходили к морю, в Портмарнок, но даже тогда он верил: нужно лишь проявить немножко терпения и все будет хорошо. Однако годы шли, а ребенка так и не было. Почему же, почему, гадал Лоуренс, Господь не дал им столь обычного благословения? Конечно, и речи быть не могло, что это наказание за какой-то грех. Оба супруга были глубоко религиозными людьми и были преданы друг другу. Вообще-то, отсутствие детей даже усилило их набожность. Лоуренс искренне любил жену брата. Мэри обладала одним из тех лиц, которые на поверхностный взгляд не становятся лучше с годами. В юности она была хорошенькой девушкой с каштановыми волосами, с носом-пуговкой и нежными щеками. Теперь эти щеки стали немного жестче и краснее, а нос как будто расплылся. Карие глаза, немного выпуклые, серьезно смотрели на мир. Но на более глубокий, религиозный взгляд доброта делала эту женщину прекраснее прежнего. Она была, как говорится, тихая душа. Мэри безупречно вела домашнее хозяйство, слуги были всем довольны, а муж имел все, что только могла дать хорошая жена, и заботился о ней, как и положено хорошему супругу. Но Лоуренс догадывался, что под безмятежной внешностью, которую Мэри демонстрировала миру, скрывается огромная боль.

И хотя Орландо никогда об этом не говорил, Лоуренс отлично знал, как брат страдает из-за отсутствия детей. Его вера могла, конечно, твердить ему, что он должен принять Божью волю; и, будучи религиозным, он и принимал... умом. Но сердце жаждало иметь семью, наследника и, более того, – исполнения клятвы, данной отцу, а потому в тайных уголках его души эта боль, должно быть, пожирала его каждый день.

– Знаешь, он каждую неделю ходит к святому колодцу в Портмарнок, – призналась Энн Лоуренсу несколько лет назад. – Он не говорит об этом Мэри, но мне сказал.

И каким бы ни было отношение Лоуренса к суевериям, он вряд ли мог в чем-то винить брата.

– Осмелюсь предположить, – заметил он тогда, – что человек может молиться и там, как в любом другом месте.

Однако как старательно Орландо ни скрывал свои походы, Мэри должна была о них знать. Она должна была знать и о его тайной боли, равной ее собственным страданиям, а то и сильнее, и, конечно же, винила во всем себя. Боже мой, размышлял иезуит, если бы я думал, что в том будет польза, то сам на коленях дополз бы до древнего отцовского колодца.

Когда все вышли наружу, солнце сияло на золотой листве деревьев на фоне ясного синего неба. Перед тем как сесть в седло, Орландо дал понять брату, что хотел бы по дороге поговорить с ним наедине.

Обратно они скакали парами. Энн с Уолтером ехали впереди, Мэри – рядом с юным Морисом, который, как обычно, развлекал ее милой болтовней, а Орландо и Лоуренс немного отстали.

Несколько минут они ехали в молчании. Орландо как будто глубоко ушел в собственные мысли, и Лоуренс, не желая ему мешать, просто ждал начала разговора. Он предполагал, что речь пойдет о политической ситуации.

Жизнь самого иезуита изменилась мало. Но произошло несколько поразительных событий. В Англии убили фаворита короля герцога Бэкингема. Никто о нем не жалел, по крайней мере, английская дипломатия с тех пор стала более разумной. В Дублине люди радовались падению доктора Пинчера. Их кузен Дойл привез обнадеживающий отчет о том, как он погубил репутацию проповедника в разговоре с королем. После возвращения делегации из Лондона им были обещаны некоторые милости, а деньги для короля собраны, пусть и с некоторыми трудностями. Но за этим так и не последовали уступки католикам, а через пару лет английские протестанты вновь начали преследовать ирландских католиков. Однако в конце концов стало казаться, что все идет к лучшему, когда несколько лет назад доверенный офицер короля, человек грубоватый и властный, некий Уэнтуорт, был прислан править Ирландией. Уэнтуорт благоволил к официальной Ирландской церкви и быстро расправился с пуританскими раскольниками.

– Мне кажется, мы можем полагать, – сказал тогда Лоуренсу Орландо, – что король показывает нам, что он действительно друг католиков, как и говорил когда-то.

Но Лоуренс не видел причин менять свою первоначальную оценку.

– Уэнтуорт – доверенное лицо короля Карла. В том сомнений нет. И, будучи таковым, он имеет лишь один интерес: усилить власть короля. Он будет с одинаковым рвением поддерживать или громить хоть католиков, хоть пуритан, лишь бы добиться своего. Но только и всего.

В недавнее время было заявлено о создании новых колоний для протестантов на западе острова, в Коннахте.

– Видишь? Ничего не изменилось, – сказал Лоуренс.

– Но все равно, – напомнил ему Орландо, – католиков по-прежнему оставляют в относительном покое.

А потому Лоуренс был удивлен, когда почти сразу после их отъезда из замка Толботов Орландо повернулся к нему и тихо сказал:

– Я очень беспокоюсь за Энн.

– Энн? Мне показалось, она сегодня несколько бледна, – заметил он. – Но ничего более. Она нездорова?

– Не совсем так. – (Они проехали еще немного.) – В каком-то смысле это даже хуже. – Он глубоко вздохнул. – Мне кажется, она влюбилась.

– Влюбилась?! – Лоуренс был настолько потрясен, что едва не подавился этим словом, и тут же посмотрел вперед, желая убедиться, не слышат ли их всадники впереди. – И в кого?

– В Бриана О'Бирна.

Несколько мгновений Лоуренс молча переваривал услышанное.

– Ты уверен?

– Да.

– Но ты ведь не хочешь сказать, что она могла бы...

– Да, – ответил Орландо. – Хочу.

Когда Джереми Тайди смотрел тем утром на своего сына Фэйтфула, то испытывал вполне законную гордость. Мальчик превратился в молодого мужчину, отлично сложенного.

– Он выше меня ростом, – не раз с удовольствием говорил жене Тайди.

У Фэйтфула были каштановые волосы, хотя у отца они были светлыми; умные, широко расставленные глаза. Учился он усердно и хорошо. Но, по правде говоря, он не всегда хотел учиться.

– Я мог бы зарабатывать деньги, вместо того чтобы читать книги, – жаловался Фэйтфул.

Да и жена не всегда поддерживала Тайди.

– Ты только посмотри на бедного доктора Пинчера! Что с ним сделала эта учеба! – повторяла она не раз. – Уверена, если бы он не учился столько, давно был бы женат.

Втайне Тайди не мог с этим не согласиться. Однако он не позволял подобным разговорам отвлекать сына от того, что было необходимо.

– Я думаю о его будущем! – объяснял он.

Он обладал более широкими взглядами, чем жена.

И теперь, думал Тайди, его мальчик готов. Момент, которого он ждал все эти годы, наконец настал. После утренней службы Тайди сообщил жене:

– Пора ему повидаться с доктором Пинчером. Я хочу, чтобы ты сегодня это устроила.

Доктор Пинчер был рад видеть мистрис Тайди.

В последнее время он чувствовал себя не слишком хорошо. Но до настоящего момента ему и в голову не приходило, что он просто стареет. Об этом ему напомнила зубная боль. В таком возрасте, когда многие мужчины успевали уже испортить себе зубы табаком или черной патокой, что привозили из Нового Света, строгость доктора Пинчера защитила его от такой напасти, и в результате он сохранил все зубы, длинные, цвета старой слоновой кости. Но месяц назад он вдруг испытал острую боль, и пришлось выдернуть один зуб; так что теперь справа в нижней челюсти образовалась дыра, которую доктор, отправляясь на прогулку, грустно изучал языком: она напоминала ему о смертности тела.

Но это маленькое *memento mori* лишь добавлялось к общему чувству неудачи, что преследовала его в последние десять лет.

Он так и не оправился по-настоящему после того, как его посадили в тюрьму.

Это была наистраннейшая история. Пинчер так и не понял, почему это произошло.

В те первые головокружительные месяцы после его великой проповеди он наслаждался славой. Важные люди – некоторые крупные землевладельцы, даже его патрон Бойл, недавно ставший графом Корком, – писали ему или искали встречи, чтобы выразить свою поддержку.

– Это необходимо было высказать! – с чувством заявляли они.

Но потом, вскоре после того, как вернулась посланная в Англию делегация, произошло нечто немыслимое.

В Тринити-колледж явились солдаты прямо в то время, когда доктор читал лекцию. Они арестовали его на глазах студентов. И прежде чем доктор понял, что происходит, он уже стоял перед людьми из Дублинского замка, перед людьми, которых прекрасно знал, и они мрачно смотрели на него.

– Подстрекательство к бунту, доктор Пинчер! – заявили они. – Возможно, даже государственная измена. Вы высказывались против королевы.

– Как это? Когда?

– В вашей проповеди в соборе Христа. Вы называли ее блудницей и Иезавелью.

– Нет!

– А король думает, что называли.

Это было абсурдно, чудовищно, несправедливо. Но Пинчер ничего не мог поделать. Не было никакого следствия, не было шансов оправдаться. Его просто бросили в тюрьму и оставили там ради удовольствия короля. Ему даже намекнули, что возможны другие последствия. Не исключено, что фатальные. И он в муках и рыданиях проводил дни в тесной каменной камере. И тогда обнаружил кое-что еще. Если он думал, что у него есть друзья, так их не было. Ни одного. Ни чиновники из Дублинского замка, ни его поклонники из паствы, ни коллеги из колледжа – никто не пришел к нему. Никто не сказал ни слова в его защиту. Он стал персональной, отмеченной королевской немилостью, и находиться рядом с ним было опасно. Лишь два человека подали Пинчеру какую-то надежду.

Первой была мистрис Тайди. Она приходила каждый день и приносила доктору бульон, печенье, немножко эля или вина. Как некий ангел-хранитель, она его не предала. И не просила ничего, хотя, конечно, доктор ей платил. Он гадал, придет ли сам Тайди, но тот не появился. Но это было не важно, достаточно было и мистрис Тайди. Пинчер честно признавался себе, что без нее он мог впасть в полное отчаяние.

Вторым был Бойл. Без нового графа Корка, насколько знал Пинчер, он мог просидеть в тюрьме до конца своих дней. Но в 1629 году с Божьей помощью важный землевладелец стал главным судьей и к Рождеству того же года распорядился освободить доктора. Более того, покровитель доктора нашел для него землю в Южном Ленстере, а там Пинчер, к немалому своему удовлетворению, обнаружил густые леса, которые можно было вырубить.

И доктор Пинчер вернулся к жизни. Его друзья-пуритане, хотя и не навещали его, все же смотрели на него как на героя. Разве он не пострадал за веру? Студенты аплодировали ему, когда он снова пришел читать лекцию. Но теперь он, как всякий публичный человек, познал горькие плоды пустой восторженности и научился быть благодарным за то, что имеет.

Но одна вещь по-прежнему приводила его в недоумение. Как вообще могли возникнуть такие обвинения? И Пинчер гадал, не мог ли чего-нибудь наговорить кто-нибудь из католиков, входивших в делегацию к королевскому двору, и однажды даже спросил об этом Дойла.

– Если они и говорили что-то, – честно ответил Дойл, – я об этом ничего не знаю.

В общем, загадка продолжала оставаться загадкой.

К тому же и его надежды на возвышение пуританства не оправдались. Поначалу, в то время, когда доктора освободили, были проявлены некоторые новые строгости к католикам. Но все мечты доктора о пуританской церкви были разбиты вдребезги три года спустя, когда на остров прибыл новый лорд-наместник короля Карла.

Уэнтуорт. Само это имя звучало для доктора как проклятие. Ему никогда не забыть то ужасное воскресенье, вскоре после появления нового лорда-наместника. Доктор тогда немного опоздал к утренней службе в соборе Христа. Когда он вошел туда, все уже были на местах, а Уэнтуорт и его большая свита сидели на королевских скамьях. Пинчер, торопливо войдя в собор, нашел для себя местечко в задней части нефа. Спеша, он почти не посмотрел по сторонам, а просто сразу опустился на колени для короткой молитвы и лишь после нее медленно поднял голову и посмотрел в восточную часть храма, на хоры. И похолодел от ужаса.

Вся восточная сторона была полностью изменена. Стол для причастий исчез со своего обычного места в центре хоров, где к нему было легко подойти, его передвинули, а в восточной части на помосте воздвигли высокий алтарь, на который набросили великолепный, весь расшитый золотом, алтарный покров. На алтаре в прекрасных серебряных подсвечниках горели высокие свечи, по шесть в каждом. Перед алтарем стоял служитель в роскошном стихаре, который вполне подошел бы для какой-нибудь папистской церкви в Испании, а то и для самого Рима. Пинчер в ужасе смотрел на страшную картину. Он даже приподнялся с места. И лишь чувство самосохранения удержало его от того, чтобы закричать: «Папизм! Идолопоклонничество!»

И виноват, конечно, проклятый Уэнтуорт. Сомневаться не приходилось. Это был тот самый сорт англиканского ритуала, которому благоволили король Карл и его королева-католичка. Стоящий в отдалении высокий алтарь, свечи, священники в богатых ризах – форма и обряды поставлены над проповедью, власть короля и назначенного им епископа – над истинным учением и властью морали. Разврат и отказ от праведного слова, папизм во всем, кроме названия, то есть все то, что презирали и ненавидели пуритане. Здесь, прямо в соборе Христа – в том месте, где доктор Пинчер проповедовал, в центре протестантского Дублина, в истинном храме кальвинизма посреди дикого моря ирландских суеверий, – создавалось логово папистов и идолопоклонников. И после появления Уэнтуорта Пинчер уже и надеяться не мог на то, что ему снова предложат читать здесь проповеди.

И он совершенно ничего не мог изменить. Собор, центр английской власти, навсегда останется таким. Пинчер с радостью бы отказался от посещения собора, но в его положении это могло бы привести к бесконечным проблемам. И теперь, униженный, он шел в церковь с такой же неохотой, с какой приходили туда католики в прошлые годы. А перемены в соборе Христа шли рука об руку с терпимостью к католикам, что проявлялось не только в компенсациях за новые колонии протестантов в Коннахте. Казалось, доктор становился свидетелем гибели всего того, ради чего трудился.

Но одна только мысль о том, чтобы уехать из Ирландии и вернуться в Англию, вызывала у него отвращение. Это означало бы отказаться и от своего положения в Тринити-колледже, где доктор, несмотря на все перемены, продолжал оставаться важной фигурой. И, кроме того, кто бы в Англии приветствовал его возвращение? Похоже, никто.

Его сестра больше не писала ему. В течение последних лет он отправил ей несколько писем, но ни слова не получил в ответ. Пинчер даже предпринял тайное расследование, чтобы узнать, не умерла ли она или, может, переехала куда-нибудь. Но выяснил, что она живет все там же и пребывает в отменном здравии. О Барнаби он вообще ничего не знал. И похоже, ему стоит подумать о каком-то другом наследнике. Он мог сделать, например, солидное пожертвование колледжу, увековечить свое имя. Но и это говорило бы о признании полного семейного краха. И тем утром во время церковной службы Пинчер вдруг остро осознал, что он стар и одинок.

И потому он втайне был благодарен мистрис Тайди за ее приход.

Было время, когда доктор чувствовал некоторую обиду на Джереми Тайди. Но понимал, что это неразумно. Тайди его не предавал. Когда они встречались, церковный сторож всегда качал головой и говорил:

– Странные дела творятся нынче в соборе Христа, ваша честь.

Но Пинчер, справедливо то было или нет, почему-то никогда не ощущал, что это неодобрение достаточно сильно. А вот преданная мистрис Тайди – это совсем другое дело. Доктор, думая обо всем том, что она делала для него, мог лишь изумляться: как она, тихая простая душа, находила столько сил, чтобы творить добро.

– Я ничему не училась, сэр, – нередко говорила она. – Я даже читать не умею.

А доктор улыбался в ответ.

– Господь ценит нас по делам нашим, – уверял он женщину.

Как-то раз она пришла к нему по-настоящему расстроенной. Некая ее знакомая из города, такая же простая женщина, никому в жизни не сделавшая ничего плохого, вдруг тяжело заболела и, похоже, вот-вот могла умереть. Но та женщина была католичкой.

– Вы всегда говорите, сэр, что Господь сам избирает тех, кто будет спасен, и тех, кто будет проклят...

Возможно ли, спрашивала она, что Господь может потихоньку даровать спасение ее бедной подруге-католичке, несмотря на ее веру?

Не желая разочаровывать добрую женщину, доктор тогда ответил:

– Правда в том, мистрис Тайди, что Божественную мысль человеческий ум понять не может. – А потом, тронутый облегчением, отразившимся на лице женщины, довольно пылко заявил: – Но могу с уверенностью сказать, мистрис Тайди, что вы наверняка попадете в рай.

Сегодня она принесла небольшой сливовый пирог, в который добавила, надеясь, что это не грех, немножко бренди. Пинчер с благодарностью принял дар и спросил, как поживает ее семья. А когда мистрис Тайди сообщила, что ее муж и Фэйтфул очень хотели бы навестить его сегодня, доктор любезно ответил:

– Разумеется. Пусть приходят в четыре.

Была середина дня, когда Пинчер, съев два ломтика сливового пирога, решил немного пройтись, чтобы взбодриться.

Выйдя из Тринити-колледжа, он прошел через ворота в старой городской стене и зашагал по Дейм-стрит к собору Христа. Доктор проходил мимо одних из трех городских часов, которыми теперь гордился Дублин, когда услышал, как колокола отбивают три. Он направился дальше на запад, миновал другие ворота и повернул вниз по склону к древнему мосту через Лиффи. Пинчер рассчитал, что у него есть время для того, чтобы прогуляться на другую сторону реки и успеть вернуться к тому моменту, когда придут Тайди с сыном. Подойдя к воде, Пинчер отметил, что ветер образует на поверхности реки мелкую рябь.

Пинчер шагнул на мост. Там никого не было. Доктор пошел на другую сторону. Его длинные худые ноги были, слава Богу, до сих пор сильны. Ветер, летавший над водой, охлаждал его щеки. Пинчеру нравилось это ощущение. А через несколько мгновений он заметил двух джентльменов, которые тоже ступили на мост и шли теперь ему навстречу. Они, безусловно, также решили предпринять прогулку для здоровья. Тот, что повыше, был одет в темно-зеленое, а тот, что пониже, – в красновато-коричневое. Доктор дошел до середины моста. Встречные быстро приближались к нему. И тут доктор увидел, что невысокий мужчина – Томас Уэнтуорт.

Да, это действительно был ирландский лорд-наместник. Он носил усы и аккуратную, маленькую треугольную бородку, не скрывавшую его чувственных губ. Опухшие глаза лорда посматривали воинственно и угрюмо. Темно-каштановые волнистые волосы были хорошо уложены, однако казалось, что в любой момент они могут агрессивно вздыбиться. Грубый человек, которому король даровал власть, подумал Пинчер. Уэнтуорт узнал доктора и направился напрямиком к нему. Увернуться от встречи было невозможно. Уэнтуорт остановился в трех шагах от Пинчера и уставился на него. Его спутник в зеленом, один из чиновников из Дублинского замка, тоже замер на месте.

– Доктор Пинчер.

Пинчер напряженно склонил голову. Уэнтуорт продолжал грубо тарашиться на него, как будто что-то обдумывая.

– У вас есть в аренде земли в Южном Ленстере?

– Есть.

– Хм...

И с этими словами лорд-наместник прошагал мимо Пинчера. Мужчина в зеленом поспешил за ним.

Пинчер, онемев, застыл на месте. Потом сделал несколько шагов и опять остановился. Ему хотелось развернуться и пойти домой, но это значило идти следом за Уэнтуортом. И потому доктор все же перешел через реку и не поворачивал обратно до тех пор, пока Уэнтуорт не исчез из виду. И лишь тогда, дрожа от ярости и досады, поспешил домой.

Он понимал, что это значит. Да, Уэнтуорт вел себя оскорбительно, однако доктор не воспринимал это как нечто личное. Этот человек всегда был таким. Лорд-наместник, разумеется, был занят собственным обогащением. А что еще делать человеку такого положения? Но возможно, впервые со времен Стронгбоу, который явился в Ирландию четыре с половиной столетия назад, представитель короля на острове действительно желал и старался увеличить доход своего повелителя.

Не проходило и месяца без того, чтобы Уэнтуорт не отбирал у кого-нибудь землю или аренду. Чаще всего страдали от этого новые английские поселенцы. Но ведь было правдой и то, что колонизаторы частенько захватывали куда больше земли, чем им было положено по закону, и Уэнтуорт заставлял их платить. Часть таких лишних земель снова отдавалась в аренду, чтобы корона получала свои деньги, часть продавалась. И если все эти правила сначала прилагались к землям короля, то потом они коснулись и церковных земель. Церковная аренда отбиралась или переоформлялась с новой и безжалостной деловитостью. И вот теперь, похоже, алчный взгляд лорда-наместника упал и на небольшое имение доктора Пинчера в Южном Ленстере.

В последние годы Пинчер не оставлял эту землю без внимания. С тех самых пор, как его выпустили из тюрьмы, он раз в год отправлялся на юг, когда погода выпадала хорошей, и проверял, как идут дела на юге Ленстера, и, конечно, навещал свой приход в Манстере, где обычно читал проповедь и занимался счетами. В целом доходы были вполне приличными, и доктор мог даже немного увеличить жалование викарию. Но пока что в Ленстере была вырублена только часть леса.

Аренда доктора была абсолютно законной. Договор подписан и скреплен печатью на годы вперед. Конечно, плата была невероятно низкой, но законной. И доктору даже на миг не приходило на ум, что его законные владения могут стать интересными грубому и примитивному Уэнтуорту. Он хочет меня раздавить, думал Пинчер, и только что сообщил об этом. А если Уэнтуорт преуспеет и Пинчер потеряет свой доход, то что будет в итоге? Уэнтуорт получит больше денег, чтобы тратить их на свои проклятые свечи, золотые алтарные покровы и папистские обряды в соборе Христа, с горечью думал доктор. Он был настолько расстроен, что даже не в силах оказался пройти мимо собора Христа, а вместо этого повернул к Деревянной набережной. По крайней мере, одно было совершенно ясно, решил доктор. Прежде чем Уэнтуорт отберет у меня все, я обстригу то место догола.

В общем, он пребывал в расстроенных чувствах, когда, дойдя до своего жилища, увидел Джереми Тайди и его сына Фэйтфула, терпеливо ожидавших его.

Разумеется, Тайди не был виноват в том, что доктор Пинчер без особого энтузиазма выслушал его просьбу. Церковный сторож вряд ли мог бы лучше изложить свое дело. Начал он весьма скромно. Все эти годы доктор с уважением относился к нему и его жене, хотя они всего лишь простые люди. Но преданные, тихо добавил Тайди. И с этим Пинчер согласился, слегка наклонив голову. И именно благодаря восхищению перед ученым доктором молодой Фэйтфул не только стал строгим последователем кальвинистской доктрины, но и получил образование. И вообще-то, даже весьма превзошел многих в занятиях. Пинчер знал, что мальчика отправляли в одну из маленьких протестантских школ в Дублине, но его успехами не интересовался.

И вот теперь, похоже, Тайди желал, чтобы его сын сделал величайший в своей жизни шаг и поступил в Тринити-колледж в качестве студента. Его отец был готов понести любые связанные с этим расходы, хотя, естественно, для человека вроде него это стало бы настоящим самопожертвованием. Но Тайди подумал, что доктор Пинчер может увидеть в том некоторое неуважение, если в таком деле сначала не посоветуются с ним. И Тайди надеялся, что, возможно, ученый доктор даже как-то поддержит кандидатуру Фэйтфула.

Такого рода просьбы веками практиковались в Оксфорде и Кембридже. Сыновья преуспевших йоменов и торговцев, скромных ремесленников и крестьян, приходили в прославленные колледжи и поднимались с помощью Церкви или закона до больших высот. И сами преподаватели колледжей могли в свое время быть бедными студентами. И хотя Тринити-колледж изначально задумывался как учебное заведение для сыновей новых поселенцев-протестантов, которые называли себя джентльменами, там было немало и более скромных молодых людей. И почему в таком случае, думал церковный служака, доктор Пинчер так хмуро его слушает?

Отчасти, конечно, Пинчер хмурился, потому что продолжал злиться на Уэнтуорта. Но сейчас, глядя теперь на Тайди, он чувствовал и некоторую обиду. Тайди мог оплакивать перемены в соборе Христа, но оставался на своем теплом месте, а он, доктор Симеон Пинчер, был оттуда изгнан. Тайди, без сомнения, продолжал наслаждаться всеми доходами от своей службы, и эти доходы позволяли ему отправить сына в университет. А теперь он еще и просил замолвить словечко за своего отпрыска. Фэйтфул Тайди пришел бы в Тринити-колледж при покровительстве Пинчера, то есть случилось бы то, что доктору не удалось в отношении родного племянника Барнаби. Это не на шутку раздражало.

Доктор повернулся к юноше:

– Ты хорошо учился?

– Да, сэр.

– Хм...

Так ли это? Пинчер вдруг заговорил на латыни, спросив, читал ли молодой человек Цезаря.

К удивлению доктора, юноша с готовностью ответил на том же языке, дав полный ответ и закончив цитатой из трудов великого римлянина. Пинчер задал еще несколько вопросов. На все юноша с блеском ответил на латыни. Пинчер уставился на Фэйтфула и обнаружил, что его точно так же внимательно изучают, уважительно, но проницательно. Светлые, широко расставленные глаза спокойно смотрели на доктора.

Доктор был потрясен, однако не показал этого. Есть ли у юноши рекомендации из его школы? Тайди подал ему письмо, которое Пинчер, не прочитав, бросил на стол. Как ни был он раздражен, он уже решил помочь молодому человеку просто ради его доброй матери, если не ради чего-то другого. Но он не собирался вот так сразу дать понять этим людям, что его легко растрогать, а потому продолжал смотреть строго, почти хмуро. И именно этот его взгляд заставил Джереми Тайди выложить последнюю карту:

– Я бы не стал вас беспокоить, ваша честь, если бы вы не были всегда так добры к нам, а ведь вы такой большой ученый из самого Кембриджа!

Из Кембриджа. И этот странный раболепный тон... Пинчер невольно поморщился.

– Посмотрим, Тайди, что тут можно сделать, – произнес Пинчер более мягким тоном и махнул рукой, давая понять, что разговор окончен.

Отец и сын Тайди прошли около сотни ярдов, когда Фэйтфул повернулся к отцу.

– А что там такое с Кембриджем? – спросил он.

– А-а... – Старший Тайди улыбнулся. – Ты заметил?

– Как только ты заговорил о Кембридже, его словно укусили.

– Это мое тайное оружие, можно сказать. Я давно это заметил. Наверное, он что-то такое натворил в Кембридже, о чем лучше никому не знать. Но он думает, что мне все известно. И нервничает. Таким образом я даю ему понять, что готов позаботиться о нем, если он позаботится обо мне.

– Но что там произошло?

– В чем его секрет? Понятия не имею.

– А разве тебе не хочется узнать?

– Мне это знать незачем. И даже лучше не знать. Меня касается лишь одно: когда я упоминаю о Кембридже, он делает то, что мне нужно.

Фэйтфул молча переварил эту порцию житейской мудрости.

Когда они подошли к собору Христа, отец велел Фэйтфулу зайти с ним в собор. Больше там никого не было. Собор был в их распоряжении, и Тайди повел сына туда, где висела длинная веревка, привязанная к колоколу, скрытому далеко в вышине; колокол сзывал прихожан на молитву. Тайди остановился около веревки и внимательно посмотрел на сына.

Джереми Тайди готовил свою маленькую лекцию много лет. И теперь пришло время произнести ее.

– Видишь этот канат, Фэйтфул? – (Сын кивнул.) – И что это такое? – продолжил его отец. – Просто кусок веревки. И все. Ничего больше. Человек может на ней повеситься, а может по ней взобраться куда-нибудь. Что до меня, сын мой, я сделал свою жизнь, дергая за нее. – Он немного помолчал и покачал головой, изумляясь странной простоте предмета перед ним. – Да, дергая за эту веревку, Фэйтфул, я заработал право жить на территории этого собора. А что дает нам это право?

– Привилегии, – ответил его сын.

– Привилегии, – повторил его отец. – Как и при соборе Святого Патрика или любом другом большом соборе Ирландии. А что такого особенного в привилегиях собора?

– Мы находимся под защитой настоятеля.

– Верно. Мы не отвечаем перед мэром Дублина, и перед королевским шерифом, и даже перед самим лордом-наместником. Огороженная территория собора – это нечто вроде маленького самостоятельного королевства, Фэйтфул, и здесь один бог и хозяин – настоятель. И мы наслаждаемся этими привилегиями. Мы почти свободные граждане. Я могу даже торговать, и при этом мне не нужно принадлежать к городской гильдии или иметь статус свободного гражданина города, а ведь за оба этих статуса нужно много заплатить. И я ничего не плачу дублинским гильдиям со своих доходов. – Тайди улыбнулся. – Я наслаждаюсь всеми городскими привилегиями, но налогов не выплачиваю. И все потому, что дергаю вот за эту веревку.

И действительно, у соборных служек было множество преимуществ. Как все подобные древние учреждения, собор Христа существовал сам по себе. Все, кто работал на него, от сторожей и певчих и до самых скромных подметальщиков и уборщиков мусора, находили в его укромных уголках убежище и хлеб насущный. Им доставались всевозможные приработки и благотворительные дары, от обуви и одежды до еды и дров. Когда, например, большие свечи на алтаре почти догорали, Тайди заменял их, а остатки уносил домой. Его семья наслаждалась светом отличных восковых свечей, но никогда за это не платила. И Тайди получал от мирян деньги за любые свои услуги, но главным, конечно, было то, что он звонил в колокол.

– Не имеет значения, кто они, Фэйтфул, – англиканцы или кальвинисты, паписты или пуритане, им всегда хочется услышать звон колокола! – сообщил Тайди. – А мне только и нужно, что дернуть за эту веревку. Любой дурак может это сделать. Но так у меня появилось целое состояние.

Хотя Тайди никогда и никому не позволял даже заподозрить такое, но у него теперь действительно имелось состояние, равное состоянию доктора Пинчера.

– И вот теперь, Фэйтфул, – заключил Тайди, – ты поднимешься по этой веревке в другие, более высокие сферы. Ты можешь стать адвокатом и даже джентльменом. И однажды ты согласишься на меня как на бедного невежественного человека. Но помни: только эта веревка позволила тебе забраться туда.

А пока в соборе Христа звучала эта проповедь, доктор Пинчер, так и не тронувшийся с места после ухода Тайди, был погружен в глубокие размышления. Но они не касались семьи церковного сторожа.

Однако если у доктора Пинчера появилось еще больше, чем прежде, причин ненавидеть лорда-наместника, то в этом он не был одинок. Партия пуритан ненавидела его за англиканство; новые английские поселенцы ненавидели его за нападки на их земли. Сам граф Корк, встретив как-то Пинчера в Тринити-колледже, признался:

– Обещаю, мы однажды свергнем этого проклятого Уэнтуорта!

Далеко от острова, в Англии, насколько знал Пинчер, ситуация была другой, но еще более напряженной. Там пуритане испытывали такое отвращение к Церкви короля Карла, что начали перебираться в американские колонии, причем не поодиночке, как в предыдущее десятилетие, а целыми кораблями. Маленькая армия полезных мастеровых, мелких фермеров и даже часть образованных людей навеки покидали английские берега. А еще большее политическое значение имел гнев сквайров. Благодаря новым налогам, которые Карл сумел провести через судебные органы, король обнаружил, что если он не будет вести дорогостоящие войны, то сможет обойтись и без разрешения парламента на новые расходы. И в результате Англией вот уже семь лет правил лишь король, без парламента. Парламенты созывались уже много веков подряд, и короли всегда к ним прислушивались. В парламент могли входить джентльмены из разных графств и юристы, но главным было то, что они представляли собой древние английские свободы, и для многих крупных землевладельцев, возглавлявших местные общины, стало оконча-

тельно ясно: король Карл, веривший в свое божественное право делать все, что ему вздумается, шел по пути установления тирании. Джентльмены в Ирландии, возможно, стояли несколько в стороне от всего этого, но и они отлично осознавали, что политическая ситуация представляет собой нечто вроде пороховой бочки.

Рано или поздно, размышлял Пинчер, Уэнтуорт падет. Так всегда происходило с английскими лордами-наместниками в Ирландии. Но куда важнее было другое: когда Карла наконец что-то вынудит созвать парламент, тогда и придет расплата. Пуритане в Англии и Ирландии жаждали мести. Какую форму могла принять эта месть, Пинчер не представлял. Но он готов был начиная с этого момента копить счета. И если его личным врагом был Уэнтуорт, то теперь доктор становился и врагом короля.

Доктор Пинчер, хотя сам того и не осознавал, сделал первый шаг по пути к государственной измене.

Если бы не молодой Морис, Бриан О'Бирн никогда бы их не увидел. Энн так ему и сказала. Случилось это вскоре после середины лета. Уолтер Смит и его жена приехали на два дня к торговцу в Уиклоу, знакомому Уолтера. И с ними приехали Морис и Орландо. На обратном пути, поскольку стояло раннее утро, они решили подняться в Глендалох. Они обошли древние развалины, восхищаясь круглой башней и тишиной двух горных озер Святого Кевина, и к полудню собрались домой. Дни были длинными. И даже если совсем не торопиться, можно было добраться до Дублина задолго до наступления темноты. Они как раз проезжали мимо дороги на Ратконан, и Орландо сказал им, куда ведет эта дорога. Тогда Морис воскликнул:

– Ратконан! Мне бы очень хотелось его увидеть!

– Если поедешь по этой дороге вон до тех деревьев, – Орландо показал на деревья невдалеке, – то сможешь увидеть старинный дом-башню. Но дальше не заезжай и постарайся, чтобы тебя не заметили, потому что я не сообщал Бриану о своей поездке.

Но конечно, Морис поскакал дальше. Его увидел сам О'Бирн и, узнав юношу, помахал ему, подзывая. А через минуту-другую Бриан появился на главной дороге и упрекнул Орландо за то, что тот решил промчаться мимо его дома. О'Бирн любезно пригласил в дом Уолтера и Энн. Отказаться было бы невежливо, хотя Уолтер заметил:

– Мы не можем задержаться надолго.

Но Энн улыбнулась и сказала:

– Мне бы хотелось увидеть башню.

Морис тем временем гнал коня к дому.

Когда они приблизились к старой башне, Бриан покосился на Уолтера и негромко произнес:

– Твой фамильный дом.

– А-а... – Уолтер позволил себе лишь чуть заметно улыбнуться.

– Твоему сыну, похоже, он нравится.

Морис уже подскакал к круглой башне и теперь смотрел на нее с откровенным восторгом. О'Бирн оглянулся на Энн. Она одобритительно оглядывалась по сторонам.

– Ты пасешь там скот? – спросила она, показывая на дикие горные склоны наверху.

– Да, летом.

Он отлично помнил сестру Орландо. Время от времени Бриан и Орландо встречались, но Энн Бриан не видел с того самого дня, как они вместе отправились на островок, а случилось это больше десяти лет назад. Энн на удивление мало изменилась. Прибавилось несколько морщинок, чуть больше стало седых волос; ей, видимо, было за сорок. И она по-прежнему, подумал Бриан, ведет размеренную жизнь со своим скучным мужем.

Его собственная жизнь в Ратконане также не была насыщена событиями. У него уже имелся целый выводок детей. Двоим мальчикам давал уроки священник; девочек учили читать

и писать, но не более того. Жена Бриана умерла год назад, родив седьмого ребенка. Потеряв жену, Бриан сильно горевал, но прошел год, и пора было подумать о том, чтобы найти замену. Красавец Бриан О'Бирн из Ратконана вряд ли столкнулся бы с трудностями, решив найти себе молодую женщину в Уиклоу. Все были бы рады разделить с ним постель, управлять его прекрасным имением и заботиться о его чудесных детях.

По просьбе Энн Бриан показал им свои владения. Гости восхитились древним каменным домом и прекрасными видами. Морис в особенности проявлял энтузиазм. И каждый раз, когда появлялся кто-нибудь из детей Бриана, Морис рассматривал их, проверяя, достались ли им зеленые отцовские глаза, но ни у кого их не было. Потом Морису захотелось подняться на склон с О'Бирном, посмотреть на летние пастбища, и Бриан с готовностью согласился. Энн тоже захотела пройти с ними.

– Ну тогда и мы тоже пойдем, – с легким вздохом сказал Уолтер.

К тому времени, когда осмотр был закончен, перевалило за полдень. Бриан убеждал их поехать с его семьей и остаться на ночь. И поскольку Уолтеру было ясно, что всем, кроме него самого, этого хочется, ему пришлось согласиться.

Ужин в Ратконане был общим, традиционным. На старый ирландский манер за стол садились все обитатели дома. И к ним нередко присоединялись соседи или путники. Священник благословил еду. А после ужина обычно кто-нибудь начинал играть на скрипке или рассказывал одну-две истории. И в тот длинный летний вечер собралась весьма оживленная компания, прозвучало несколько историй о Кухулине, о Финне, о местных духах; играла музыка, все немного потанцевали.

Бриан О'Бирн с интересом наблюдал за гостями. Орландо чувствовал себя как дома, с довольным видом притопывая ногой в такт музыке. Уолтеру Смиту явно было не так уютно. Как любой, родившийся в Ирландии, он, конечно же, был знаком и с подобными легендами, и с музыкой. И хотя солидный седовласый дублинец вежливо улыбался, можно было заметить, что ему не слишком радостно. Никто бы и не догадался, думал О'Бирн, что этот человек одной с ним крови. Зато Морис, красивый юноша с зелеными глазами, мог быть сыном самого Бриана. Глаза Мориса сияли, лицо покраснелось. Он даже успел заинтересоваться хорошенькой девочкой с фермы. Да, Морис, без сомнения, был на своем месте в Ратконане. Но О'Бирн думал и о том, что, кем бы ни были предки человека, характер у него все равно индивидуальный.

Что до Энн, так за ней Бриан особенно внимательно следил весь вечер. Она явно наслаждалась. Как и ее брат, она притопывала ногой в такт музыке. В какой-то момент, когда другие танцевали, Бриан увидел, как Энн наклонилась к мужу и что-то ему сказала, в ответ он слегка качнул головой, и она с чуть заметным раздражением пожала плечами. Через несколько мгновений Морис пригласил мать на танец. Она двигалась грациозно, и О'Бирну захотелось самому к ним присоединиться, но он решил, что умнее будет оставить все как есть. И даже когда Энн раз-другой посмотрела через зал в его сторону, он сделал вид, что ничего не заметил.

А потом, после танцев, именно Морис подвел к Бриану свою мать с некой просьбой. Ее сыну так понравился Ратконан, пояснила она, что он интересуется, не позволит ли ему О'Бирн провести здесь недельку-другую. Можно ли молодому человеку пожить у него?

– Да конечно же, Муириш! – искренне ответил Бриан. – Тебе здесь всегда будут рады. Но сначала, я думаю, ты должен спросить разрешения у отца.

И в несколько последовавших затем мгновений, пока Морис шел к отцу, чтобы прервать его серьезную беседу со священником, О'Бирн понял: Энн Смит могла бы принадлежать ему. Она стояла перед ним, слегка раздумываясь от танца. Бриан с улыбкой заметил, что местных девушек будет не отогнать от дома, если ее красавец-сын появится здесь, а она засмеялась и коснулась его руки.

– Я ему завидую, если он будет жить здесь, в горах, с тобой, – сказала она, глядя ему прямо в глаза.

В эту секунду вся та невысказанная близость, которую они ощутили в далекий день на островке, вернулась и нахлынула на них. Бриан посмотрел на Энн и кивнул.

– А мне бы хотелось, чтобы и ты приехала вместе с ним, – тихо и серьезно произнес он, и Энн задумалась.

– Не знаю, возможно ли такое, – наконец тоже тихо и серьезно ответила она. – Может быть...

Краем глаза Бриан видел, что мальчик уже разговаривает с отцом. Уолтер Смит, слегка нахмурившись, посмотрел в их сторону. Бриан извинился перед Энн, подошел к дублинскому торговцу и вежливо обратился к нему:

– Твой сын только что спрашивал меня, можно ли ему приехать сюда ненадолго. Ему будут рады здесь в любое время. Но я объяснил Морису, что сначала он должен поговорить с отцом, а не со мной.

– Вы очень любезны... – сразу отреагировал Уолтер. – Но я боялся, что он доставит вам ненужные хлопоты.

– Ничуть не бывало. К нам постоянно приезжают разные люди. И я предпочел бы Мориса многим из них.

– Ну, прямо сейчас он не сможет здесь погостить, – сказал Уолтер. – У меня есть для него поручения в Дублине.

– Время от времени я сам бываю в городе. И когда приеду в следующий раз, зайду к вам. Если тебе захочется отправить его в Ратконан, он сможет поехать со мной. А если нет, то это можно будет сделать в любое другое время. А пока, – Бриан с улыбкой повернулся к юноше, – тебе лучше не давать отцу повода жаловаться на тебя, Муириш, или мне не захочется тебя приглашать, уверяю. – Он весело посмотрел на Уолтера Смита, как один отец на другого. – Ведь правильно?

– Безусловно, – согласился Уолтер с очевидным облегчением.

Бриан О'Бирн обычно вставал с рассветом, и на следующее утро, проснувшись, увидел, что небо уже сияет, а солнце готово вот-вот подняться. Выйдя из дому, он прошел немного за ворота, к тому месту, откуда открывался прекрасный вид на побережье и далекое море. Ему нравилось наблюдать за восходом солнца.

Он так пристально смотрел на восточный горизонт, что не заметил, как кто-то подошел к нему. Это была Энн.

– Что ты тут делаешь? – спросила она.

Бриан показал на горизонт, и в это мгновение сияющий край солнечного диска начал подниматься в небо. Бриан услышал, как Энн коротко вздохнула, наблюдая за тем, как солнце отделяется от воды. Они стояли рядом, когда сияющее божество начало величественно подниматься в небо. Оба молчали. Бриан почувствовал, как пальцы Энн легко легли на его руку.

– Я увидела тебя из окна, – тихо сказала Энн. – Все еще спят. Ты часто наблюдаешь за восходом?

– Всегда, если погода ясная.

– Ах... Это должно быть приятно.

Бриан кивнул и оглянулся на дом. Солнечные лучи уже упали на его стены, но древняя башня как будто не замечала их, словно сама все еще спала. Бриан позволил своим пальцам обхватить запястье Энн. Она ничуть не напряглась. Бриан покосился на нее. Она слегка повернула голову в его сторону и улыбнулась.

– Наверное, я скоро приеду в Дублин, – произнес он.

– Думаю, приедешь.

И тут какой-то звук сзади заставил их отпрянуть друг от друга. Но, оглянувшись, они никого не увидели. И тем не менее Энн вернулась к дому одна и пошла в спальню, где все еще спал ее муж, а О'Бирн отправился в конюшню, проверить лошадей.

И ни один из них так и не узнал, что тот звук издал Орландо и что он видел, как они виновато отодвинулись друг от друга.

О'Бирн не появлялся в Дублине до конца августа. А когда приехал и зашел, как обещал, к Смитам, то с огорчением узнал, что Уолтер с сыном отправились на два дня в Килдэр и должны вернуться как раз сегодня. Жаль, подумал Бриан. Упущенная возможность. Но зато они с Энн несколько минут провели наедине в гостиной. Стоя рядом с ней, Бриан заглянул Энн в лицо, а она посмотрела на него, и они поцеловались так, словно это было самой естественной вещью в мире.

Чьи-то шаги в коридоре у гостиной снова заставили их отскочить друг от друга, но Бриан, прежде чем уехать, предложил:

– Когда твой муж в следующий раз уедет, дай мне знать.

И вот теперь, накануне вечером, прибыл посланец с письмом от Энн, сообщавшим, что Уолтер снова собирается уехать. И Бриан О'Бирн, охваченный легким волнением, собрался в Дублин.

Энн Смит, сидя дома на следующее утро, гадала, приедет ли Бриан О'Бирн. И еще она испытывала мучительные сомнения. Что, собственно, она собирается сделать?

О чем только она думает? Как вообще могла допустить, чтобы все зашло так далеко? Иногда она этого просто не понимала. Но если бы она осознала, как именно О'Бирн оценивает ее внутренние мотивы, ей пришлось бы признать, что его оценка справедлива. Но даже он не мог бы понять, как повлияли на нее долгие годы самоотречения и напряженности, ее разочарования, следовавшего за состоянием смертельного безразличия, которое иногда охватывало Энн. Иной раз она и вспомнить не могла, что это значит – чувствовать себя живой. Не понял бы он и того, как теперь, вдруг вернувшись к жизни, Энн словно ощущала вокруг некий магический свет, преобразивший весь мир. Мораль и даже религия как будто были сметены прочь чем-то вроде силы самой судьбы.

Но как бы то ни было, в те несколько их встреч: много лет назад на острове, потом в Ратконане и даже здесь, в доме Энн, – оба они чувствовали себя чем-то единым, и события, казалось, разворачивались по собственной воле. И что бы ни было предназначено судьбой, могла бы сказать себе Энн, это уже произошло. События почти вырвались из-под ее власти.

Но теперь она сама сделала шаг. Позвала его. Что уж тут отрицать. И лишь позднее возникли сомнения.

Был ли это страх оказаться пойманной? Энн не была в том уверена, но ей казалось, что Орландо мог о чем-то догадываться. В тот день, когда они поцеловались с О'Бирном, ирландец едва успел уйти, как явился Орландо, и вид у него был странный. Он приехал в Дублин на один день, объяснил он Энн, и зашел узнать, не вернулся ли Уолтер. А потом, слегка нахмурившись, спросил:

– Это не О'Бирна я заметил на улице?

А Энн заколебалась как дурочка, пусть всего на мгновение. Но, быстро опомнившись, ответила со смехом, хотя и немножко нервным:

– Да. Он заходил справиться насчет Мориса.

Она видела, как во взгляде брата мелькнули подозрение и сомнение. Орландо собирался уже что-то сказать, но, слава Богу, Энн позвали из кухни, и она смогла избежать дальнейшего разговора.

Две недели спустя, когда вся семья собралась в доме в Фингале и поехала на мессу в Мэлахайд, Орландо ничего не сказал, но Энн не была уверена в том, что его подозрения рассеялись.

И тем не менее на самом деле не страх перед братом удерживал Энн. Это была ее привычка к доброму мужу.

Прошлым вечером все было так, как любил Уолтер Смит. В доме собрались, кроме Энн и сына, еще и их дочери с мужьями и детьми. Они ели и пили, провели вместе счастливый вечер, играли в разные глупые семейные игры. Уолтер улыбался. Несколько раз он издал раздражавшее Энн хихиканье, но на фоне общего веселья она почти не обратила на это внимания. И, наблюдая за мужем, она думала: вот хороший человек, который любит меня и которого я тоже люблю за его доброту. И утром, нежно попрощавшись с ним, Энн проводила мужа взглядом и вернулась в дом, размышляя: нет, я не могу так с ним поступить. Ее замужество нельзя было считать ужасным. Она должна отступить, прекратить всю эту историю с О'Бирном, пока еще не слишком поздно.

Энн даже задумалась, не отправить ли Бриану другое письмо, отменить встречу. Но это вряд ли помогло бы. Он, скорее всего, уже в пути. Да и в любом случае, если она не собирается совершать ошибку, она, по крайней мере, должна сказать все ему в глаза. Это, решила Энн, единственный правильный выход.

В начале дня она сидела в гостиной, когда услышала, как кто-то подъехал к дому. Энн встала, заметив, что ее сердце вдруг бешено заколотилось. И пошла к двери. Но это оказался не О'Бирн.

Это был Лоуренс. Ее старший брат вошел в гостиную и сел, жестом показав Энн, что желал бы поговорить с ней наедине. Несколько минут он негромко говорил о семье, заметив, что Энн должна чувствовать себя одинокой, когда Уолтер в отъезде. Он произнес это очень мягко, потом на какое-то время замолчал. Было ясно: у него еще что-то на уме. Энн ждала.

– Я все думаю, Энн, – голос брата звучал мягко, – нет ли чего-нибудь такого, о чем ты хотела бы мне рассказать?

– Не уверена, что понимаю тебя, Лоуренс. – Энн постаралась, чтобы на ее лице ничто не отразилось.

– Нет ли чего-нибудь такого, – Лоуренс вопросительно посмотрел на сестру, – в чем ты хотела бы признаться? Исповедаться?

– У меня есть исповедник, Лоуренс.

– Но я священник, Энн. Я могу выслушать твою исповедь, если пожелаешь.

– Но я не желаю, Лоуренс.

Она заметила, как по лицу иезуита скользнула тень раздражения. И как будто на мгновение вернулся Лоуренс ее детства – строгий, придирчивый. Никто, кроме сестры, не заметил бы этого. Но иезуит тут же взял себя в руки и продолжил:

– Как хочешь, Энн, конечно, как хочешь. Но позволь мне, как твоему любящему брату, сказать кое-что. Много лет назад я убедил тебя выйти за Уолтера вместо его брата. Ты это помнишь.

– Ты сказал мне: «Голова управляет сердцем – легче жить». Прекрасно помню.

– Ну а теперь я скажу кое-что другое. Я попрошу тебя, Энн, принять во внимание сердце – сердце твоего мужа. Ты не можешь оказаться настолько жестокой, чтобы разбить его. – Лоуренс говорил пылко, с чувством. Потом сделал паузу, его взгляд стал суровым. – На что бы ни соблазнял тебя дьявол, остановись. Отступи. Ты стоишь на дороге к вечному адскому огню, и если пойдешь по ней дальше, то ничего другого и не заслужишь. И потому молю тебя вернуться, пока не поздно.

Энн молча смотрела на брата. Конечно, она сразу поняла, что это Орландо известил его. Кое-что из сказанного Лоуренсом было правдой, но это ничего не меняло к лучшему, а Энн пока что и не пришла к тому самому решению. Но то, что Лоуренс затеял игру в старшего брата, раздражало Энн.

– В чем ты меня обвиняешь, Лоуренс? Говори прямо, – с угрозой произнесла она.

– Я не обвиняю...

– Рада это слышать, – холодно перебила она его. – А то уж, похоже, ты обвиняешь меня в предательстве по отношению к мужу.

В голосе Энн прозвучало ледяное презрение. Лоуренс был ошеломлен.

– И ты готова поклясться, – с отзвуком гнева в тоне потребовал он, – что между тобой и Брианом О’Бирном не происходит ничего недостойного?

– О’Бирн весьма любезно предложил Морису пожить у него, – твердо ответила Энн. – Это все. Что до твоих предположений, то они оскорбительны и наглы.

– Надеюсь, тебе можно верить.

– Ты назвал меня лгуньей? – Энн побледнела от ярости. – Убирайся из моего дома, Лоуренс! И не возвращайся, пока не научишься хорошим манерам! – Она резко поднялась и указала на дверь. – Убирайся немедленно! – приказала она.

Энн дрожала от гнева. Ее брат, точно так же взбешенный, встал и собрался уходить.

– Ты дурно обошлась со мной, сестра, – сказал он и вышел из гостиной.

После ухода иезуита Энн долго еще стояла с вызывающим видом. Можно подумать, она та самая девочка, что влюбилась много лет назад! Как он посмел читать ей лекцию? И обвинять в чем-то, чего она не делала? Как он посмел назвать меня лгуньей?!

В таком случае, в злости подумала Энн, я могу преспокойно делать что хочу.

И она еще пребывала в том же настроении, когда чуть позже приехал Бриан О’Бирн.

Вскоре после визита семьи Смит в сентябре Орландо признался жене в своих страхах насчет Энн и О’Бирна.

– Просто поверить не могу, что моя сестра способна на такое, – сказал он, качая головой. Мэри тоже была поражена, но, наверное, не так сильно, как ее муж.

Есть роман между Энн и Брианом или нет, Мэри это не слишком взволновало, но ее мысль заработала в другом направлении. Прежде всего она подумала о том, что уже в течение многих лет время от времени приходило ей в голову. И как-то вечером в начале октября, когда они с мужем сидели рядом у камина, она тихо сказала:

– Орландо, ты должен иметь наследника. Ведь совершенно ясно, у меня детей не будет.

– У меня есть ты, Мэри. Этого достаточно для любого мужчины, – ответил он с нежностью.

– Ты очень добр, что так говоришь. Но мне бы хотелось, чтобы у тебя был наследник. – (В комнате стало очень тихо, только слегка шипел огонь.) – Ты мог бы завести ребенка от другой женщины, а я воспитаю его как родного. Он будет Уолшем, и ты оставишь ему поместье. Я ничего не имею против. – Мэри вздохнула. – Вообще-то, скажу тебе, давно нужно было это сделать.

Орландо уставился на нее во все глаза.

– Ты удивительная женщина, – наконец сказал он.

Мэри покачала головой. А ее муж, в своей бесконечной доброте решив, что она нуждается в утешении, воскликнул:

– Если ты воображаешь, будто я мог бы подумать о другой женщине, кроме тебя, Мэри, то сильно ошибаешься! Во всем мире нет для меня никого, кроме тебя.

– Я говорила о ребенке, Орландо.

– Мы должны склониться перед Божьей волей, Мэри, – ответил Орландо. – Если мы этого не сделаем, наша жизнь не будет иметь смысла.

Он подошел к жене, взял ее руку и горячо поцеловал, благодарный за то, что она предлагает ему такую жертву.

В следующее воскресенье они вместе отправились на мессу в Мэлахайд, и Мэри показалось, что Орландо молился с особым пылом. А днем он один отправился в Портмарнок.

В общем, хотя Мэри и тронула доброта мужа, ей он ничем не смог помочь.

Энн и О'Бирн были очень осторожны. У О'Бирна имелся один друг-торговец, чей большой дом, разумеется, стоял неподалеку от рынка, западного, где обычно бывало множество людей. Прогулявшись по рынку и сделав несколько мелких покупок, Энн могла проскользнуть в этот дом, не привлекая ничего внимания. И если весьма уважаемая супруга торговца Уолтера Смита уходила днем на несколько часов, а вернувшись, замечала, что после рынка навестила какую-то бедную женщину или зашла в церковь, ни у кого и мысли не могло возникнуть о чем-то другом. С октября 1637 года и до следующей весны О'Бирн множество раз ездил в Дублин, обычно на два или три дня, и каждый раз они с Энн встречались и занимались любовью днем, не возбуждая ни малейших подозрений. Однажды О'Бирн встретил на улице Орландо, расспросил его о семейных делах и абсолютно правдиво сказал, что у него, к сожалению, нет времени, чтобы заглянуть к Смиуту. Дважды он видел и Уолтера, и тот тепло приветствовал Бриана и приглашал зайти. Каждый раз у О'Бирна находился предлог, чтобы отказаться, но в то же время он не забывал напомнить:

– Я все жду, когда вы пришлете ко мне юного Муириша. Присылайте на неделю, на месяц, на год – как вам захочется.

Для О'Бирна все это было волнующим приключением. И в особенности ему доставляло удовольствие то, что, преодолев первоначальную застенчивость, Энн превратилась в пылкую и изобретательную возлюбленную. А для Энн, так долго ждавшей, это стало самым страстным романом в ее жизни.

Но их любовная связь была ограничена условиями. Она могла быть только тайной, все происходило за закрытыми дверями. Возлюбленные не могли выйти вместе на улицу, не могли даже провести вместе ночь. Но Энн не слишком это беспокоило.

– Единственное другое место, где я хотела бы оказаться вместе с тобой, – это горы над Ратконаном, – заявила как-то она. – И я мечтаю, чтобы такое осуществилось.

Но хотя придумать предлог для поездки в горы было возможно, Энн тем не менее не представляла, как бы такое могло случиться. Однако весной совершенно неожиданно подвернулась возможность.

В конце марта, после бесконечных просьб Мориса, Уолтер наконец согласился, чтобы его сын отправился к О'Бирну на месяц. Энн видела, что в последнее время муж чересчур занят делами. Иногда он выглядел слегка подавленным, хотя и уверял жену, что поводов к тревоге нет. И еще он похудел. Когда Энн заговорила об этом, Уолтер с грустной улыбкой отметил, что в его возрасте другого и ждать не приходится.

– Мой отец был точно таким же, – сказал он.

Энн не сочла это убедительной причиной, но промолчала. Уолтер также заставлял сына очень много работать, и потому Энн была приятно удивлена, когда он вдруг позволил Морису уехать.

Они с О'Бирном обсудили возможность Энн проводить Мориса и остаться в Ратконане на несколько дней, но в итоге решили, что это могло бы вызвать подозрения.

– Я совсем не хочу, чтобы ко мне снова явился Лоуренс, – заявила Энн.

Поэтому О'Бирн сам приехал за Морисом и отвез его в Ратконан.

– Мне не следует ездить в Дублин, пока юноша у меня, – сказал Бриан возлюбленной.

Однако за неделю до того, как Морис должен был вернуться домой, к Смитам прискакал один из пастухов О'Бирна с сообщением, что Морис сломал ногу и его отъезд из Ратконана придется отложить.

– Думаю, Уолтер, я должна поехать к нему! – заявила Энн, и муж не мог с ней не согласиться.

Взяв с собой конюха, Энн вместе с тем пастухом отправилась в Ратконан.

Приехав, она обнаружила, что ее сын пребывает в отличном настроении. Он, правда, стоял, держась за большую скамью в зале, а нога его была закована в лубки.

– Я как последний дурак поскользнулся на камне в горном ручье! – сообщил Морис матери. – Но я в порядке.

Однако О’Бирн был неумолим.

– Муиришу необходим полный покой еще неделю, – заявил он. – Я не хочу, чтобы он остался хромым.

Похоже, главная проблема состояла в том, чтобы удержать младших детей Бриана и не дать им виснуть на Морисе.

Наедине О’Бирн сказал Энн:

– Вообще-то, я не уверен, что нога сломана. Возможно, просто сильное растяжение. – Он усмехнулся. – Но я подумал, что это может быть поводом для твоего приезда.

Энн отослала конюха обратно в Дублин с докладом Уолтеру о состоянии сына. Оставшись в Ратконане, она включилась в местный распорядок жизни. Днем она могла сидеть с Морисом и читать ему или еще как-то развлекать сына. Вечером О’Бирн обычно играл с юношей в шахматы. А ночью Морис спал в кухне, где за ним присматривал повар, а его мать спала наверху, в гостевой комнате, в которую, когда все засыпали, О’Бирн мог потихоньку пробраться. Один раз, когда Энн высказала опасение, что их страсть производит слишком много шума, Бриан тихо засмеялся:

– Уверяю тебя, сквозь эти каменные стены никакой звук не просочится. Хоть лев тут рычи.

Днем Энн время от времени отправлялась на прогулку, чтобы размять ноги, но поскольку у О’Бирна имелось немало дел, она редко видела его. Однако на четвертый вечер Бриан сообщил ее сыну:

– Муириш, завтра мы переводим скот в горы. Жаль, что ты не можешь к нам присоединиться.

– А мне можно? – спросила Энн. – Я всегда хотела подняться на склоны.

О’Бирн с сомнением посмотрел на Мориса:

– Да, но мы должны быть уверены, что Муириш не будет двигаться.

Морис улыбнулся. Было ясно, что он относится к О’Бирну как к любимому дядюшке.

– Я могу отвечать за свою безопасность, если повар сумеет удержать твоих детей в стороне, – со смехом сказал он.

И в результате было решено, что Энн на целый день уйдет с пастухами в горы.

Следующее утро выдалось восхитительно теплым. Почти майским. Коровы неторопливо отправились в путь, а пастухи покрикивали на них и время от времени подгоняли палками, чтобы те не разбрелись по сторонам. И хотя вышли они рано, стоял уже почти полдень, когда стадо добралось до верхнего пастбища. Но Энн наслаждалась каждым мгновением. Вокруг раскинулось необъятное высокое плоскогорье. Небо было ярко-синим. Вид на далекую прибрежную равнину изумлял. А прямо под ними горные ручьи мчались к густо поросшим лесом склонам.

После небольшого отдыха часть пастухов возвращалась обратно, и О’Бирн спросил Энн, не хочет ли она вернуться с ними.

– Я бы предпочла еще побыть здесь, – ответила она.

Какое-то время О’Бирн провел со стадом, пока не убедился, что все в полном порядке, а потом, повернувшись к Энн на глазах у оставшихся мужчин, заметил:

– Отсюда прекрасная дорога к Глендалоху. Не хотите увидеть его?

– А вы как думаете? – спросила Энн пастухов.

– О да, очень красивая дорога. Стоит того, чтобы пройти туда, – ответили ей.

И вот, сообщив пастухам, что вскоре вернется, О'Бирн вежливо повел Энн по тропе, уходившей на юг. Он шел довольно быстро, однако Энн без труда поспевала за ним. Но вот они оказались вне поля зрения пастухов, и Бриан немного замедлил шаг и положил руку Энн на талию, и дальше они пошли в обнимку.

Когда они брели по открытым пространствам и по извилистым лощинам, Энн впервые в жизни чувствовала себя необыкновенно счастливой. Впереди виднелись горы, теплые солнечные лучи согревали ее лицо. Энн испытывала восхитительное ощущение от прикосновения руки Бриана к ее талии... и была невероятно свободной и уверенной. Все это пьянило. Она радостно засмеялась, а немного погодя что-то пробормотала, сама того не осознав, и была весьма удивлена, когда О'Бирн спросил, что она имела в виду.

– Ты сказала: «Сердце правит головой», – пояснил он.

– Я так сказала? – Энн снова засмеялась. – Да просто мой брат Лоуренс говорил это однажды. Но он ошибался.

Энн никогда еще так не радовалась жизни.

Они прошли пару миль и наконец добрались до места. Изгиб лощины естественным образом образовывал некое маленькое травянистое укрытие около горного ручья, защищенное еще и окружавшими его деревьями и камнями. Не дожидаясь О'Бирна, Энн подобралась к самой воде. Постояв там немного, она сняла туфли и шагнула в ручей. Вода оказалась холоднее, чем она ожидала, и, когда Энн вышла на берег, ступни слегка покалывало от холода. Энн смеялась. Она сделала несколько шагов к укрытию среди камней. Босыми ногами она ощущала траву. О'Бирн сидел на камне чуть выше и наблюдал за ней.

Энн чуть отвернулась. Расстегнуть пряжку на плече было совсем нетрудно. И через мгновение ее одежда уже упала на землю. Энн глубоко вздохнула, ощущая ласку ветерка на обнаженной груди. И закрыла глаза. Теплый воздух нежно касался ее спины, ног, каждой клеточки ее тела. Энн слегка вздрогнула, а потом повернулась, чтобы посмотреть на О'Бирна. Он все еще неподвижно сидел на камне, глядя на нее. Энн улыбнулась.

– Не спустишься оттуда? – спросила она.

– Пожалуй, могу. – Он легко соскользнул с камня.

Бриан был сильным, думала она, но при этом гибким, как кошка. И вот он уже стоит перед ней. Энн почуяла легкий запах пота на его груди.

– Должна ли я и тебя раздеть? – игриво спросила она, и Бриан улыбнулся:

– А тебе хочется?

– Хочется, – призналась Энн.

Ей никогда прежде не приходилось заниматься любовью на открытом воздухе. Твердая земля под ней казалась приятной, как и длинные стебли травы, что грубовато прижимались к ее коже, оставляя на ней длинные вмятинки и небольшие зеленые пятна. Запах травы впитался в ее волосы, а журчание ручья звучало как музыка. Один раз, перекатываясь по земле, любовники чуть не свалились в воду, и Энн расхохоталась. Впервые она ощущала себя настолько переполненной жизнью. Они провели там более получаса, лаская друг друга.

Потом они двинулись в обратный путь. Энн казалось, что здесь, в огромных диких просторах гор Уиклоу, в ней что-то изменилось, как будто в этот день ее оставило чувство потери, терзавшее столько лет, и она вновь стала свободной и цельной.

Два дня спустя внимательный осмотр ноги Мориса удовлетворил всех. Хотя лодыжка была сильно растянута и даже порвана мышца, перелома все-таки не было. И потому, проведя последнюю ночь с возлюбленным, Энн с сыном собрались возвращаться в Дублин.

– Я приеду в Дублин через три недели, – наедине с Энн пообещал ей Бриан.

– Не знаю, как проживу без тебя так долго, – ответила она.

И всю дорогу с высот Уиклоу к долине Дублина Энн благодарила судьбу за то, что нашла О'Бирна и что ее муж ничего не знает.

В жаркий июльский день лета 1638 года Уолтер Смит совершил некое открытие.

Возвращаясь с почты на Касл-стрит, где отправлял письмо одному купцу в Лондон, он встретил Орландо. Почта была одной из тех новинок, которые Уэнтуорт ввел в Дублине во время своего жесткого правления. Другими новинками стали фонари, освещавшие теперь темные улицы старого Дублина по ночам, а недавно появился и театр. Однако грубые манеры лорда-наместника успели к этому времени оскорбить почти всех, а его попытки наложить лапу на огромные земли в Ленстере и Голуэе почти не оставили ему друзей среди старых англичан-католиков, так что Уолтер Смит был немало удивлен, когда его родственник, зашагав рядом с ним, бодро заметил, что политическая ситуация улучшается.

– Как это? – поинтересовался Уолтер.

– Я думаю о Шотландии, – произнес Орландо, как будто это было совершенно очевидно.

Вот только Уолтер так не считал.

Для большинства англичан последний год работы королевского правительства стал настоящим бедствием.

Для короля Карла было вполне характерно то, что он не понимал даже ту страну, из которой вышла его семья. Шотландцы вполне ясно дали понять его бабушке, королеве Марии Шотландской, что желают иметь Пресвитерианскую церковь. И потому истинным безрассудством было воображать, будто они примут теперь те англиканские службы, которые насаждались в Англии и Ирландии. А король Карл именно это и пытался сделать. Если доктор Пинчер был ошеломлен папистскими службами в соборе Христа, то шотландцы пришли в ярость, когда король приказал проводить такие же службы и в их стране. В соборе в Эдинбурге произошел бунт, и вся Шотландия сопротивлялась. Но Карл был глух к этим искренним протестам. Ведь он король, а значит, прав во всем. К весне 1638 года в Шотландии возникло мощное движение протеста, в котором участвовали все жители, от богатейших аристократов до самых скромных рабочих. В итоге были созданы Торжественная лига и Ковенант, религиозно-политическое объединение, – и Шотландия окончательно вышла из-под контроля. Теперь король Карл пытался собрать армию, чтобы отправиться походом на север, против сторонников Ковенанта.

– Ты разве не видишь, что это может оказаться для нас хорошей новостью? – сказал Орландо. Прежде всего, объяснил он, это может вынудить английское правительство отвернуться от пуритан, а сюда входит и пресвитерианство, и таких шотландцев немало в Ульстере. – Король может пожалеть, что он вообще создал в Ирландии протестантские колонии.

Кроме того, подчеркнул он, у короля может возникнуть настоящая благодарность к солидной поддержке Английской католической церкви в Ирландии.

– Пришло время, Уолтер, когда старые англичане должны напоминать королю, причем как можно чаще, что мы его преданные друзья.

– Ты веришь, что он может даровать нам больше уступок?

– Ты не понял мою мысль до конца, Уолтер! – воскликнул Орландо. – Я имел в виду куда большее. Вполне возможно, если эти неприятности с протестантами продолжатся, король может даже снова вернуть власть в Ирландии нам, старым англичанам. Старым семьям сквайров, которым он может доверять. – Орландо улыбнулся. – Мы, католики, можем снова получить власть в Ирландии, если правильно разыграем свои карты.

Уолтеру показалось, что его родственник излишне оптимистичен. Но знать наверняка было невозможно. Орландо вполне мог оказаться прав.

Они дошли до огороженного двора собора Христа.

– Зайдешь к нам сегодня? – спросил Уолтер.

– Хотел бы. Но у меня назначена встреча, – ответил Орландо.

– Ну, тогда передам твой привет сестре, – сказал Уолтер.

– Да. Конечно передай, пожалуйста, – быстро произнес Орландо.

Уолтер не спеша направился к дому. Думал он о том, что за последний год немного прибавил в весе. Но нельзя сказать, чтобы ему это не нравилось. Наоборот, некоторый жирок на теле он ощущал как утешительное явление. Иногда, сидя в одиночестве, он чувствовал, что его тело как бы подрастает, становится ближе к нему, словно некий друг, и, как и положено доброму другу, защищает его от нападок жестокого мира.

Ему было жаль, что Орландо не смог зайти к ним, потому что любил брата жены. Но Уолтер не был удивлен. Он давно уже заметил, что Орландо испытывает странное нежелание встречаться с Энн. Если его приглашали в гости, он находил какие-нибудь отговорки, как сегодня, и обещал, что скоро к ним зайдет. А когда все-таки приходил, то, хотя и приветствовал сестру поцелуем, все же в его обращении с ней чувствовалась некая сдержанность. А иногда, сам того не желая или думая, что Уолтер ничего не замечает, Орландо посматривал на него с жалостью или беспокойством, а если они просто сидели молча, Уолтер ощущал неловкость в этом молчании. И Лоуренс тоже держался как-то осторожно, прячась, как под маской, за иезуитской любезностью.

Что ж, это было вполне понятно. Они ведь думали, что он ничего не знает.

Но он знал. Он знал почти с самого начала. Он отлично помнил тот вечер (казалось, это был невероятно давно), когда заметил на себе задумчивый взгляд жены. Возможно, ничего странного в том не было. Но Уолтера поразило другое: в ее взгляде не было недовольства или враждебности; она как будто изучала его, рассматривала издали. Может быть, гадала, как бы он отреагировал на то или другое? Или оценивала какие-то черты его характера? Так она могла бы смотреть, если бы сравнивала его с кем-нибудь или пыталась понять, какие чувства к нему испытывает. Конечно, особо размышлять об этом даже и не стоило. Но что бы ни таилось на уме у Энн, ее взгляд заставлял предположить: она втайне отдалилась от него, между ними возникла сдержанная холодность.

Уолтер это заметил, но ничего не сказал. Да и что он мог сказать? Но в последующие дни и недели он наблюдал. И увидел.

Осторожный взгляд в зеркало на свою фигуру, хотя это незачем было делать для мужа. Мгновенное выражение нетерпения в глазах в ответ на что-нибудь сказанное им, а ведь раньше даже если Энн и чувствовала нечто подобное, то никогда этого не показывала. Иногда она как будто улетала куда-то в мыслях. В другие дни все ее тело буквально сияло. А потом Уолтер обратил внимание на странное поведение Лоуренса и Орландо. Но даже тогда он не мог поверить в подобное. До того самого дня, когда он пошел следом за женой на западный рынок и увидел, как она вошла в какой-то дом и не вышла обратно. К вечеру он уже знал, что она встречалась с О'Бирном.

Но даже после этого он далеко не сразу поверил. Его любящая, добродетельная жена ведет себя подобным образом? Несколько дней он пребывал в некоем оцепенении, в состоянии немого ошеломления. Должно быть, выглядел он ужасно, потому что как-то раз, вернувшись днем, Энн удивленно посмотрела на него и с тревогой и нетерпением спросила:

– Ты заболел? Ты похож на привидение!

Он ответил, что просто очень устал и все это ерунда, и даже сделал вид, будто раздражен из-за какой-то путаницы в делах. После этого он старался не показывать своих чувств. Он еще не был готов к столкновению, но заставил себя рассмотреть ситуацию как можно более бесстрастно.

Собиралась ли его жена бежать с О'Бирном? Или, если он затронет эту тему, может ли она так поступить? Так Уолтер не думал. Энн проявляла всю возможную осмотрительность и осторожность. Едва ли она хотела навлечь бесчестье на себя и своих детей, в особенности на Мориса, который пока еще жил дома. И все же, напоминал себе Уолтер, раньше он и представить не мог, что жена на такое способна. Мог ли он положить конец этой истории, дав знать, что ему все известно? Может быть. Но как бы ни воспринимала эту связь его жена, О'Бирн был

достаточно молод и наверняка вскоре женится. Для О'Бирна, по мнению Уолтера, встречи с Энн были просто промежуточным эпизодом. А что потом? Уолтер останется с женой, которая с трудом будет терпеть его. Большинство мужчин выбрали бы именно этот вариант, полагал Уолтер. Однако для него все выглядело не так просто.

Он любил жену, однако никогда не забывал о том, что сначала Энн влюбилась в Патрика, его брата. И все эти годы он старался быть хорошим мужем, чтобы Энн смогла полюбить и его. Уолтеру казалось, что ему это удалось. Она ведь говорила, что он сделал ее счастливой. И вот теперь, похоже, он все-таки не сумел добиться ее любви, потерпел неудачу, а она, по доброте душевной, должна была все время скрывать, что совсем не любит его так же, как он любит ее. И как она все это выносила?

Безусловно, виноват только он сам. Она ведь не взбалмошная женщина. Тут и думать нечего. Порядочная и добрая. Она представляла собой все то, что должна представлять собой жена и мать. И Уолтер любил ее страстно. Вот только она, похоже, так и не полюбила его. И от этого Уолтер испытывал боль куда более сильную, чем ему по силам было вынести.

И ведь не с кем об этом поговорить. Из семьи его отца уже никого не осталось. И конечно же, он даже заикнуться о таком не мог кому-нибудь из детей. Бесчестить мать в их глазах? Никогда! Родные Энн явно все знали. Какой он муж, если явится в слезах к родным жены, когда она ему неверна? Для этого Уолтер был слишком горд. Нет, ему приходилось в одиночку переживать и свою боль, и свой гнев.

Потому что гнев все-таки оставался. Гнев мужчины, над которым посмеялись: посмеялась его собственная жена, посмеялся О'Бирн. И даже в каком-то смысле над ним насмеялись Лоуренс и Орландо, потому что они знали. И гнев слегка остужал любовь Уолтера. Правда, история пока не стала всеобщим достоянием. В этом Уолтер был уверен. Братья Энн могли знать, но вряд ли им захотелось бы выдать постыдную тайну сестры. А в семье О'Бирна кто-нибудь знал об этом? Скорее всего, нет. И если догадка Уолтера верна, О'Бирн и дальше будет осторожен. Ведь если история выйдет наружу, если об этом узнает весь Дублин, а значит, и его дети тоже, то, как бы ни любил Уолтер жену, ему придется прогнать Энн из дома. В этом Уолтер был полон решимости.

А если все останется в тайне, что тогда? Есть ли у него хоть капля надежды? Когда история подойдет к концу – а это непременно произойдет – и Энн вернется к своей прежней жизни, что ему делать тогда? Как он будет себя чувствовать? Возможно ли, что Энн будет испытывать к нему хоть каплю любви? Или хотя бы проявит некоторую гибкость? Потому что он этого заслуживал. Уолтер подумал и об этом. Наверное, с ее стороны хватило бы и слов, но слов искренних.

Вообще-то, такое было уделом жены: ждать возвращения сбившегося с пути мужа, но Уолтеру известны и случаи, когда роли менялись. И потому пока, ради их семьи, он сделал вид, будто ни о чем не догадывается. Их семейные отношения кое-как продолжались, но если Уолтер, ложась спать, говорил, что слишком устал, Энн ничего не имела против. И жизнь шла тихо и спокойно, как всегда. Иногда, когда Уолтер лежал рядом с женой в постели, ему казалось, что от ее кожи пахнет другим мужчиной... или от ее волос? Но он закрывал глаза и делал вид, что заснул.

Уолтера оскорбляла и еще одна вещь – любовь Мориса к О'Бирну. Конечно, Уолтер прекрасно понимал, почему мальчик так очарован. Красивый ирландец, с такими же зелеными глазами, действительно представлял собой необычную личность. И Уолтер с горечью думал: О'Бирн кажется его сыну куда более интересным, чем собственный отец. Даже это О'Бирн отнял. И последней уступкой Уолтера стало то, что он позволил сыну поехать к О'Бирну. Мальчик тоже хочет меня бросить, думал он. И что я могу поделать? Разве я могу его винить?

Но когда Энн отправилась за сыном в горы под вполне благовидным предлогом, Уолтер едва не лопнул от досады и сдержался лишь потому, что понимал: если он начнет слишком

уж возражать, то не сможет сдержаться и скажет, что знает всю правду. Однако поездка жены стала последним ударом. Да, он мог хранить молчание ради семьи, но уже не был уверен, что после возвращения жены будет в состоянии возобновить их супружеские отношения.

И все же он продолжал кое-как влачить существование. Занимался делами, а в конце дня сидел в своем кресле в гостиной и чувствовал, как его тело наращивает новые слои, чтобы смягчить болезненные уколы. В глазах жены он оставался тихим и мягким. Иногда Уолтер наблюдал за ней и думал: поймет ли она когда-нибудь, что он все знает? Вот только в этом была некая загадка. Энн не видела, поскольку не желала видеть. А не желала она видеть, поскольку ей было наплевать. А наплевать ей было потому, что она любила другого. Вот таким стал круговорот жизни Уолтера, и он продолжал полнеть.

В доме было тихо, когда он вернулся. Слуги хлопотали на кухне. Ни Энн, ни сына дома не оказалось. Обычно в таких случаях Уолтер устраивался в своем кресле и иногда немножко дремал, но после разговора с Орландо сна у него не было ни в одном глазу, а потому, ища себе занятие, он решил подняться на чердак и просмотреть документы гильдии, которые хранились там в сундуке. Уже несколько лет Уолтер собирался их разобрать, но все руки не доходили. Слегка пыхтя, он поднялся по лестнице.

Чердак был довольно просторным. Его потолок был обшит досками, и тут было сухо и тепло даже зимой. Большую часть старых счетов гильдии забрал Уэнтуорт, чтобы передать новой гильдии, протестантской, недавно созданной. Но Уолтер сумел сохранить кое-что и вовсе не собирался все это отдавать. Большой, обитый медными полосами сундук стоял в середине помещения на полу, и Уолтер аккуратно отпер три замка тремя разными ключами. Здесь хранились бумаги еще его отца, и Уолтер как будто прикоснулся к некой средневековой тайне.

В дальнем конце чердака было закрытое ставнями окно. Уолтер распахнул ставни, и внутрь полился солнечный свет, затем подтащил сундук к треугольному пятну света и, сев рядом с ним прямо на пол, начал доставать бумаги.

Как и ожидал Уолтер, большинство бумаг содержали в себе записи о разных мелких событиях: о небольших выплаченных суммах, о контрактах с мастерами на ремонт часовни и надгробий... В общем, ничего интересного. Однако, зарываясь в документы все глубже, он добрался до очень старых бумаг, относящихся ко времени правления Елизаветы, католички Марии, короля-мальчика Эдуарда IV. В тот период, как свидетельствовали документы, некая чаша и какое-то количество церковных подсвечников, принадлежавших гильдии, а также другие ценные предметы культа были отправлены на хранение в надежное место на тот случай, если протестанты попытаются ими завладеть. Добравшись до периода правления Генриха VIII, Уолтер обнаружил документ совсем другого рода. Это был лист плотной бумаги, аккуратно сложенный и запечатанный красной восковой печатью, которая явно никогда не нарушалась. Уолтер поднес документ поближе к свету. Похоже, печать принадлежала кому-то из семьи Дойл. Снаружи крупными буквами почерком, показавшимся Уолтеру смутно знакомым, было написано:

ПОКАЗАНИЯ МАСТЕРА МАКГОУЭНА ОТНОСИТЕЛЬНО ПОСОХА

Уолтер гадал, что бы это могло означать. Что за посох? Видимо, некий предмет, принадлежавший гильдии. А Макгоуэн, конечно, был каким-то дублинским торговцем или мастером. Но что бы это ни было, это казалось достаточно важным, чтобы запечатать документ. Конечно, многие письма и документы запечатывались. И все равно дело могло оказаться интересным. Уолтер повертел бумагу в руках.

Должен ли он сломать печать? А почему бы и нет? Он хранитель этого сундука, а документу явно не меньше ста лет. Он просунул палец под край печати.

– Уолтер?

Он обернулся и удивился тому, что не услышал, как жена поднялась по узкой лестнице. Энн стояла у входа и с любопытством смотрела на мужа.

– Дверь на чердачную лестницу была открыта, – пояснила Энн. – Вот я и подумала, почему бы это. Что ты здесь делаешь?

– Просто разбираю старые документы.

Год назад он бы сразу продемонстрировал ей найденный документ. А теперь просто уронил его обратно в сундук.

– А что? Ты меня искала?

– Да.

Энн заколебалась, внимательно глядя на него, и на мгновение Уолтеру показалось, будто это тот самый взгляд, который он заметил в тот день, когда догадался, что между ними не все хорошо. Энн смотрела изучающе. Но потом Уолтер заметил и кое-что еще. Энн пыталась это скрыть, но не слишком успешно. Это был страх.

– И зачем бы? – мягко спросил он.

– Спустимся в гостиную. Можно и там поговорить.

Уолтер не тронулся с места.

– Что, плохие новости?

– Нет. Думаю, не плохие. – Энн улыбнулась мужу, но страх из ее глаз не исчез. – Новости хорошие, Уолтер.

– Так скажи прямо сейчас.

– Пойдем вниз.

– Нет. – Уолтер ответил мягко, но твердо. – Мне тут нужно еще кое-что сделать. И я бы предпочел, чтобы ты сказала прямо сейчас.

Энн помолчала.

– У нас будет еще один ребенок, Уолтер. Я жду маленького.

Это была большая радость, когда в конце января 1639 года Энн Смит благополучно разрешилась от бремени мальчиком. Все родственники явились с поздравлениями. Дочери Энн приезжали почти каждый день несколько месяцев подряд. Они были в восторге и удивлении оттого, что их родителям выпала такая удача после многих лет, и они постоянно беспокоились о здоровье матери, а заодно и немножко поддразнивали отца, шутя насчет его неизменной плодовитости... Он воспринимал все с веселым видом.

Прошлым августом Уолтер отправился повидать Лоуренса и долго и откровенно разговаривал с ним.

– Это нужно ради чести твоей сестры, – закончил он, – и ради наших детей, и ради моего собственного достоинства.

И иезуит не без восхищения согласился с ним.

После того разговора и Лоуренс, и Орландо стали регулярно навещать Смитов. Видя этот единый семейный фронт, никто бы и не подумал, по крайней мере в Дублине, что дитя в добродетельной утробе Энн Смит может принадлежать кому-либо, кроме ее мужа.

А для Энн месяцы ее беременности были странной смесью радости и одиночества. Весь спектакль начался с того первого разговора с Уолтером на чердаке. Энн пришлось немного прогуляться сначала, чтобы подготовиться к роли, которую она должна была сыграть.

– Наверное, это случилось в апреле, перед тем как Морис ушиб ногу, – сказала она.

– А-а... – Уолтер внимательно смотрел на сундук перед собой. На его лице не отражалось ни удовольствия, ни боли. – Да, вполне возможно.

Он вообще не смотрел на жену. Медленно, почти с отсутствующим видом, он вернул документы в сундук. Потом тщательно запер по очереди все три замка. И только после этого

поднялся на ноги и посмотрел прямо в глаза Энн, и этот ужасный взгляд сразу дал ей понять, что муж все знает. И под этим взглядом она задрожала.

– Дети обрадуются, узнав, что у нас будет еще один ребенок, – очень тихо произнес Уолтер.

Это был одновременно и акт милосердия, и приказ, и Энн не могла понять, то ли она испытала облегчение, то ли в ее сердце вонзился нож. Вполне заслуженно. И пока муж смотрел на нее сверху вниз, Энн думала: «Боже мой, но он просто страшен! Страшен и справедлив. Им стоит восхищаться».

И она восхищалась мужем. Но ничего не чувствовала. Она понимала, как никогда прежде, насколько он был хорошим и благородным человеком. И ничего не чувствовала. Она могла думать только о Бриане О'Бирне. Это ведь был его ребенок. Никаких сомнений у Энн не было.

Все то время, пока ребенок рос в ее животе, она тосковала по О'Бирну. Энн мысленно видела Бриана в его доме высоко в горах. Как ей хотелось быть с ним, ощутить его руки на своем животе, чтобы он познакомился с новой жизнью, разделил ее счастье. Его отсутствие было подобно непрерывной ноющей боли. Энн очень хотелось написать ему. Выяснив, что можно воспользоваться услугами новой почтовой службы, она под видом делового письма отправила осторожно составленное сообщение, намекая, что надеется на его скорый визит в дом Смита-торговца. А потом стала ждать.

Сердце управляет головой. Так сказал Лоуренс. Она никак не предполагала, что ей придется вынести терзания разлуки и неуверенности. И все же, говорила она себе, она все равно поступила бы так же, потому что роман принес ей свободу, а ее жизнь наполнилась новой радостью. Конечно, Энн теперь видела всю иронию ситуации: радость досталась ей лишь благодаря любезной доброте мужа. Она тут была ни при чем. Жизнь такая, какая она есть. И больше сказать нечего.

Наконец Бриан появился, вместе с Морисом. О'Бирн весьма умно выжидал в городе в таком месте, где, как он знал, должен был проходить ее сын. И Морис, завизжав от радости при виде О'Бирна, тут же потащил его к ним домой. Когда они с Энн на несколько мгновений остались наедине, она напонила:

– Ребенок твой. Я знаю. – (И он улыбнулся.) – Я так мечтала сбежать с тобой. Сбежать в горы, как в старой Ирландии.

– Да, ты могла бы. – Бриан тихо рассмеялся. – Ты бы так и поступила, если бы было можно. Думаю, ты еще более дикое существо, чем я.

– Может, и сбегу, – сказала Энн.

Он нежно погладил ее волосы:

– Тебе лучше здесь.

– Ты любишь меня? – Энн с сомнением посмотрела на Бриана.

– Неужели у тебя такая короткая память? – Он продолжал гладить ее волосы.

– Я теперь становлюсь такой огромной.

– Ты прекрасна! – произнес Бриан с искренним чувством, а потом тихо добавил: – Ты невероятно красива, и ты это знаешь. Невероятно красива!

Они услышали, как в дом входит Уолтер. О'Бирн коснулся губами щеки Энн и вышел из комнаты. Затем в коридоре раздались мужские голоса: Бриан, как положено, поздравлял Уолтера. Муж ответил негромко, но решительно:

– Она теперь останется со своей семьей.

И Энн поняла: больше О'Бирну нельзя будет прийти в их дом.

Ты так прекрасна! Слова, по сути не имевшие особого смысла, наполнили Энн радостью и покоем на много недель вперед.

Когда ребенок родился, вокруг него началась настоящая суета. Особенно Морис не мог удержаться и то и дело прибегал посмотреть на малыша и проверить, будут ли у него зеленые глаза.

– У младенцев глаза часто бывают голубыми, – объяснила ему Энн. – Сначала нельзя понять, какой их настоящий цвет.

Но глаза крохотного мальчика не были зелеными. Они оставались голубыми.

И только какое-то время спустя после его рождения Энн стала замечать неладное.

Если бы лорд-наместник Уэнтуорт весной 1639 года окинул взглядом находившуюся под его попечительством Ирландию, то вполне мог бы почувствовать удовлетворение. И в самом деле, он, без сомнения, сделал все то, что хотел сделать.

Правда, колонии вовсе не были похожи на те упорядоченные протестантские колонии, какими им следовало быть. А те, что предполагалось создать в Голуэе, не были и начаты. А если бы Уэнтуорт зашел в дом какого-нибудь торговца или ремесленника в Дублине или к кому-нибудь из сквайров в округе, то, пожалуй, нашел бы у них оскорбительные памфлеты на себя самого. Но это вообще был век памфлетов. А поскольку Уэнтуорта одинаково ненавидели и католики, и протестанты, ему было на них наплевать. Он вовсе не искал популярности. Его интересовала только добыча денег для короля. И порядок.

– Я верю в обстоятельность, – любил повторять он. – В обстоятельность.

И он определенно доказывал это. В Ирландии его могли ненавидеть, но люди оставались запуганными, и на острове было тихо – тише, чем во многих других владениях короля.

А вот попытки короля Карла запугать шотландцев оказались безуспешными. В соответствии с Ковенантом к северу от их границы никакой папистской церкви быть не могло, и шотландцы крепко за это держались. Карл сначала бесился, потом попытался договориться. Но шотландцы бесстрастно наблюдали за его потугами.

– Он бы рад был принудить нас, только силенок не хватает, – вполне справедливо замечали они.

И крепко стояли на своем. Поэтому к весне 1639 года король Карл решил продемонстрировать силу. Он начал собирать войска и желал найти джентльменов, которые хотели бы их возглавить. Но это оказалось непросто.

В теплый апрельский день возле старой Деревянной набережной люди наблюдали за тем, как с корабля, вставшего на якорь, на лодках перебираются на берег пассажиры. И тут дублинцы заметили нечто удивительное: с потрясающей живостью из лодки на том самом месте, где сорок лет назад его нога впервые ступила на ирландский берег, выскочил доктор Симеон Пинчер. Он, как всегда, был одет в черное. Но теперь на голове доктора Пинчера вместо строгой пуританской шляпы, какую он всегда предпочитал, красовался мягкий головной убор из шерсти, который в будущем назовут тэм-о-шентером, или шотландским беретом. А когда лодочник, надеясь на чаевые, спросил: «Все в порядке, сэр?», доктор ответил бодрым голосом, который, как мог бы поклясться лодочник, принадлежал шотландцу:

– Ай, парень, все нормально.

Доктор Пинчер побывал в Шотландии.

Многие в Тринити-колледже сочли, что доктор Пинчер стал несколько эксцентричен. Но вреда в том никакого не было. Пожилым университетским преподавателям вполне дозволялось быть эксцентричными. Так что, когда доктор прошел через ворота колледжа к своей квартире, вид странного головного убора на его голове вызвал у студентов только улыбки. И если кальвинистский зачинщик, будораживший общину собора Христа в прежние годы, теперь выглядел вполне безобидным, то это всех устраивало.

Еще не дойдя до своего жилища, Пинчер отправил прислужника колледжа с двумя поручениями: первым было принести пирог от жены Тайди; вторым – найти молодого Фэйтфула Тайди и передать ему, чтобы пришел в квартиру доктора ровно в четыре часа. Едва войдя домой, Пинчер налил себе маленький стаканчик бренди и сел за письменный стол.

Фэйтфул Тайди, придя точно в назначенное время, тщательно следовал указаниям отца.

Как только доктор Пинчер прибыл в Тринити-колледж, он стал относиться к Фэйтфулу как к личной собственности. Молодой человек, все еще за глаза называвший ученого доктора Старой Чернильницей, в общем возражал против того, чтобы его использовали как посыльного, но отец посоветовал ему набраться терпения.

– Фэйтфул, как часто он зовет тебя?

– Ну, примерно раз в неделю.

– Это не так уж часто. Ты ему кое-чем обязан. Так что просто выполняй все... – Старший Тайди кивнул. – Может, он и стар, Фэйтфул, и уже не тот человек, что когда-то жил в Дублине, но никогда нельзя сказать заранее, не пригодится ли он тебе в случае чего, так что служи ему хорошенько.

Немного позже Фэйтфул явился к отцу с другой жалобой:

– Он заставляет меня носить письма в одно место рядом с собором Святого Патрика и оставлять их у двери.

– Ничего страшного.

– Письма всегда запечатаны. И адресованы какому-то мастеру Кларку.

– Ну и что?

– Я никогда этого человека не видел. Я просто оставляю там письма. Один раз я стал расспрашивать соседа, кем может быть этот мастер Кларк, а тот ответил, что понятия не имеет, что это за человек. На мой взгляд, что-то странное есть во всем этом деле. Мне бы хотелось как-нибудь подождать и посмотреть, кто забирает письма. Или даже сломать печать и прочесть письмо.

При этих словах старший Тайди сильно заволновался:

– Не делай этого, Фэйтфул! Это не твое дело. А если там кроется что-то подозрительное, то чем меньше ты будешь знать, тем лучше. – Он серьезно посмотрел на сына. – Ты просто доставляешь письма от доктора Пинчера из Тринити-колледжа. Ты ничего не знаешь об их содержании или о том, кто их получает. Ты ничего плохого не совершал. Понимаешь меня?

– Да, отец.

И как раз такое же письмо, возможно, к несуществующему мастеру Кларку Пинчер и вручил Фэйтфулу ровно в четыре часа в тот день, с приказом оставить письмо в обычном месте. Фэйтфул тут же ушел.

А доктор Пинчер встал, потянулся, налил себе вина и отрезал большой ломоть пирога. Он чувствовал себя довольным всем окружавшим его миром.

Его поездка в Шотландию была весьма успешной. Он ездил в Эдинбург и встречался там со множеством ученых проповедников, пасторов и пресвитерианцев-джентльменов. Ему понравились и люди, и место, и он даже думал: «Если бы в юности я приехал сюда, а не в Дублин!»

Вскоре ему стало ясно, что Ковенант, великое национальное соглашение, в котором поклялись шотландцы, был на деле весьма грозным инструментом. Король Карл мог отправиться на север с любыми силами, но шотландцы ничуть его не боялись.

– Бог на нашей стороне, – сказал доктору один джентльмен. – И численность тоже.

Пинчер также понял, что все эти джентльмены связаны с некоторыми пуританами в Англии. И королю нелегко было бы найти поддержку против шотландских сторонников Ковенанта среди своих английских подданных. И Пинчер вернулся в Дублин, еще более полный решимости продолжать собственную тайную войну.

Документ, который только что получил Фэйтфул, должен был попасть в руки третьего лица, которого звали вовсе не Кларком, а потом – анонимно доставлен к печатнику. И через несколько дней в Дублине, в колониях Ульстера и во многих других местах должен был появиться энергичный маленький памфлет. К концу жизни Пинчер открыл в себе литературный талант. И предметом его нападок был не кто иной, как сам лорд-наместник.

Грозил ли Пинчеру опасность, если бы его авторство оказалось раскрытым? Возможно. В Англии случалось даже такое, что бунтарским авторам отрезали уши. Но Пинчер прожил уже достаточно долгую жизнь, а поскольку личных амбиций у него осталось немного, ему было на все наплевать. Миссией всей его жизни было поддерживать чистое пламя кальвинистской веры в Ирландии и пуританизм, проповедовать Слово Божье, а также уничтожать папистское зло. Пинчер действовал достаточно осторожно: он не нападал на короля, но мог оскорблять – и оскорблял! – проклятого Уэнтуорта.

Но конечно же, все было на самом деле куда глубже и опаснее, и именно поездка в Шотландию в огромной мере ободрила доктора. Что, если пресвитерианцы в Ульстере, многие из которых были шотландцами, заключат такой же договор, как их родня за проливом? А если бы нашлись и другие, от могущественного графа Корка до пуритан в Дублине, и смогли бы нажать на правительство? Если удастся убрать Уэнтуорта, то дела пойдут еще лучше. Как такое могло бы случиться и к чему это привело бы, доктор пока не загадывал. Но общее направление было понятным. Божьи слуги уже на марше, и папистскому королю Англии рано или поздно придется отступить перед ними.

В тот вечер доктор написал письмо одному джентльмену-пресвитерианцу в Ульстере. Имя этого джентльмена сообщили Пинчеру в Шотландии. Закончив писать, доктор улыбнулся самому себе. Он собирался отправить это письмо через собственную новую почту Уэнтуорта.

Поначалу Энн не поняла. А ей бы следовало насторожиться сразу, когда Морис заметил: – Какое-то у него странное лицо.

А Уолтер взял малыша на руки и сказал:

– Да ведь он только что родился.

Она могла осознать, но в первом всплеске счастья видела только то, что хотела видеть. Остальные уже все поняли, но именно Уолтер решил, когда следует ей сказать, и сделал это сам, очень мягко, как только понял, что Энн уже готова.

– Энн, похоже, малыш... нездоров. – Он помолчал. – Неполноценен.

– Неполноценен? В чем? Как?

– Он будет дурачком.

На мгновение Энн отказалась ему поверить, но потом присмотрелась внимательнее и увидела правду: широкое лицо, скошенные глаза, плоский затылок. Монголоидные черты не оставляли сомнений. Энн и раньше видела подобных детей. В старые времена в некоторых странах, как она слышала, таких детей считали отпрысками оборотней и сжигали у столба. В Ирландии с ними чаще всего обращались добродушно. Но росли они медленно, никогда не достигали нормального роста, почти не говорили. И как правило, умирали, так и не став взрослыми. Неужели ее драгоценное дитя, дитя, дарованное ей О'Бирном, зачатое в дикой красоте гор Уиклоу, могло быть таким? Разве такое возможно? Как же так?

А Уолтер, сказав это жене, поцеловал малыша и положил ей на руки.

– Он Божье создание, и мы все равно будем его любить, – тихо заметил он.

Это было так похоже на Уолтера с его неизменной щедростью, что Энн не могла не быть благодарна. Муж оставил ее с ребенком, и она, прижав к себе малыша и поплавав какое-то время, переполнилась бесконечным желанием защитить кроху, а мысль о том, что жизнь сына будет короткой, лишь усиливала это чувство. Когда Уолтер пришел снова, Энн с вызовом посмотрела на мужа.

– Он просто не совсем совершенен, – заявила она.

Однако Энн интуитивно ощутила: для Уолтера это стало немалым облегчением. Для него было бы уже слишком иметь в доме здорового, красивого ребенка О’Бирна и чувствовать его присутствие как насмешку над своей старостью. Наверное, ее муж мог даже втайне надеяться на то, что ребенок окажется мертворожденным. И в его глазах это неполноценное дитя можно было в каком-то смысле не принимать в расчет, в особенности рядом с его родным красавцем Морисом. И еще Энн не сомневалась: Уолтер, хотя никогда и не скажет этого вслух, наверняка должен был счесть неполноценность ребенка знаком Божьего недовольства поведением Энн. Да и большинство людей подумали бы так же. И если ее муж был слишком добр, чтобы говорить об этом, Энн с уверенностью ожидала чего-то в таком роде от Лоуренса, когда тот неделю спустя пришел к ним, и была весьма удивлена реакцией брата. Взяв малыша на руки и внимательно осмотрев его, иезуит сказал:

– Врачи отмечают, что такие дети обычно рождаются у немолодых матерей. Но почему – никто не знает. – После небольшой паузы он продолжил: – Если хочешь, чтобы потом, позже, за ребенком присматривали добрые люди, я могу это устроить. Я знаю одно такое место.

– Я предпочла бы сама заботиться о нем.

– Ну, это уж вы с мужем сами решите. – Он внимательно посмотрел на сестру. – Твой муж, Энн, выше всяких похвал. Истинный христианин.

– Знаю, Лоуренс.

– Я рад. – И после этих слов, к облегчению Энн, он покинул их дом.

Ребенка назвали Дэниелом.

По правде говоря, Морис Смит нечасто причинял отцу неприятности. Но это не мешало Уолтеру тревожиться за него. Как любой родитель, он боялся того, что могло случиться, и волновался из-за того, что уже произошло.

Мышление Уолтера было довольно своеобразным. Он знал о кровном родстве с ирландцем О’Бирном, но всегда считал себя истинным, настоящим англичанином, и признаки его ирландской крови, вроде рыжих волос, зеленых глаз или сумасбродства, могли проявиться, а могли и не проявиться в членах его семьи. Но главным страхом Уолтера, в котором он никогда не признавался жене, был страх, что Морис может оказаться таким же, как брат Уолтера Патрик, – красивым, обаятельным, но слабым. Это Уолтер как раз и считал ирландским наследием. И потому пока мальчик рос, он постоянно наблюдал за ним. Если ему казалось, что Морис не делает уроки или не выполнил поставленную перед ним задачу, Уолтер обычно тихо, но твердо добивался того, чтобы работа была сделана. Когда же Морис подошел к возрасту зрелости, его отец решил, что в целом сын вполне крепок характером.

Одно лишь продолжало тревожить Уолтера. Да, Морис много работал. Но не таилась ли в нем некоторая бесшабашность, некое бурление? Если это было просто кипение молодых сил, то все в порядке. В молодом человеке и должен гореть высокий дух. Это Уолтер вполне мог бы понять. Но что, если то было нечто более глубокое? Тогда имелось только два возможных объяснения: ирландская кровь или наследие Уолшей. Неужели долгие века жизни бок о бок с О’Бирнами и О’Тулами на пограничных землях в Каррикмайнсе повлияли на семью? Возможно. Они должны были быть представителями старого английского порядка, то есть так думал Уолтер, когда женился на Энн, но с тех пор он был вынужден признать, что в них скрывалась тайная необузданность и ненадежность, прикрытая набожностью. И не эта ли самая неустойчивость недавно проявилась в Энн?

Но и до обнаружения неверности жены страх Уолтера перед тем, что сына может привлекать ирландская жизнь, охлаждал его дружеские отношения с Брианом О’Бирном. И только бесконечные мольбы мальчика и то, что он не мог объяснить ему настоящей причины своих возражений, заставили наконец Уолтера дойти до того момента, когда он просто пожал пле-

чами в тайном отчаянии и позволил Морису поехать в Ратконан. И каким же бедствием это обернулось.

Весной 1639 года Морис заявил, что хочет съездить в Ратконан повидать О'Бирна, и Уолтер сначала пытался отговорить сына, а потом был вынужден просто запретить. Морис протестовал:

– Но он наш друг, и моего дяди Орландо тоже! Я уже жил в его доме!

Однако Уолтер был тверд в своем решении. Морис бросился к матери. Он чувствовал, что она не согласна с отцом.

– Ты должен повиноваться отцу, – сказала Энн.

Позже, в апреле, сразу после возвращения доктора Пинчера из его путешествий, Уолтер сообщил:

– Я еду по делам в Фингал на пару дней. Остановлюсь на ночь у Орландо и вернусь к следующему вечеру.

Энн не придавала этому значения, однако наутро после отъезда мужа она вдруг увидела, что и сын тоже куда-то собрался, и спросила, куда именно он едет и когда вернется. Морис ответил, что хочет повидать одного друга и вернется завтра. Энн показалось, что сын держится как-то уклончиво, и поинтересовалась:

– Что это за друг?

– Ты его не знаешь, – сказал Морис.

Однако Энн почувствовала, что сын говорит неправду. Она стала настаивать и заявила, что если он не скажет правду, то никуда не поедет. Наконец Морис признался, что собирается в Ратконан.

– Я вернусь раньше отца, – сказал он. – Ему и знать незачем.

Энн уставилась на него. Она понимала, что именно должна сказать: Морис не может туда ехать. Ее долгом было поддержать мужа. Но после того единственного визита она ни слова не получила от О'Бирна. Ей страстно хотелось хоть какой-нибудь вести от него. И если Морис собирался с ним повидаться, он мог хотя бы рассказать ей о нем, о том, как там дела... а может, и привезти какое-то тайное послание...

– Ты ему расскажешь, если я поеду?

Теперь Морис делал ее своей сообщницей. Конечно, он этого не понимал. Ох, если бы обстоятельства были другими! Тогда Энн могла бы отправить с сыном письмо. Но она хотя бы узнает что-то.

Энн колебалась. Потом наконец выбрала самый трусливый путь.

– Ты должен слушаться отца, – сказала она. – А если нет, то я и знать ничего о том не желаю. Не желаю знать! – С этими словами она развернулась и ушла. И через несколько минут услышала, как застучали конские копыта.

В тот же день в сумерки вернулся Уолтер. Его дело потребовало меньше времени, и ему незачем было ночевать у Орландо. И конечно, очень скоро он поинтересовался, где его сын. Энн сидела в гостиной, держа на коленях кроху Дэниела.

– Куда-то ускакал утром. Сказал, что, может быть, сегодня не вернется, – абсолютно правдиво ответила Энн.

– И куда он отправился?

– Не захотел сказать.

– И ты ему позволила?

– Я подумала... Мне показалось, что это может быть девушка...

Уолтер замолчал. Было совершенно ясно, что именно произошло. Существовало только одно место, куда стремился Морис. Значит, он просто выжидал до сегодняшнего дня, когда, как он подумал, можно будет съездить, а отец ничего не узнает. Уолтер был в ярости оттого, что его сын мог поступить столь вероломно, однако у него хватило здравого смысла не обвинять

юношу во всех грехах. Молодые люди нередко творят такое. А вот его жена – это совсем другое дело. Она утверждает, будто ничего не знала? Уолтер обвиняюще уставился на Энн. Она вздрогнула и опустила глаза. Уолтер медленно кивнул. Вот как, значит. Она позволила их сыну отправиться к ее любовнику, открыто выступив против воли мужа. В глубине души Уолтера закипал обжигающий гнев. Он несколько долгих, ужасных мгновений смотрел на младенца. А потом вышел из комнаты.

На следующий день, когда Морис вернулся, его отец был абсолютно спокоен. Он даже не спросил сына, где тот был. Но сообщил, что Морис не может исчезать на ночь без разрешения, а также заявил, что у него больше нет лошади и не будет до следующего Рождества. И сразу отправил сына с какими-то поручениями в город.

Позже Энн узнала от Мориса, что у О'Бирна дела идут хорошо, что он бодр, как всегда, и собирается в Дублин.

– Скоро?

– Он не сказал. Но посылает тебе свои наилучшие пожелания.

В следующие недели Уолтер Смит был очень занят делами. И еще Энн казалось, что в нем происходят какие-то перемены. Потерял ли он действительно какую-то часть своего лишнего веса, она сказать с уверенностью не могла, потому что физической близости между ними не было. Но в нем появилась какая-то новая живость и жесткость, он проживал дни так, будто, по крайней мере мысленно, больше не нуждался в Энн.

А она все ждала какой-нибудь вести от О'Бирна.

Чиновники Уэнтурта предложили Дойлу войти в некую важную комиссию, и он предположил, что, должно быть, о нем вспомнили в связи с той историей в Лондоне, больше десяти лет назад, когда речь шла о благосклонности к католикам.

– На вас смотрят как на достойного доверия представителя Ирландской церкви, – сказал Дойлу один из чиновников.

– Наверное, – сухо заметил позже Дойл в разговоре со своим кузеном Орландо, – я должен воспринимать это как комплимент. – И хотя он не имел ни малейшего желания оставлять семью, отправляясь куда-то с какой-то миссией, он продолжил: – Но я был бы дураком, если бы отказался.

И потому одним летним утром он вместе с большой группой джентльменов и чиновников из Дублинского замка поехал на север. Поездка должна была занять около месяца.

Цель миссии была проста: убедиться, что в Ульстере не происходит ничего опасного.

Когда позже той весной король Карл вместе со своей не слишком пылкой армией добрался до шотландской границы, его встретили сторонники Ковенанта. Произошло несколько стычек, но король Карл ничего не добился и заключил перемирие. Правительство оказалось в безвыходном положении. А тем временем королевские представители рыскали по Ульстеру и задавали вполне очевидный вопрос:

– Собираются ли шотландцы в Ульстере тоже устраивать беспорядки?

Дойл, продвигаясь все дальше на север, не уставал удивляться. Члены комиссии и их сопровождающие уже являли собой немалый отряд, но за ними шли еще и вооруженные всадники, пехотинцы и мушкетеры, и все это выглядело небольшой армией. Король отправил к шотландцам вовсе не бестолковых новобранцев. Это были хорошо обученные солдаты. Когда Дойл выразил свое восхищение в разговоре с одним из чиновников, тот ответил с улыбкой:

– Даже пресвитерианцы должны найти это убедительным.

Уже в Ульстере Дойл с изумлением узнал, что Уэнтурт был намерен установить мир, просто вынудив ульстерских шотландцев принести клятву верности королю. Конечно, ничего нового в этом не было. Король Англии Генрих VIII проделал то же самое, когда сам нарушил клятву верности папе римскому, а некоторым преданным католикам вроде сэра Томаса Мора,

отказавшимся это сделать, пришлось умереть. И именно отказ дать такую же клятву теперь не позволял Орландо Уолшу и остальным католикам из старых англичан занимать государственные должности. В традиционной Ирландии клятва верности была делом обычным, хотя, что было весьма умно, она сопровождалась заодно еще и передачей заложников.

А теперь от шотландцев требовали так называемой Клятвы Отречения. Приносивший эту клятву должен был отречься, то есть не признавать Ковенант и отдать свою преданность королю Карлу. Дойл предполагал, что этого потребуют от видных людей и от глав семей. Но ему следовало лучше знать Уэнтуорта.

– Полностью и до конца – вот мой девиз! – заявил тот.

И они заглядывали в каждый дом, на каждую ферму, на каждое поле и в каждый амбар.

– Там, где есть шотландец, будь он хоть последним нищим, – было сказано чиновникам, – если ему стукнуло шестнадцать, он должен дать клятву.

Именно так и поступала комиссия. Большинство шотландцев жили в восточной, прибрежной части Ульстера, но представители короля добирались туда, куда им было нужно. В каждом районе они разбивались на небольшие группы, но в сопровождении солдат, и просто шли от двери к двери. Любой шотландец, хоть местный житель, хоть гость, вынужден был давать клятву. Дойл сам выслушал ее от сотен человек, протягивая им небольшую потрепанную Библию.

Шотландцам это не нравилось. Черная Клятва – так они это называли. Но выбора у них не было. Через три недели Дойла поблагодарили и позволили вернуться домой. И он несколько дней в одиночестве путешествовал по провинции, прежде чем отправился назад.

По дороге домой, проезжая через Фингал, он свернул в сторону, чтобы переночевать у своего кузена Орландо.

Он с наслаждением поужинал с Орландо и его женой, а потом Мэри оставила мужчин наедине. Орландо очень хотел узнать о действиях комиссии, а Дойл в равной мере хотел поделиться мыслями с умным адвокатом-католиком. Орландо спрашивал: хотят шотландцы в Ульстере также образовать Ковенант или собираются переправиться через море и там присоединиться к своим?

– Когда вы туда отправились, в Дублине многие были напуганы как никогда прежде, – объяснил он.

– Не думаю, что там есть какая-то опасность, – ответил Дойл. – Конечно, сообщение через пролив между Ульстером и Шотландией существует. И всегда существовало. Но положение здесь и там совершенно разное. В Ульстере шотландские пресвитерианцы в меньшинстве. Им приходится вести себя тихо, хотя, без сомнения, они хотели бы помочь Шотландии, если бы могли, и они с восторгом наблюдали, как там унизили короля Карла.

– Я пытаюсь вообразить огромную общину докторов Пинчеров, – с улыбкой сказал Орландо.

– Знаешь, они весьма честны, горды и трудолюбивы. А кое в ком я заметил некоторый мрачный юмор, несмотря на обстоятельства. По правде говоря, Орландо, они мне понравились куда больше, чем доктор Пинчер. – Он немного помолчал, размышляя. – И еще в них есть некая сила, которой нет у доктора Пинчера и которая очень меня пугает.

– Пугает сильнее, чем доктор Пинчер?

– Да. Как я на все это смотрю? Пинчер тверд в своей религии. Мне может не нравиться его вера, и ты, католик, должен ее презирать. Но я не сомневаюсь в его искренности. Он верит страстно. А они не столь суровы. Но они не просто верят. Они *знают*. – Дойл пожал плечами и сухо улыбнулся. – А ты ведь не можешь на самом деле спорить с человеком, который *знает*.

– Но я тоже знаю, кузен Дойл. Я католик, и я знаю, что моя Церковь – истинная, что это вселенский голос всего христианского мира.

– Да, это так, и все же не совсем так. У тебя есть не только апостольская преемственность, но и полтора тысячелетия традиции, на которую ты опираешься. Католические святые не раз показывали себя. Католические философы усердно доказывали свою правоту, а Церковь время от времени проводит реформы внутри себя. Католическая церковь огромна, она древняя и мудрая и может судить на основе этого. В ней есть место для всего человеческого, гуманного, и она проявляет гибкость во многом, демонстрирует добрую волю... – Дойл помолчал, усмехаясь. – По крайней мере, на это следует надеяться.

– Ладно, давай вернемся к прежнему, – сухо вато произнес Орландо. – Ты увидел в шотландцах нечто злобное?

– Нет. Хотя люди могли бы озлобиться, когда с ними вот так обращаются. Они не злобны, они уверены. Они *знают*. Вот и все, что я могу тебе сказать.

– Ну, мы хотя бы должны быть благодарны за то, что там держится мир.

Дойл задумчиво кивнул, прежде чем продолжить, поскольку на уме у него было другое. Именно поэтому он и завернул к своему кузену-католику.

– Там есть еще кое-что, Орландо. То, что я увидел в Ульстере, встревожило меня куда сильнее. И это вообще не касается шотландцев.

Дойл замечал это несколько раз во время работы в комиссии. Но потом, когда до возвращения домой он побывал еще и в других местах, задумался куда глубже. Ему нетрудно было встретиться со многими важными людьми в Ульстере. Англичане знали Дойла как человека, достойного доверия, а ирландцам было известно о его связях с католическими семьями. Одни держались с ним с вежливой осторожностью, другие – более откровенно. Ничего определенного, конечно, не было сказано, однако Дойл получил вполне ясное представление.

– Что меня всерьез беспокоит, – продолжил он, – так это то, как все последние события влияют на ирландцев. – Он увидел, как Орландо слегка вскинул брови в молчаливом вопросе. – Я говорю о самых что ни на есть благонамеренных ирландцах, о землевладельцах вроде сэра Фелима О'Нейла, лорда Магуайра и прочих. Это потомки древних принцев Ирландии, люди, которые после Бегства графов видели, как английское правительство отобрало большую часть их земель и земли их друзей. Но они более или менее примирились с новым режимом. Они заседают в ирландском парламенте. Они сохраняют свое достоинство и отчасти свое древнее положение. Я разговаривал с некоторыми из этих людей, Орландо, и наблюдал за ними.

– И что ты думаешь?

– Думаю, они выжидают. Присматриваются и выжидают. Они понимают, что Уэнтуорт весьма силен, а король Карл слаб. Шотландцы с их Ковенантом доказали это. И в равной мере важно то, что они видят, как протестанты теперь ссорятся между собой.

– И какой из этого можно сделать вывод?

– Я вижу два вывода. Первый и менее опасный: они используют слабость короля, чтобы добиться больше уступок для себя. Ведь и в самом деле, они просто в восторге от бунта пресвитерианцев в Шотландии, потому что это заставит короля еще сильнее нуждаться в преданных ему католиках.

– А второй?

– Второй пугает намного сильнее. Они могут спросить себя: а почему бы нам не создать собственный Ковенант, католический? Король настолько слаб, что, скорее всего, не сможет этому помешать.

– Этому может помешать Уэнтуорт.

– Возможно. Но однажды...

– Однажды Уэнтуорта здесь не станет. – Орландо кивнул. – И ты, наверное, гадаешь, нет ли у меня каких-то сведений. – Он улыбнулся. – Как у католика, да. У преданного католика.

– В общем, да.

Именно это Дойл и думал. Он внимательно смотрел на кузена. Орландо вздохнул:

– Что до первого – насчет давления на короля ради того, чтобы он признал преданность католиков... Ну, я постоянно твержу об этом. И найдется немало ирландских джентльменов, которые, я уверен, просто ради покоя и порядка присоединились бы ко мне. И мы можем только порадоваться, если шотландцы вынудят его к этому. Что до последнего – а это ведь было по эффекту чем-то вроде бунта Тирона – могу сказать, положив руку на сердце, что ничего такого не слышал. Такие надежды могут существовать, где-то в будущем, но пока ничего такого не говорят. А если бы я слышал подобные разговоры, не сомневайся, выступил бы против. Старые англичане должны хранить верность королю. Мы для того и созданы.

Его слова отчасти успокоили Дойла, и вскоре после их беседы он отправился спать. Но Орландо еще какое-то время сидел в одиночестве. Он думал обо всем том, что сказал Дойл, и его мысли возвращались в детство и к воспоминаниям о тех древних ирландских вождях, чьи имена звучали как заклинание. Да, они сбежали с острова. Но их магия не умерла. И их наследники были живы – О'Нейлы, О'Моры... Принцы Ирландии. И в процессе этих размышлений на ум Орландо пришла одна мысль.

Интересно, а не знает ли чего-то Бриан О'Бирн?

Это была идея Мэри Уолш: пригласить Уолтера Смита и Энн провести два дня в сентябре в Фингале с ней и Орландо. С ними приехал и малыш Дэниел, а вот Морис – нет.

– Поскольку у него нет лошади, – вежливо пояснил его отец, – ему нужно либо идти пешком, либо остаться в Дублине.

А чтобы сын не скучал, отец нагрузил его работой, которую следовало закончить к их возвращению.

Мэри давно уже хотела устроить этот визит, хотя и не была очень близка со Смитами. Независимо от поведения Энн, Мэри думала, что как-то неестественно для Орландо и его сестры не быть друзьями, и надеялась таким образом помочь им обоим.

Смиты приехали вечером, и семьи поужинали вместе. Мужчины явно были рады обществу друг друга. Мэри знала: Орландо в какой-то мере считает себя ответственным за то, что именно он ввел О'Бирна в жизнь Энн, хотя Мэри и твердила ему:

– Ты едва ли можешь винить себя в том, что она сделала по собственной воле.

В прошедший год Орландо редко виделся с О'Бирном, несмотря на то что ему чрезвычайно нравилось общество ирландца. Но привязанность Уолтера к Орландо ничуть не стала слабее. И теперь, когда она видела, как мужчины с удовольствием разговаривают и смеются и на рубашке Уолтера остались крошки после ужина, а на кружевной манжете Орландо красуется винное пятно, Мэри испытывала огромное удовольствие.

Но Энн – это совсем другое дело. Орландо тепло приветствовал сестру, и теперь Мэри внимательно наблюдала за Энн, сидевшей рядом с мужем и тихо улыбавшейся. Но она как будто была где-то далеко. Перед ужином Мэри позвала ее в гостиную, и они посидели там вместе, и Энн играла с малышом. Немного погодя Энн спросила, не хочет ли Мэри поддержать Дэниела.

И как же это было прекрасно – ощутить на руках тепло крохотной жизни, почувствовать, как младенец прижимается к ней. Мэри взяла маленькую ручку и, как это делала когда-то ее собственная мать, пересчитала пальчики на ней. Глядя на широкое лицо и раскосые глаза, она чувствовала тоску, похожую на боль, и думала: как я была бы рада, если бы у меня был хотя бы такой...

Позже они с мужем у себя в спальне обсуждали прошедший вечер, Мэри спросила Орландо, что он думает о своей сестре и ее муже. Похоже, ответил он, они вполне ладят между собой.

– Тебе так кажется? А ты не заметил, что, когда они сидят рядом, они как будто отстраняются друг от друга?

– Они улыбаются.

– Они отстраняются. За весь вечер они ни разу не прикоснулись друг к другу.

– Я не заметил. – Орландо вздохнул. – Хотя ты наверняка права. Я бы сказал, что это очень трудно – иметь между собой такого вот ребенка, ежедневное напоминание о том, что случилось. Ты думаешь, состояние ребенка еще больше ухудшает дело? Такие дети растут очень медленно, требуют массу внимания... Да, я бы сказал, это лишь к худшему.

– Она любит его до безумия.

– Я говорил об Уолтере. – Орландо посмотрел на жену. – Как думаешь, можно что-нибудь сделать, чтобы снова свести их?

– Супруги частенько мирятся.

– Но Энн следовало бы сделать первый шаг. Это ведь именно она нанесла ему обиду.

– Согласна.

– Ты не могла бы с ней поговорить, Мэри?

– Я недостаточно хорошо ее знаю. И она на десять лет старше меня. Так что это тебе следует с ней поговорить.

– Я не могу. – Орландо покачал головой. – Лоуренс уже пытался. Ты ведь знаешь, она ему просто солгала.

– Но разве ты не должен? При сложившихся обстоятельствах?

Орландо с искренним удивлением глянул на жену:

– Нет, не могу!

Мэри немного помолчала. А потом наклонилась к мужу и поцеловала его:

– Я буду за нее молиться, Орландо.

Видит Бог, она уже достаточно много молилась за саму себя. Может быть, молитва за другого человека будет услышана?

– Молиться мы должны, конечно. – Орландо снова вздохнул. – И мы будем молиться, Мэри.

Утром мужчины отправились навестить священника в Мэлахайде. А женщины остались в доме. Хотя часть ее времени занимал ребенок, Энн все же помогла Мэри и женщинам в большой кухне. Мэри прекрасно видела, как рада Энн оказаться в своем старом доме. И малыш, кажется, тоже был счастлив. Раз-другой в течение этого утра, когда женщины оставались наедине, Мэри чуть было не заговорила об Уолтере, но почему-то каждый раз момент казался ей неподходящим, и она так ничего и не сказала.

Обед прошел отлично. Мужчины пребывали в прекрасном настроении, они были в восторге от встречи со старым священником. Свинина, поданная на стол, имела большой успех. Во время обеда Мэри снова наблюдала за тем, как держатся Энн и ее муж, ища хоть каких-то знаков интимности между ними. Как всегда, они были друг с другом вежливы и дружелюбны, но ей все равно казалось, что между ними стоит невидимая стена, словно этих двоих развели по разные стороны некой границы.

После обеда именно Мэри предложила:

– А давайте прогуляемся к колодцу в Портмарноке?

Орландо глянул на нее с легким недоумением, но Уолтер сразу согласился.

– Энн, пойдем с нами, – предложила Мэри. – А женщины в кухне присмотрят за Дэниелом.

По дороге в Портмарнок Мэри шла рядом с Уолтером, а Орландо с Энн шагали немного впереди. Мэри все гадала, поговорит ли Орландо с сестрой о ее семейной жизни. Скорее всего, нет. Что до нее самой, то она не считала возможным напрямую затронуть эту тему, но могла бросить намек.

– Орландо ходит к святому колодцу, чтобы помолиться, хотя мне об этом не говорит. – Она грустно улыбнулась Уолтеру. – Он молится о ребенке, которого Бог нам так и не даровал. – Мэри вздохнула. – Как думаешь, может, таким образом Господь нас испытывает?

– Пожалуй.

– И если мы пройдем испытание и продолжим молиться, я верю, на наши молитвы обязательно последует ответ. А ты в это веришь?

– В этой жизни? Не знаю.

– А я верю, Уолтер. Искренне. Мы сами можем не видеть результата, но каким-то образом на наши молитвы есть отклик.

– Тогда я буду молиться за тебя, Мэри, – с мягкой улыбкой произнес Уолтер.

– А я буду молиться за тебя, – тихо ответила она. – Ты проявил такое христианское прощение... Я буду молиться, чтобы ты получил все то уважение и счастье, каких заслуживаешь. – И она легко коснулась руки Уолтера.

Он ничего не ответил, а Мэри не решилась сказать больше, но через какое-то время Уолтер пробормотал, скорее обращаясь к самому себе, чем к спутнице:

– А я простил?

Они дошли до колодца. Вокруг было пусто. Солнце затянуло высоким перистым облаком, но слабый ветерок был теплым.

– Колодец Святого Марнока, – сообщил Орландо. – Наш отец часто приходил сюда, чтобы помолиться.

– Здесь само место подталкивает к молитве, – заметил Уолтер.

Они обошли колодец, внимательно рассматривая его. Орландо, заглянув в него, тихо опустился на колени, явно на своем обычном месте, и склонил голову. Энн, возможно не с такой готовностью, встала на колени по другую сторону колодца и замерла в напряженной позе, как скульптуры на гробницах в церкви. Уолтер как будто колебался сначала, а потом отошел немного в сторону, за спину своей жены: то ли не желал стоять с ней рядом, то ли не хотел ее отвлекать. Мэри встала на колени чуть дальше, так чтобы видеть их всех. Она наблюдала и в то же время пыталась от всего сердца молиться за Энн Смит и ее мужа, за то, чтобы они воссоединились. И все стояли так несколько минут, каждый обращаясь к Богу со своей просьбой.

Мэри первой слышала стук конских копыт. Он доносился с той тропы, по которой пришла сюда их компания. Мэри бросила удивленный взгляд. Потом Энн. И как раз перед тем, как всадник к ним приблизился, Уолтер тоже неохотно прервал молитву, и Орландо одновременно с ним поднял голову, держа в руке четки.

Это оказался Морис. Его лицо разгорелось. Он выглядел взволнованным и, кажется, даже не заметил, что прервал их разговор с Богом, или ему было все равно.

– Я прямо из дому! – закричал он. – Мне сказали, что я найду вас здесь.

– Я не разрешал тебе садиться в седло, – ровным тоном произнес Уолтер.

– Прости, отец! – воскликнул Морис. – Но я знаю, ты простишь, когда услышишь... – Он окинул всех победоносным взглядом. – Уэнтуорта отозвали!

Произведенный его словами эффект был именно таким, какого Морис и ждал.

– Уэнтуорта отозвали?! – Орландо был просто ошеломлен. Потом он повернулся к Уолтеру. – Да, это всем новостям новость!

– Ему приказали вернуться в Англию и спасти короля от проблем. Он, похоже, единственный человек, которому доверяет король Карл. И Уэнтуорт готовится к отплытию. Я услышал это в замке сегодня утром. Весь Дублин уже знает. Ну вот, отец, был ли я прав, когда поспешил сообщить тебе?

– Прав, – кивнул Уолтер.

– И еще есть кое-какие новости, – усмехнулся Морис. – Как раз перед тем, как я уехал, как вы думаете, кого я встретил на улице, если не Бриана О’Бирна?

Мэри увидела, как напряглась Энн. Лицо Уолтера окаменело. Лишь Орландо откликнулся:

– И что, Морис?

– А то, что он снова женится. На какой-то леди из Ульстера. И представьте, из семьи О’Нейл! Она родственница сэра Фелима О’Нейла.

Мэри была само внимание. И видела, как на мгновение Энн поморщилась, а потом наклонилась вперед, как будто ее ударили в живот, но тут же взяла себя в руки и выпрямилась почти с величественным спокойствием. Однако Энн не произнесла ни звука, а от ее лица отлила кровь, и оно внезапно стало смертельно белым и изможденным.

Оба мужчины также заметили это. Первым опомнился Орландо:

– Родственница Фелима О’Нейла? Но он один из самых влиятельных людей в Ульстере.

– Бриан так и сказал.

– Да, отличный брак. – Мэри поняла, что ее муж пытается отвлечь внимание Мориса от Энн, потому что он быстро продолжил: – А Уэнтуорт? Известно, кто займет его место?

– Нет, об этом я ничего не слышал, – ответил Морис. – Мама, ты в порядке? Что-то ты бледная.

– Твоя мать устала, прогулка была долгой, – твердо произнес Уолтер. – И раз уж ты привел нам лошадь, Морис, то можешь теперь отдать ее своей матери, а сам вернуться домой пешком с дядей и тетей.

Морис моментально спешился и передал отцу поводья.

– Да, пойдём с нами, Морис, – произнесла Мэри. – Мы тебя так давно не видели.

И они с Орландо, взяв молодого человека за руки, пошли по тропе в обратную сторону, оставив Уолтера и Энн наедине.

Энн очень медленно приходила в себя. Она отвернулась в сторону, не смея глядеть мужу в глаза.

– Мне бы хотелось проехаться по берегу, – сказала она. – А ты лучше иди с остальными. Я вас догоню.

– Я подожду тебя здесь.

– Я могу и задержаться.

– Я дождусь.

Энн медленно проехала между дюнами, выбралась на открытое песчаное пространство. Там никого не было. Энн повернула на юг, к Бен-Хоуту. Над водой, освещенный бледным солнцем, возвышался маленький островок с треснувшей скалой, похожий на готовый к отплытию корабль. Энн смотрела на него и думала: мне предстоит состариться в одиночестве.

Она поехала дальше. Над мелководьем носились кроншнепы. Несколько раз до Энн доносились крики чаек. Море было спокойным, но на песок набегали маленькие волны. Начинался отлив.

Он оставил меня навсегда. Он оставил меня. Он оставил нашего ребенка. Оставил, не сказав ни слова.

И ее пронзила такая огромная боль, что у Энн не было сил ехать дальше. Она соскользнула с лошади и упала на колени на песке. И так стояла, слыша, как снова и снова плещут маленькие волны, а море медленно отползало все дальше, дальше...

Как это говорил Лоуренс?

Сердце управляет головой – лучше умереть.

Не был ли он в конце концов прав? Да, думала Энн, он был прав. И, ослабев, почти вдвое согнувшись от боли, она смотрела на пустое отползавшее море и слышала, как волны повторяют: «Лучше умереть. Лучше умереть. Лучше умереть».

Много времени прошло, прежде чем Энн медленно встала и поехала обратно к колодцу, где ее ждал Уолтер.

Кромвель

1640 год

Морису никто не говорил, что они задумали насчет младенца. И потому для него все стало полной неожиданностью.

Вскоре после Рождества он проводил мать и малыша Дэниела в Фингал, где они провели три прекрасных дня. Почти все это время Морис был со своим дядей Орландо, а его мать и тетя Мэри занимались ребенком. Но потом, как раз перед тем, как они уже собирались возвращаться в Дублин, его мать вдруг сообщила, что ребенка они оставят здесь.

– Так лучше для Дэниела, – сказала она с улыбкой, хотя Морис видел страх в ее глазах. – Так лучше для всех. – И ничего больше не добавила.

Морису пришлось спросить объяснений у отца.

– Это твой дядя Орландо придумал, – ответил ему Уолтер. – Видишь ли, твоя тетя Мэри очень тяжело переживает то, что у нее нет детей. И он написал мне, спрашивая, нельзя ли привезти к ним Дэниела, а потом я обсудил это с твоей матерью, и мы подумали, что так будет лучше. Малыш принесет радость твоим тете и дяде, и я совершенно уверен, малыш будет там счастлив.

Морису грустно было потерять маленького братика, но он решил, что родители знают лучше.

– А я могу его навещать? – поинтересовался он.

– Конечно можешь, – ответил отец.

Первые месяцы того года прошли быстро. Пришли новости о свадьбе О'Бирна. Морису хотелось туда поехать, и он спросил родителей, не поедут ли они на свадьбу, но ему ответили, что не поедут.

– А могу я поехать, с дядей Орландо? – спросил Морис. – Он ведь наверняка туда соберется.

Но и Орландо не поехал.

Немного времени спустя после того разговора Морис как-то увидел, как его мать сидит в одиночестве, уставясь в пространство, и выглядит очень грустной. Он уже хотел подойти к ней и спросить, что случилось, но его остановил отец. Он взял Мориса за руку и тихо сказал, что ему нужна кое-какая помощь снаружи. Когда Морис заметил, что мама выглядит уж очень печальной, Уолтер сказал:

– Твоей матери просто нужно немножко побыть в одиночестве.

Позже в тот же день Морис увидел, как отец тихо обнял мать за плечи, что делал совсем не часто; и юноше показалось, что в следующие дни и недели мать выглядела куда более радостной.

В марте в Дублине стало шумно, поскольку пришло время созыва парламента. Уэнтуорт вернулся ненадолго, чтобы председательствовать. Король был так им доволен, что даровал ему титул графа Стаффордского. Парламент привел в город важных людей разного рода. Приехали новые англичане-землевладельцы, те, кому были выделены большие земли в Ульстере и Манстере, а также джентльмены-протестанты, которые представляли новые области и должны были гарантировать Уэнтуорту большинство протестантов Ирландской церкви. Но оставалось немало старых англичан-джентльменов и некоторое число ирландских аристократов. Как-то раз, когда Морис шел по улице вместе с отцом, Уолтер Смит показал ему одного из ирландских принцев, самого сэра Фелима О'Нейла. Зная о связи этого человека с О'Бирном, Морис с

большим интересом взглянул на аристократа из Ульстера. Но если он ожидал увидеть погруженную в раздумья яркую личность времен Бегства графов, то увидел лишь обычного мужчину хорошо за тридцать, которого вполне мог принять за джентльмена из Фингала, вроде его дяди Орландо. Принц смеялся, говоря о чем-то с двумя такими же мужчинами, пока они не спеша шагали по улице.

– А те двое с ним – это Рори О’Мор и лорд Магауйр, – тихо сообщил отец. – О’Нейл – родня великому Тиرونу. Далекая родня, конечно, но ходят слухи, что он по уши в долгах. По правде говоря, и двое других тоже немногого стоят. Вряд ли ирландские вожди стали бы ими гордиться.

– Но они занимают важные места в парламенте.

– Они как бы выступают за старую Ирландию и за католицизм. Но они в парламенте также и для того, чтобы ухватить что-нибудь для себя.

– Ну, думаю, большинство членов парламента заседают там по той же причине, – откликнулся Морис.

– Пожалуй. – Его отец улыбнулся. – Хотя в прошлом у них отобрали очень много земель, – продолжил он более серьезно, – а потому вряд ли их стоит винить, если они пытаются защититься и не потерять еще больше.

Цель же Уэнтуорта была весьма проста: заставить ирландский парламент добыть денег и солдат для короля, чтобы воевать с Шотландией. И парламент достаточно быстро уступил.

– Они проголосовали за деньги, чтобы избавиться от Уэнтуорта, – сухо сказал по этому поводу Уолтер Смит.

И в самом деле, к апрелю Уэнтуорт вернулся в Лондон, где собирался английский парламент.

Но англичане вовсе не были в настроении помогать королю Карлу. В течение одиннадцати лет король правил, обходясь без парламента, причем оскорблял парламент сбором незаконных налогов и мелкой тиранией, а к тому же навязал им Церковь, ненавистную большинству его подданных-пуритан. И в последнее десятилетие почти половина населения перебралась в Америку. Так что пришло время расчета. Лидеры парламента состояли в союзе с шотландцами и знали, что сила на их стороне. Смит, как-то раз встретившись с Дойлом, заговорил о ситуации в Лондоне.

– Они наступают королю на пятки, – сказал ему Дойл с мрачной улыбкой.

Король Карл был в бешенстве. И меньше чем через месяц пришла весть: «Он отправил их всех по домам».

Именно в том месяце Морис увидел первые войска, которые согласился собрать ирландский парламент. Морис встретился с Дойлом у входа в Дублинский замок, когда отряд примерно из ста человек промаршировал вверх по холму и вошел в ворота.

– Должно быть, это те люди, которых призвали в Килдэре, – заметил торговец.

Морис обратил внимание на то, что солдаты – это в основном бедные люди, рабочие-католики и прочие в таком же роде. Однако во главе отряда ехал верхом маленький мужчина с грубым лицом, показавшийся Морису иностранцем.

– Это тот полковник, который собирает войско, – пояснил Дойл. – Солдаты могут быть католиками, но офицеры – протестанты. Некоторые, вроде вот этого, просто наемники с континента, парламент заплатил им за то, чтобы они набрали и обучили людей. – Дойл вздохнул. – Вот так и появляются армии, Морис. Это просто бизнес вроде любого другого.

А еще Дойл сообщил, что пока армия будет стоять в Ульстере.

Они с Дойлом направились к собору Христа, и тут Морис увидел старика с девушкой. Пожилой мужчина, которому Дойл очень вежливо поклонился и который ответил ему улыбкой, был маленького роста, едва выше плеча Мориса, но одет очень аккуратно. У него было

узкое лицо, белоснежная борода и добрые глаза, самого светлого голубого цвета, какой только приходилось видеть Морису.

– Это Корнелиус ван Лейден, – тихо сообщил Дойл, как только они прошли мимо. – Торговец из Голландии.

Морис знал нескольких голландцев, живших в городе, но этого старика определенно никогда прежде не видел.

– Он только недавно приехал, – пояснил Дойл. – У его сына здесь было дело, но он умер, и старик приехал, чтобы разобраться со всем. Он говорит, ему здесь понравилось и он решил остаться. Я слышал, он только что получил в аренду землю на севере Фингала.

– Он протестант?

– Да. Как почти все голландцы. И у него здесь очень большие связи. Он знаком с лордом Хоутом, и, похоже, старый друг самого Ормонда.

Одна из двух великих ирландских династий, Фицджеральды, в основном придерживалась католической веры, но глава Батлеров, богатый лорд Ормонд, присоединился к протестантской Ирландской церкви.

– Этот голландец – прекрасный старик, – завершил Дойл. – И богатый.

– А девушка? – спросил Морис.

– Его внучка. – Дойл бросил на Мориса быстрый взгляд. – Хорошенькая, тебе не кажется?

Морис оглянулся, чтобы бросить взгляд на девушку. Старик держал ее под руку, медленно шагая по улице. Морис подумал, каково это – прикоснуться к ее руке. Он решил, что девушка немного моложе его самого. Стройная, изящная, с длинными золотистыми волосами, нежной кожей сливочного цвета и с безупречными белыми зубами... Девушка посмотрела на Мориса с некоторым интересом. Выглядела она скромной, но что-то подсказывало, что по натуре она чувственна. Морис продолжал таращиться на нее, пока не почувствовал, как Дойл его подтолкнул.

– Она протестантка, Морис, – тихо сказал Дойл, весело глядя на него. – Ты не можешь на ней жениться.

– Конечно не могу, – ответил Морис.

А сам подумал, увидит ли он ее еще раз.

Лето выдалось унылым. Часто шли дожди. В областях вокруг Дублина урожай был плохим, а в Ульстере, насколько слышал Морис, он вообще погиб. Что же до той девушки, он больше ее не видел. Морис предполагал, что она может быть в Фингале, если только не вернулась вместе с дедом в Нидерланды.

Особой военной активности Морис не замечал. Призыв в армию шел в целом успешно. И уже было собрано более девяти тысяч человек. Но солдаты и их командиры оставались в Ульстере, где их разместили на фермах и в городках.

– Поскольку урожай погиб, там люди очень недовольны тем, что им приходится содержать и кормить такое количество солдат, – сказал ему отец.

Но в конце лета пришли и другие новости. Шотландцы перешли английскую границу. Королевская армия отступила. Вскоре после того торговцы, прибывшие в порт, сообщили:

– Король уступил шотландцам. Они будут по-прежнему держаться своей веры, а король вынужден теперь выплатить им возмещение убытков.

– Они его унизили, – заметил Уолтер Смит. – Он этого не потерпит.

В сентябре Морису было позволено навестить его дядю Орландо и повидать малыша Дэниела. Визит оказался весьма удачным. Морис провел там несколько дней. Дэниел выглядел счастливым. Непонятно, правда, было, помнит ли мальчик свою родную мать, но он безусловно считал теперь своей матерью Мэри Уолш, и было радостно смотреть, как она играет с ним и нянчит его, как собственное дитя. Орландо держался весьма дружелюбно и познако-

мил Мориса кое с кем из соседей. Однажды утром они отправились к Толботам в Мэлахайд, а заодно заглянули в деревню и на устричные отмели в устье рядом с замком.

Когда они уезжали оттуда, Орландо сказал:

– Мне нужно еще заехать в Свордс. Если хочешь, поехали со мной.

Маленький городок Свордс лежал в четырех милях вглубь суши от деревни Мэлахайд. Прежде там находился монастырь, у дороги, что вела на север, к Ульстеру, и это был богатый район, выставивший двух членов в ирландский парламент.

Пока Орландо встречался там с каким-то торговцем, Морис осматривал все вокруг. На шумной главной улице находился чистый постоялый двор с вывеской «Башмак». В городке имелись также небольшой укрепленный замок, две старые церкви, а во дворе одной из них стояла красивая круглая башня, явно построенная еще во времена викингов. Она величественно поднималась к небу.

Морис уже возвращался обратно по главной улице, когда увидел ту девушку. Она сидела перед мастерской шорника. На этот раз ее волосы были заплетены в косы и спрятаны под чепчик. От этого она казалась чуть старше и намного женственнее. Морис подошел к ней:

– Ты внучка Корнелиуса ван Лейдена?

– Да. Если он тебе нужен, так он там. – Девушка показала на мастерскую.

– Я бы предпочел поговорить с тобой, – дерзко заявил Морис.

Девушка одарила его ледяным взглядом:

– И кто ты такой?

Морис быстро представился, объяснил, кто он, и добавил:

– Я родня торговцу Дойлу, из Дублина.

– А-а... – Лицо девушки посветлело. – Да, мы знаем его.

Морис выведал, что девушку зовут Еленой, что их имение находится всего в нескольких милях к северу отсюда, у побережья, и что она провела там с дедом все лето, но вскоре они вернутся в Дублин.

– Может быть, я увижу тебя там? – предположил Морис.

– Может быть.

В это мгновение вышел ее дед, и Морис представился ему.

– Сын Уолтера Смита? Ну да.

Старый джентльмен был вежлив, но весьма сдержан и сразу дал понять, что у них с внучкой есть дела. Морис ушел, но заметил, что в тот момент, когда дед не мог этого видеть, Елена оглянулась через плечо.

В конце 1640 года Фэйтфул Тайди решил, что с него довольно.

– Как же я буду рад, когда закончу Тринити! – заявил он отцу. – Лишь бы избавиться от этого старого черта!

И в самом деле, он начал даже сомневаться в том, что у доктора Пинчера все в порядке с головой.

В течение ноября стало понятно, что Пинчер пребывает в состоянии подавленного возбуждения. Король Карл, униженный шотландцами и не имевший денег на то, чтобы выплатить им компенсацию, был вынужден снова собрать английский парламент. Но как только парламент собрался, его разъяренные члены стали действовать решительно. Уверенные, что король и его министр задумали католический переворот и что католическая армия, собранная в Ирландии, будет брошена на них, они обвинили во всем получившего недавно титул графа Уэнтуорта.

– Его заперли в Тауэре, в лондонской тюрьме! – ликующе сообщил Пинчер молодому Фэйтфулу.

Парламент нанес сокрушительный удар по королю Карлу и был готов уничтожить его главного советника.

– Отдайте его нам, – заявили парламентарии, – или не получите ни единого пенни.

Кое-кто подозревал, что парламентариям хотелось и самого короля окончательно взять под свою власть.

Поскольку обвинение предстояло доказать при судебном разбирательстве, нужны были доказательства злодеяний Уэнтуорта, и потому посыльные носились туда-сюда между Лондоном и Дублином. Уэнтуорт, пока он был лордом-наместником в Дублине, своим деспотизмом нажил немало врагов, как католиков, так и протестантов, и Пинчер теперь не делал тайны из своей ненависти к нему, тем более что это уже не было опасно. Однажды утром Фэйтфул увидел, как из квартиры старого доктора выходит один из тех людей, что готовили обвинения против Уэнтуорта.

В декабре стало известно о дальнейшем развитии событий. Некоторые из пуритан, заседавших в лондонском парламенте, теперь открыто предлагали упразднить всех епископов и установить в Англии Пресвитерианскую церковь. Когда Пинчер услышал об этом, на его лице отразилось нечто вроде восторженного экстаза.

Но почему же в таком случае сейчас, когда все его враги повержены, доктор Пинчер был одержим идеей, что ему что-то угрожает?

– Надвигаются темные силы, Фэйтфул! – настаивал он. – И мы должны быть готовы к встрече с ними.

Прошло Рождество. В январе и феврале 1641 года в Дублине было вполне спокойно. По мере приближения суда над Уэнтуортом становилось понятно: английский парламент полон решимости уничтожить его любыми законными средствами. Говорили, будто есть некие доказательства того, что Уэнтуорт намеревался направить собранную в Ирландии армию против самого парламента.

– Нет, этот суд ему не пережить! – заявляли его враги.

Но, похоже, все это не удовлетворяло Пинчера. Как-то раз, когда Фэйтфул осмелился заметить, что не видит причин для тревоги, Пинчер вразумил его:

– Ты должен видеть дальше сегодняшнего дня, Фэйтфул Тайди. Уэнтуорт – зло! Но он силен. Когда он исчезнет, государственный корабль останется без капитана. А тогда может случиться что угодно.

– Но если англичане и шотландцы вынудят короля дать им Пресвитерианскую церковь, – начал было Фэйтфул, – то тогда здесь, в Ирландии...

– Смотри не только на Англию! – перебил его доктор. – Смотри дальше Шотландии! Ты должен окинуть взглядом Европу, весь христианский мир, Фэйтфул, если хочешь понять то, что происходит в Ирландии. – И добавил, как обычно: – Силы тьмы собираются.

А в начале декабря доктор начал давать Фэйтфулу самые утомительные поручения. В определенное время – и молодой человек никогда не знал, как именно выбирает это время Пинчер, – Фэйтфул должен был слоняться возле дома какого-нибудь известного католика. Часто это бывал дом иезуита, отца Лоуренса Уолша. Иногда Фэйтфулу было велено выходить рано утром, иногда – после наступления темноты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.